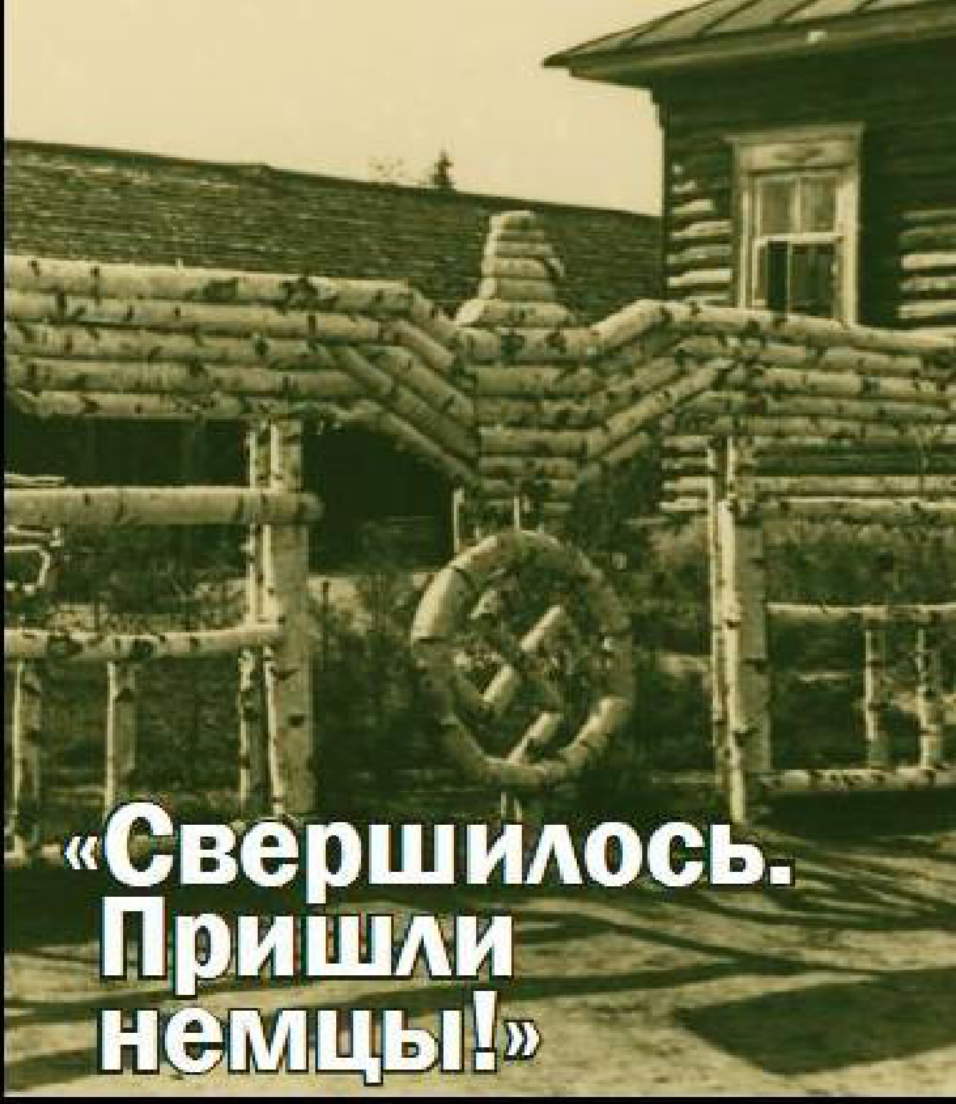
ИСТОРИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА



«Свершилось. Пришли немцы!»

Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Издательство «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)» совместно с Международным центром истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ начинают новую книжную серию «История коллаборационизма». Открывает серию книга «„Свершилось. Пришли немцы!“ Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны» (сост. О. В. Будницкий). Это предваренное обширной вступительной статьей и комментированное издание «Дневника коллаборантки» Л. Т. Осиповой (О. Г. Поляковой) и воспоминаний («Советская школа в 1936–1942 гг.» и «Гражданская жизнь под немецкой оккупацией, 1942–1944») В. Д. Самарина (Соколова). Тексты обоих авторов, различные по жанру и стилю (первый — дневник, хоть и подвергавшийся существенной позднейшей редактуре, написан живо, хлестко, в богатой эмоциональной гамме, второй и третий — заметно ангажированные и приближенные к публицистике воспоминания, газетно-канцелярские по своему языку), иллюстрируют феномен идейного коллаборационизма в годы войны, дополняющий более известный и очевидный коллаборационизм прагматический или вынужденный.

В среде советской интеллигенции в 1930-е годы существовала и росла группа тайных диссидентов; ее сложно определить в цифрах; некоторые, но, очевидно, не все ее представители проявились во время войны — намеренно стараясь оказаться на оккупированных территориях и сотрудничать с немцами в деле «освобождения» России от большевистской диктатуры. До войны свою скрытую и пассивную оппозицию режиму, да и вообще свой образ жизни они называли «внутренней эмиграцией»; термин, по всей видимости, пошел от «внутренней эмигрантщины», формулировки К. И. Чуковского. В 1949 году некогда «внутренний», а затем вполне реальный эмигрант Николай Осипов (Поляков) напечатал в «Гранях» программно-апологетическую статью про это явление — «Внутренняя эмиграция в СССР». В то же время его жена, Лидия Осипова (Олимпиада Полякова), готовила к печати свой «Дневник коллаборантки», апологию уже не пассивного сопротивления, а активного коллаборационизма. Поляковы-Осиповы дождались немцев в Царском Селе, позже перебрались в Павловск, затем в Тосно, Гатчину, Ригу, откуда в июле 1944 года были эвакуированы в Германию. В годы войны они так или иначе всегда стремились сотрудничать с немцами «на благо России»,

прежде всего, печатались в оккупационной периодике.

Мы предлагаем вниманию читателей фрагмент «Дневника коллаборантки», посвященный жизни супругов в оккупированном Павловске.

* * *

Первая частичная публикация рукописи в 1954 г. в журнале «Грани», № 21, стр. 92–131. Жирным шрифтом и квадратными скобками выделены добавления и разночтения из отрывочной публикации в сборнике Н. Ломагина «Неизвестная блокада: Книга 2», 2002, стр. 441–475. По Ломагину же восстановлено выделение важных слов заглавными буквами. Полностью дневник до сих пор не опубликован. Датировка записей в этих изданиях не всегда совпадает, к тому же вариант «Граней» отредактирован (у Ломагина записи цитируются почти без правки). Здесь сохранена датировка «Граней».

- Л. Т. Осипова
  - ИЮНЬ–АВГУСТ 1941
  - СЕНТЯБРЬ 1941
  - ОКТЯБРЬ 1941
  - НОЯБРЬ 1941
  - ДЕКАБРЬ 1941
  - ЯНВАРЬ 1942
  - ФЕВРАЛЬ 1942
  - МАРТ–АПРЕЛЬ 1942
  - МАЙ 1942
  - МАЙ–АВГУСТ 1942
  - СЕНТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 1942
  - ЯНВАРЬ–АПРЕЛЬ 1943
  - МАЙ–ОКТЯБРЬ 1943
  - НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 1943
  - МАРТ–ИЮЛЬ 1944
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Л. Т. Осипова
ДНЕВНИК КОЛЛАБОРАНТКИ

ИЮНЬ–АВГУСТ 1941

22.06.41

Сегодня сообщили по радио о нападении немцев на нас. Война, по-видимому, началась и война настоящая. Неужели приближается наше освобождение? Каковы бы ни были немцы — хуже не будет. Да и что нам до немцев. Жить-то будем без них. У всех такое самочувствие, что вот, наконец, пришло то, чего мы все так долго ждали и на что не смели даже надеяться, но в глубине сознания все же крепко надеялись. Да и, не будь этой надежды, жить было бы невозможно и нечем. А что победят немцы — сомнений нет. Прости меня, Господи! Я не враг своему народу, своей родине. Не выродок. Но нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия, страстно желаем победы врагу, какой бы он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас всё, в том числе и чувство патриотизма.

28.06.41

Самое поразительное сейчас в жизни населения — это ненормальное молчание о войне. Если же кому и приходится о ней заговаривать, то все стараются отделаться неопределенными междометиями.

30.06.41 г.

Слухи самые невероятные. Началась волна арестов, которые всегда сопровождают крупные и мелкие события нашего существования. Масса людей уже исчезла. Арестованы все «немцы» и [все] прочие «иностранцы». Дикая шпиономания. Население с упоением ловит милиционеров, потому что кто-то пустил удачный слух, что немецкие парашютисты переодеты в форму милиционеров. Оно, население, конечно, не всегда уверено в том, что милиционер, которого оно поймало — немецкий парашютист, но не без удовольствия наминает ему бока. Все-таки какое-то публичное выражение гражданских чувств. По слухам, наша армия позорно отступает.

05.07.41

Сегодня на площади около дворца парторг дворцовой ячейки Климашевский проводил митинг. Это была не речь, а истерический крик на тему: «Все как один на рытье противотанковых окопов!» «Не сдадим врагу ни одного нашего дома, ни одного завода, ни одного учреждения — всё сожжем сами», — отсюда слушатели сделали вывод, что врага ждут и к нам, и довольно скоро. При призыве: «все как один на работы по обороне» — слушатели, как по команде, стали придвигаться к воротам поближе, боясь как бы они не захлопнулись и всех не погнали бы на окопы прямо с площади. Потому ли, что на митинге были главным образом, старики и дети, или потому, что начальство не догадалось вызвать «бурный и неудержимый энтузиазм», ворота не захлопнулись. Еще не успел оратор докричать последних лозунгов, как все собрались занимать очереди у продуктовых магазинов. В течение получаса весь недельный рацион магазинов был расхватан.

11.07.41

Многие убегают в Ленинград, боясь, что бои за него будут разыгрываться в его окрестностях. Да и рассчитывают, что там безопаснее будет пересидеть самый боевой период. А также боятся, что немцы придут туда раньше, чем к нам. «Убегают» — потому, что ездить туда уже нельзя без специальных пропусков. На железных дорогах несусветная неразбериха. Из Ленинграда многие учреждения эвакуируются, но население из него не выпускают. Нас уже бомбят. Правда, всё пока военные объекты. Ленинград же, говорят, бомбят ежедневно. На днях с нами был такой, весьма характерный для нашей жизни, анекдот: началась воздушная тревога. Мы зашли в подворотню. Дом старинной постройки, так что это была даже и не подворотня, а глубокий каменный коридор. Стоим. Подходит к нам дворник и приказывает перейти в маленький деревянный сарайчик во дворе. На наше замечание, что здесь от бомб безопаснее, он ответил: «Не бомбы надо бояться, а начальства». И категорически потребовал, чтобы мы перешли в сарайчик. Против такого резона не попрешь, мы перешли в сарайчик. И так-то вся наша жизнь проходит под страхом начальства, которое, конечно же, страшнее всякой бомбежки и бьет без промаха.

15.07.41

Новая беда на нашу голову. Все домашние хозяйки и неработающие взрослые должны ежедневно слушать «доклады» наших женоргов о текущем моменте. «Доклады» эти сводятся к довольно безграмотному чтению газет. Никаких комментариев и никаких вопросов не полагается. То, что каждая из нас может сама прочесть за четверть часа, мы должны слушать целый час. Господи, когда же все это кончится!

24.07.41

Очень красивы противовоздушные заграждения, которые каждый вечер поднимают над городом. Как огромные серебряные рыбы плавают в вечернем воздухе. Бомбят, а нам не страшно. Бомбы-то освободительные. И так думают и чувствуют все. Никто не боится бомб.

07.08.41

Сегодня мои именины, и к нам приехали из Ленинграда Ната и Толя. Я была этим чрезвычайно тронута. Хотя мы и росли вместе, но все же приехать в такое время! Они рассказывали, как Ната и младший брат Вася ездили на рытье окопов в Малую Вишеру. Нату мобилизовали, а Вася поехал с целью как-нибудь оттуда ее вызволить. И им это удалось. У Наты после тифа тромбоз ноги. Но доктор сказал, что если ее освободить от окопных работ, то он должен и всех остальных освободить, кого он обязан посылать на эти проклятые работы. Все эти медицинские комиссии одно издевательство. По дороге на работы на какой-то станции они попали в сильную бомбежку, от которой прятались в подвалах ГПУ. Чины этого милого учреждения были с ними весьма любезны и милы. Вася говорит — это потому, что в практике сего учреждения за все время его существования в первый раз граждане пришли в него добровольно. Проводили их на вокзал. Коля печально оказал: «Может быть больше не увидимся. Или вас немцы займут раньше, а нас куда-нибудь угонят, или наоборот». Стало очень печально. Почему-то ни у кого не является мысли, что ведь это же война, и с ними и нами могут случиться всякие ужасы. Есть только боязнь не попасть к немцам.

10.08.41

Муж Нины Федоровны, брат и многие другие идут добровольцами на фронт. Это отнюдь не энтузиазм, а расчет. Семьям добровольцев обеспечивается довольно большое пособие, а мобилизуют все равно не через неделю, так через две. Вот люди и спешат в «добровольцы». Власть делает из этого пропагандную шумиху. И волки сыты, и овцы, если не сыты, то все же имеют какой-то профит.

12.08.41

Опять бомбили аэродром. Две бомбы попали в Александровский парк. Пока бомбят очень аккуратно: только военные объекты. О Ленинграде слухи всё нелепее и чудовищнее. Говорят шепотком, что никого из него не выпускают. Что он обречен быть «крепостью и оплотом народного духа против фашистских агрессоров». Что биться за него будут «до последнего вздоха», а в то же время, что в нем крошечный гарнизон и что население должно само, своими силами отстаивать этот «оплот». Если все [же все] эти слухи и вздор, то они очень показательны для настроения населения. Пережила момент страшнее бомбежки. Пишу я свои заметочки и вдруг слышу за собой какое-то сопение. Оглядываюсь, а это за спиной стоит Катя Мамонтова и старается прочесть, что я написала. Хорошо, что она была слишком ленивая и не научилась читать по-писаному как следует. Учить же грамоте я ее начала, чтобы как-нибудь от нее избавиться. Повадилась она ходить ко мне каждый день и торчала часами. Конечно, она имела задание. Но мне-то от этого не легче. И вот я и предложила ей заниматься с нею русским языком, так как она почти не умела читать. Отказаться от «товарищеской помощи» она не посмела — а вдруг и я сексот? А мне таким образом насчитывается общественный капитал, и я оправдывала свою защитную репутацию «общественницы». Как только она припирается — я сейчас же за уроки. Почти совсем отвадила. И вот она спрашивает: «Что это вы пишете?» — Да свои приходы и расходы, Катя. — Ну, какие уж теперь приходы и расходы? Скоро все магазины будут даром раздавать. — Чепуха, и как вы, комсомолка, а верите всем этим бабьим сплетням. — И ничего не бабьи сплетни. Нам сам секретарь говорил. Только это военный секрет и вы никому не говорите. — А раз секрет, зачем же вы мне-то сказали? — Ну, вы своя! — Все равно. А приходы и расходы я всегда записываю. Вы это хорошо знаете. Я так привыкла.

Записочки эти придется теперь вести по вечерам. Запираться днем — тоже вызовет подозрение, а все катьки всегда влезают без стука. А это тебе не приход с расходами, а вернейший способ вывести самих себя в расход. Писать же их ни за что не перестану. Такое счастье — отдыхать за ними. И, может быть, будущему историку освобожденного русского народа они послужат как живой и достоверный материал.

13.08.41

Вчера один летчик, пообедав в столовой аэродрома, сказал кассирше: «А теперь полетим бомбить врата на его территории в… Сиверской». Отсюда узнали, что Сиверская занята немцами. Когда же они придут к нам? И придут ли? Последние часы перед выходом из тюрьмы всегда самые тяжелые. Ленинград окружают, но к нему не приступают. Попадем ли мы в число городов окружения, или останемся у нашей дорогой и любимой власти?

14.08.41

Вчера прибегал из Ленинграда студент, сын соседей, Боря. Принес нам приветы от Наты и братьев. Звал нас с собой в Ленинград. Знает место, где можно пробраться, не нарвавшись на милицию. В Ленинграде говорят, что бои за него будут именно в нашем районе, и от Пушкина и «угольков не останется». Мы никуда не пойдем. Неизвестно, как будет со снабжением Ленинграда, а жить придется без прописки. Навязывать себя кому-нибудь в нахлебники — не подходит, да и подвести тех, у кого будем жить, весьма даже возможно. Проверки-то, конечно, будут, да и шпиономания принимает всё более чудовищные размеры. Да и не верю я, чтобы мы вот так глупо погибли перед самым освобождением.

[15.08.41]

…Стелла говорит, что сейчас очень сильны антисемитские настроения. Мы не замечали. Но понятно, что ей, как еврейке, это больше бросается в глаза. Такой противный осадок на душе. Никакого антисемитизма или антикитаизма в русском народе нет, есть только антикоммунизм… И какой может быть антисемитизм, если

мы страдаем с евреями от одних и тех же причин.

17.08.41

Объявлена общая эвакуация женщин и детей. Работает эвакуационное бюро. С необычайной отчетливостью наметилась грань между «пораженцами» и «патриотами». «Патриоты» стремятся эвакуироваться как можно скорее, а вторые, вроде нас, стараются всеми способами спрятаться от эвакуации. Да и прямой здравый смысл говорит за то, что «плановая эвакуация» опаснее войны и боев. От этого еще есть какая-то надежда спастись, а первая бьет без промаха.

18.08.41

Над. Владимировна устроилась в испанский детдом воспитательницей и будет с ним эвакуироваться. Ну, ей-то прямой смысл. Трое детей, причем младшим двум вместе четыре года. Муж еврей и, хотя он сейчас в концлагере, а все же, кто его знает. Да и у них у всех ненависть к немцам за их антисемитизм. Если бы это были англичане или какая-нибудь еще безобидная нация, конечно, и они остались бы. Советского патриотизма и в этой семье нет.

Да и у всех. Есть еще ненависть и боязнь немцев. Конечно, Гитлер не такой уж зверь как его малюет наша пропаганда и до нашего дорогого и любимого ему никогда не дойти и не всех же евреев «поголовно» он уничтожает, но, вероятно, какие-то ограничения для них будут, и это противно. Но замечательно то, что все …жалельщики евреев в Германии или негров в Америке или индусов в Индии никогда не помнят о своем русском раскулаченном мужике, которого на глазах вымаривали как таракана.

Тем не менее не все евреи верили. От многих евреев мы слышим такое: «Зачем мы будем куда-то уходить. Ну, посадят, может быть на какое-то время в лагеря, а потом и выпустят. Хуже, чем сейчас, не будет». И люди остаются.

Среди населения антисемитские настроения все же прорываются. От призывников можно услышать «идем жидов защищать». Самое же показательное, что эти высказывания не вызывают никакого отпора ни от властей, ни от партийцев. «Не замечают». Впечатление такое, что нашему дорогому и любимому зачем то нужно развязать антисемитские

настроения у черни… Эти высказывания инспирируются сверху. Может быть мы ошибаемся, но очень на то похоже.

23.08.41

Вчера сильно бомбили Александровку. Одна бомба упала в Александровском парке, около «Слонов». В Александровском парке есть, вернее — был «Китайский театр». Совершеннейшая драгоценность. В нем было «фарфоровое фойе» производства Императорского фарфорового завода. Равного ему не было в мире. Знаменит он был также и своими старинными китайскими лаками, которыми были отделаны ложи. С началом войны в театре был молниеносно устроен госпиталь, который на днях также молниеносно был эвакуирован. А вчера ночью этот театр загорелся… Когда городская и дворцовая пожарные команды прибыли на место тушить пожар, то наткнулись на оцепление милиции, которая никому не позволяла подойти близко к месту пожара. Так он и сгорел. А утром в местной газете была истерическая статья на тему: «немецкие зверства». «Немцы знали по опознавательным знакам, что в театре госпиталь, и потому его и разбомбили. Много наших героических борцов сгорело!» Какое презрение к населению. Половина города знала, что госпиталь эвакуирован. Весь город знал, что никакой бомбежки близко не было. Но население все это восприняло совершенно равнодушно. Привыкли!

24.08.41

С питанием всё труднее. Запасов, конечно, ни у кого нет. Все воруем картошку на огородах. Предполагается, что эти огороды эвакуированных, но где же там ночью разобраться. За керосином очереди фантастические и все больше нужно изворотливости, чтобы избегать милиции. Дворцы и учреждения эвакуируются. Статуи в парках зарывают в землю. Из этого дорогая и любимая власть тоже ухитрилась сделать ловушку для населения: «военная тайна». Конспирация такова: дня за два роют «могилы» и ставят около деревянные башни с цепями. Башня стоит дня два-три, и все безнаказанно могут ходить мимо них. После начинаются «похороны». Жители Софии никогда не знают о дне похорон, а ходить через парки гораздо ближе к вокзалу, чем по улицам. И вот спешит человек к вокзалу на поезд или на службу здесь же, в городе, пройдет почти всю дорогу, а потом его поворачивают

обратно. Никакие уговоры не помогают.

В нашей квартире радостное событие. Катька записалась на эвакуацию. Исчезла вместе с потомством. Прекратились шпионство, матерщина и прочие безобразия. Она исчезла потому, что всех комсомолок гонят на рытье окопов. Детей отбирают в детдома. Девочку ей никак не жалко, но работать она предпочитает с солдатами по ночам. Теперь в нашей квартире закрылся публичный дом. Какая разница: Тося тоже комсомолка, тоже с ребенком, тоже без мужа. Но какая прекрасная мать и соседка. А вот Катька… Рытье окопов начинает принимать размеры настоящего народного бедствия. Всё население, непригодное в военной службе, все школьники старших классов и все полутрудоспособные женщины мобилизованы на рытье противотанковых рвов, которые должны окружить «неприступным поясом Ленинград по радиусу в 50 километров». Творчество военного гения Ворошилова. Граждане воспря(ну)ли духом. Значит, немцев ждут к Ленинграду и скоро, судя по темпам, которые требуются от автогробокопателей, как их уже окрестило население. Скептики утверждают, что эти египетские работы придуманы [придумали] специально для того, чтобы население не вздумало повторить петроградской истории в первую мировую войну. Правительство не доверяет населению и боится бунтов. А тут, во-первых, надзор за этим населением значительно облегчается, а, во-вторых, условия работы, в какие оно поставлено, отнюдь не способствуют п(р)оявлению каких-либо посторонних мыслей. На некоторых участках, гл. обр. на которых работают школьники, дело поставлено еще сносно. На всех же прочих ничуть не лучше, чем в лагерях. По теперешней жаре нет не только кипяченой, но и никакой воды. Нет помещений или палаток, и люди спят на голой земле, часто в болотах. Нет почти никакого питания. «Все должны привозить с собой». А что можно привезти на две недели при нашем снабжении? Говорят, что немцы расстреливают копателей пулеметами с самолетов.

25.08.41

Сегодня уехал на рытье окопов Борис Николаевич. У него тяжелый порок сердца. На войну не взяли, а на окопы взяли. А тяжелая работа дли него хуже войны.

26.08.41

Сегодня все копаем противовоздушные щели. По состоянию здоровья я не подлежу никакой мобилизации. Но чтобы получить увольнительную записку, я должна итти в амбулаторию и проделать все формальности «в общем порядке», т. е. простоять в очереди несколько часов. И хотя врач, который освобождает от работ наш район, ежедневно бывает у меня для лечения, — она не может выписать эту увольнительную дома. Я не пошла в больницу, а пошла на работу. Это все же легче. Таскаю доски, отгребаю землю. Вообще — ковыряюсь. Да и противно сидеть дома, когда все отбывают каторгу. Наша щель в Пушкинском садике. Всё время воздушные тревоги. Но бомбят пока только аэродром. По радио непрерывные сообщения о победе над немцами «части боевого командира такого-то». Ни названия, ни местности, ни даже направления. А бомбежки всё ближе и чаще.

[27.08.41]

Женщины с детьми и старики, которых направили на эвакуацию, вот уже пятый день сидят на площади перед вокзалом. Поездов нет, но отлучаться на квартиры нельзя. Окружены милицией. Воды нет никакой, но зато есть плакаты: «пейте только кипяченую воду». Говорят, что установлены два случая дизентерии у детей. Ночью шел дождь. Все вымокли. Дети кашляют. Поезда иногда подаются, но на них попадают только парт- и ответработники. Попытались было некоторые женщины организовать передачу кипяченой воды и горячей пищи детям, — запретили: советские граждане не нуждаются в частной благотворительности. О них заботится государство.

По этому поводу я, совершенно откровенно и безо всяких фиговых листков и умолчаний, поругалась с М. Н., моим врачом. Ее муж сейчас является секретарем ячейки эвакуационного бюро. Воды нет, а вот ячейка уже готова. Конечно, ничего из моей руготни не вышло. Господи, когда же наконец придут немцы и прекратят этот бедлам. Ужасные вещи рассказывала нам сегодня О. Г., которая убежала из больницы в одном платье, случайно не сданном в камеру хранения. Белье, туфли, пальто осталось там. Самое же страшное это то, что паспорт остался в канцелярии больницы. Пришел приказ об эвакуации больных и всей больницы. Немедленно оказались запертыми все входы и больных стали грузить на грузовики. Кого в одежде больницы, кого только в белье. Тяжелых больных и недавно оперированных клали на дно, а легко больные и выздоравливающие должны были стоять у

бортов. Никакие просьбы больных отпустить их домой не помогали. Несколько человек, в том числе и О. Г. (после операции аппендицита) перелезли через забор заднего двора и сбежали. В результате такой гимнастики у О. Г. разошлись швы, но она боится позвать врача, чтобы ее не обвинили в «дезертирстве». (До чего же все-таки можно довести человека! Ушла из больницы — дезертир). Страшно волнуется из-за паспорта. Мы ее успокаиваем, что всё это чепуха, сейчас нашему заботливому правительству не до паспортов. Бомбят все сильнее и сильнее.

28.08.41

Сегодня мимо нашего дома проехал грузовик, наполненный старыми табуретами, вешалками и прочей рухлядью. По-видимому, эвакуируется какая-то пошивочная и директор ответственен за «инвентарь». И в то же время из Ленинграда непрерывно движется толпа людей с детскими колясочками и тележками. Для них транспорта нет, как не было его и для мастериц этой самой мастерской. Люди ищут спасения по-своему. Одни пробираются тайком в Ленинград, другие, тоже тайком, из него бегут. Все это «своими силами», своим разумением. Из Ленинграда никакой официальной эвакуации нет. Но учреждения, инвентарь и оборудование вывозятся. А люди должны сидеть на месте. Говорят, что около Вишеры, милиция приказала вот таким вот пешеходным эвакуантам вернуться обратно. Это более ста километров! Бомбят где-то очень близко. Сидим на полу и… играем в «слова»!

29.08.41

Фронт катастрофически приближается. Мы решили никуда не уходить из города. Несколько боевых дней пересидим или в подвалах или в щели. Благо М.Ф. зовет в свою санаторию. Здесь хоть какая-то надежда на спасение и [на] освобождение [имеется]. А уйти, как теперь говорят, «на эвакуацию» — гибель по плану обеспечена. Да и от надежды попасть под «немца» уходить нам никак невозможно. Как принимают беженцев, мы уже наслышаны. Некоторые уходят потому, что боятся фронта: убьют, искалечат [покалечат]. Но ни один поезд с беженцами не избегает бомбежки, потому что «дорогое правительство» ко всем санитарным и беженским поездам прицепляет воинские эшелоны в надежде, что немцы этих поездов бомбить не будут. А м. б. —

чтобы напугать население и приостановить беженскую волну. Ни жить беженцам негде, ни кормить нас нечем. А потом в газетах и по радио сообщают «о немецких зверствах». Как после этого поверить, что это немцы уничтожают поголовно русское население?

А как приятно, наконец, написать такое! Правда, это еще кукиш в кармане, но не будь войны, я бы никогда не посмела этот кукиш показать. А сейчас необычайно острое ощущение, что все идет под занавес. **Да и у «бдителей» сильно трясутся поджилки и бдительность сильно потускнела.**

30.08.41

Сегодня милиция раздавала бесплатно соль населению. С каким удовольствием это делалось. Все молчали, но было совершенно ясно, что все, в том числе и милиционеры радуются. Милиционеры, в конце концов, тоже население. И никакой толкотни не было. Добровольцы помогали насыпать мешочки, все проходило удивительно гладко и … при полном молчании. «Как в церкви», — сказал какой-то дядька. И, правда, было похоже. Вчера немцы сбросили листовки с предупреждением, что будут бомбить привокзальный район. Несмотря на все кары, которыми грозили за прочтение листовок, листовки всё же были прочтены [прочитаны]. Некоторые хотели уйти из домов. Но район был оцеплен милицией и не только никто не смел выселиться, но даже и за хлебом не пускали. Под угрозой пристрелить на месте. Посмотрим, будут ли бомбить этот район.

СЕНТЯБРЬ 1941

01.09.41

Бомбили и зверски! И бомбили, как обещали, только привокзальный район и вдоль железной дороги на Павловск. Да еще и наш около аэродрома, который бомбят всегда. У нас только двое легко раненых, а там, говорят, сотни. Ну, не сотни, но и десятка вполне достаточно. А ведь этих жертв можно было бы избежать…

02.09.41

К нам во двор заехали какие-то военные машины, спасаясь от артиллерийского обстрела, начавшегося сегодня с ночи. Публика просто места себе не находит. С одной стороны, от радости, что уже скоро немцы придут сюда, а с другой — от страха. Снаряды маленькие. Знатоки говорят, что обстрел производится большими танками. Стрельба довольно интенсивная, и снаряды густо ложатся по городу. И все же стрельба совсем не производит впечатления большого боя. Поэтому было странно слышать, как шофер одной машины с большим почтением повторял: «И где он, гад, столько снарядов берет. Жарит и жарит». Если это вызывает такую реакцию у военных, то что же будет, когда начнутся настоящие бои? Пожилой офицер, который был начальником отряда, разговаривал с нами с большим и заметным напряжением. Видно было, что он боялся, что мы начнем расспрашивать о положении на фронте или его комментировать. А чего уж там расспрашивать или комментировать, когда и так всё ясно. Скоро конец! На прощанье он нам посоветовал выбираться из нашего района куда-нибудь подальше. Сказал, что он самый опасный в случае боев за город. Пойдем в щель!

03.09.41

Вчера вечером переселились в щель, потому что стрельба очень заметно усилилась. Бежали под огнем. Добежали благополучно, если не считать порезанных подошв на башмаках, так как вся улица сплошь покрыта битым стеклом. М.Ф. оставлена в санатории «за коменданта». Коля зачислен к ней в дворники,

иначе он не смог бы попасть в щель. Меня приняли, как старую служащую. И то одна баба подняла было хай: «Как строили, так их никого не видать было, а как спасаться, так они тут». Ее утихомирили…

Щель наша замечательная: сухая, чистая, с электричеством и уборными. Над головой три наката бревен с землей. Для себя строили! Чуть не забыла, а записать надо. Интересно: дня за два до нашего переселения сюда мы как-то пошли вечером к С. М. Задержались до темна. Началась стрельба, и они оставили нас ночевать у себя. У них живет писательница Н.Ф. Мы с нею просидели всю ночь и проговорили. Было уже всем ясно, что большевики кончаются. Она бегала всё время из своей комнаты на помойку соседнего двора с охапками красных томов Ленина.

Помойка — во дворе у гр. Толстого. Дом свой он передал для дома отдыха Союзу Писателей. Нет, даже не для дома отдыха, а для «Дома Творчества». Для разной писательской мелкоты, которая живет не в особняках, как сам Толстой, а по комнатам и коммунальным квартирам. Условия для «творчества» не совсем подходящие. Вот им и предоставляется право за плату в 400 руб. в месяц иметь «условия». Н.Ф. жила рядом с ними, в крошечной комнатушке, со своей дочкой. У Над. Вл. двое маленьких детей за стенками, собака, кошка, Марк, непрерывный поток различного люда. Гвалт в квартире перманентный. Но у нее не было 400 р., чтобы заплатить за «творческие условия». Завидовала она соседям и ненавидела их люто. И вот теперь со сладострастием она бросала в помойку этого «Дома творчества» компрометирующие красные тома. Правда, месть была платоническая, потому что все творцы давно разбежались. Судьба Н.Ф. очень интересна и характерна для многих наших женщин. Муж ее был редактором большой краевой газеты, т. е. значит, партийцем. Сама она была сотрудником этой газеты. Во время ежовщины мужа ее расстреляли, ее немедленно выгнали со службы и из ее прекрасной квартиры. С двумя сыновьями. Дочка жила в это время со своим отцом, первым мужем Н.Ф., в Ленинграде. Ей пришлось без документов бежать в деревню к матери и там как-то спасаться. После того, как стали расстреливать тех, кто расстрелял ее мужа, ей позволили вернуться к жизни и ехать, куда она хочет. Она выбрала Ленинград и приехала к мужу с дочкой. Но по какой-то странной случайности стала жить не с ним, а с его братом, и дочка называет обоих, и отца и дядю: «папа». Здравомыслящему человеку все это понять не так-то легко, но партийная этика породила много таких уродливостей.

Н.Ф. написала какую-то колхозную пьесу и получила за нее премию в 10000 р. Ждала она этих денег страстно, потому что

живет она теперь совершенно по-нищенски. Ни белья, ни платья, ни посуды. И вот началась война, и из банка выдают только по 200 р. в месяц. Во-первых, ничего на эти деньги сделать нельзя, а во-вторых — банки поразбежались. Вот и еще раз подтвердилось наше правило — не верь советской власти. Никогда и ни копейки не держи в банке.

Таская на помойку сочинения величайшего гения, Н.Ф. забегала к нам перекурить и поговорить. Жаловалась на свою судьбу и… на советскую власть. Значит, дела этой самой власти очень неважные: Н.Ф. не из тех, кто поддается эмоциям. Не такое она получила воспитание, сначала на вершинах партийной лестницы, а потом на ее низах. Все эти переживания в духе «солнечной конституции» сделали ее абсолютно циничной, не верящей ни в коммунистический чох, ни в идеалистический сон. Забавно ее наблюдать. Немцев-то ей, конечно, есть [уж] чего опасаться: жена трех евреев, дочка полуеврейка. **У самой рыльце в коммунистическом пушку…**

05.09.41

Сегодня наша замечательная газета уже не вышла. Еды всё меньше. Питаемся исключительно картошкой, за которой бегаем на огороды в перерывах между стрельбой. Варим ее в подвалах санатория. Стрельба всё ближе и чаще и, пока картошку сваришь, сто раз из тебя душа выскочит. М.Ф. и Николай ведут себя так, как будто бы это не стрельба снарядами по их головам, а веселый фейерверк. Самые странные наши переживания теперь — ночные пожары. Обычно, пожар — это много людей и шуму. Теперь же абсолютная тишина и только треск пламени, еще больше подчеркивающий тишину. Населению с наступлением темноты запрещено покидать жилища под страхом пристрела на месте. Дежурят уже теперь не милиционеры, а военные патрули. Говорят, что эта мера вызвана тем, что в привокзальном районе нашли двух зарезанных милиционеров.

09.09.41

Дни походят один на другой. Совершенно отрезаны от города и не знаем, что делается на свете. С нами сидят и Ивановы-Разумники. Его жена работала у меня счетоводом и была, если это только возможно, счетным работником еще хуже меня. Он был в ссылке и вернулся перед самой войной. Квартира у них во

дворе санатория. Теперь сидим все вместе в щели. Ив.-Раз. очень помогает не бояться. Как только начинается сильная стрельба по нашему участку, он начинает делиться своими литературными воспоминаниями. А так как он был близок (почти) со всеми символистами, акмеистами и представителями многих других литературных течений, то его рассказы очень интересны. А рассказывает он необыкновенно увлекательно (не дай, Бог, если ему не удастся выскочить из теперешней переделки и все его воспоминания пропадут). Или читает нам свои и чужие стихи, которых он помнит великое множество. Или Коля пускается в какой-нибудь исторический экскурс. И мы совершенно забываем, что ежесекундно может упасть снаряд прямо на наше литературное общество и от нас и мокренько не останется. Сидеть здесь было бы очень интересно, если бы не так тесно, особенно по ночам. Здесь мы начинаем уже ощущать первое едва уловимое приближение свободы. Так как публика с нами сидит почти сплошь неинтеллигентная, то она смотрит на нас как на каких-то полуумных, «малохольных», которые, вместо того, чтобы корчиться от страха, занимаются идиотскими и малопонятными «стишками». Мы (же) можем говорить и говорим уже много такого, чего до войны и в щели ни за что не сказали бы ни во сне, ни в пьяном виде полузнакомым людям. Это — как в тюрьме, когда удается хоть в щелочку подышать свежим воздухом. Дневник свой я пишу (уже) совершенно открыто. Никого это не интересует. Бдительность отсутствует в теперешнем нашем обиходе.

10.09.41

Электричество погасло. То ли станция сгорела, то ли все разбежались. Стало грустно. Труднее всего мне выносить темноту. Лучше голод и холод. Зажигаем, когда необходимо, свечи, но ненадолго, потому что мало воздуху. Вентиляционные трубы чем-то забиты. Уже два дня курим перед дверью по очереди. Открывать двери можно только на очень короткое время из-за стрельбы. Что-то большое упало на соседний с нами зигзаг. Потолок прогнулся. Там никого нет. Это наша нейтральная зона. В третьем зигзаге сидит одна сестра милосердия со своим больным мужем и дочкой. Очень милая семья, но мы с ними мало общаемся, потому что у них имеется свой отдельный выход. Едим только хлеб с водой в очень ограниченном количестве. Экскурсии за картошкой пришлось прекратить из-за стрельбы. Вода из противопожарного пруда. Быть у нас тифу и дизентерии. Вода

грязная и вонючая. Снарядами разбило дом во дворе. Боли мои начинают уже очень усиливаться. Но я все же никак не ожидала, что буду таким молодцом, как до сих пор.

11.09.41

Сегодня стрельба тише. Вылезли во двор. На нашей щели лежат: телеграфный столб, принесенный с улицы, беседка, принесенная из сада. На зигзаге, что прогнулся, — воронка от снаряда. Вот так щелочка. Хотя снаряды и маленькие, а все же. Вот так строили! А если нас здесь засыпет, то никто и не узнает, так как мы почти за городом и вокруг нет никого, кроме нас. Так и будем лежать до победы. Но страха нет.

Сготовили обед в кухне санатория: фасоль, вареная картошка и морковка. Даже было немного жира. Налопались чудо как. И помылись. Проветрили щель. Сейчас опять началась жестокая стрельба. Я сегодня поругалась в прах с М.Ф. С самого начала войны во всех учреждениях введены круглосуточные дежурства служащих. В санатории сейчас дежурят по 12 часов по очереди наши «дворники» Коля и еще один старик. Дежурство состоит в сидении около калитки. Они должны проверять документы у приходящих. Но вот уже неделя, как никто не приходит. Нет также и никаких «контролеров». Все поразбежались. А придумано это всё, видите ли, затем, чтобы никакие враги не могли притти и устроить «диверсии». Это — в женском туберкулезном санатории на 40 коек! Вольных, конечно, уже давно нет. Нет и никакого начальства. Только М.Ф., несколько сиделок, кучер, пара сестер и мы. Потом понабилось и еще какого-то непринадлежащего народу. И вот эти двое несчастных должны сидеть у ворот в деревянной будке. М.Ф., как комендант, должна отвечать «за порядок». А она очень трусит, и трусит именно «не бомб, а начальства» . Коля всегда просится в ночные дежурства и прекрасно спит в будке. У него непостижимая способность спать под стрельбу, как под дождь. Только крепче спит. И спать в будке, конечно, невпример удобнее, чем в щели, где мы лежим вплотную друг к другу и не можем повернуться всю ночь. Так что бедра и ребра сводят судороги. Но на днях снарядами разбило домик, у которого проходная, и у меня теперь души нет, когда Коля на дежурстве. С сегодняшнего дня эти дурацкие дежурства прекращаются, калитка заколачивается наглухо, а если кому приспичит выйти или войти, то он может это прекрасно проделать через… громадные дыры в заборе, которые мы же и проделали, когда разбирали забор на помост у пруда и на дрова.

Нельзя представить большего идиотизма, как заставлять людей рисковать жизнью из-за дырявых заборов. Коля говорит: «чистейший фикционализм». Он составил цельную и продуманную теорию насчет большевистских фикций. Как будет жалко, если эта теория умрет вместе с ним, не дождавшись возможности [себя огласить] оглашения. Да мало ли еще каких теорий у нас имеется! И не у нас одних. Есть еще и кроме нас много умных людей в России. Только бы свободы дождаться. А то — мир «ужаснется», когда мы выступим на мировую арену со своим свободным творчеством. Ведь сейчас все лучшее: наука, литература, искусство — всё лежит под спудом и дожидается своего времени. И неужели же это время почти уже пришло? Дух захватывает! Одних непечатающихся прекрасных поэтов скольких мы знаем.

12.09.41

Ив.-Раз. и Коля ходили в город, но не дошли и до дворцов из-за стрельбы. Она такая, какой еще ни разу не было. Бьют и по нас. Но главный огонь по Колпино. От нас ясно видны попадания снарядов в заводы. Бьют тяжелыми. Если начнут бить такими же по нашему сектору — нам крышка. Никакая щель не спасет. Одна надежда на то, что объект малоценный. По дороге они встретили д-ра М., и он рассказал им, что произошло в Екатерининском дворце в одну из ночей. В подвалах дворца каждую ночь набирается много народу — главным образом женщины с детьми. Прячутся от стрельбы и бомбежек. С ними всегда сидит кто-нибудь из партийного начальства дворцового или городского. Не очень крупного и не имеющего никакой власти, кроме исполнительной. Освещаются коптилками. Почему — неизвестно, т.к. в городе электричество работает до сих пор. Часу в первом ночи к начальству пробрался человек с фонарем и передал телеграмму. Начальство ее прочло и огласило: «все должны немедленно итти домой, взять с собой по чемодану и не позже, как через час от настоящей минуты прибыть на вокзал, где ждут поезда, приготовленные для эвакуации». Откуда телеграмма и кем подписана — указано не было. Огласив телеграмму, начальство скрылось. Люди кинулись к выходам, но из подвалов их не выпускала милиция, которой о телеграмме не было ничего известно, а приказ о том, чтобы никто не выходил из подвалов, отменен не был. Все вернулись в подвалы. Через несколько минут где-то в другом подвале стали что-то заколачивать и раздался женский крик: «Они нас здесь заколачивают, а потом взорвут

дворец с нами. И будут писать о немецких зверствах! Как с китайским театром.»

Поднялась паника. Ринулись к дверям. Милицию смели. Какой-то милиционер хотел стрелять. Его обезоружили и избили. Многие, не заходя домой, бросились к вокзалу. Никаких поездов не было. И на вокзале их было арестовала новая милиция, но через полчаса вся куда-то скрылась. Вокзальное начальство ничего ни о каких поездах и их отправлении не знало. Бросились искать партийное начальство, но выяснилось, что все куда-то смотались. Совершенно ясно, что занавес опускается. Во всей этой истории самое замечательное и показательное — это «доверие населения к правительству». Ну где, в какой другой стране возможно, что население поверит в то, что его собственное правительство будет замуровывать в подвалах, а потом взрывать. А вот у нас верят! И слава Богу, что верят.

15.09.41

Все дни сидели в щели, не вылезая. Даже ночью нельзя было выйти. Тяжела духота. Сейчас абсолютная тишина. Нигде не видно и не слышно ни души. Кто-то сказал: «А что, если во всем городе одни мы и остались». Стало неуютно. В город пойти еще не решаемся. За картошкой сбегали. Тишина давит и пугает больше стрельбы. Прошла кучка солдат без командиров и без оружия. Впечатление полной растерянности. Мы спросили: где немцы? В Кузьмине. Значит, у нас они будут, примерно, через два часа.

17.09.41

До сих пор никаких немцев. Ходили в город. Тишина подавляющая. Никогда бы не поверила, что буду хотеть стрельбы. В городе никакого намека на начальство нет. Если оно и есть, то попряталось. Все боятся проронить хотя бы одно слово о происходящем. Как будто бы так и полагается, ходить по улицам, вымощенным стеклами и кирпичами от разрушенных домов, сидеть по подвалам и щелям. И все трясутся, что придут наши, а не немцы. Никаких эксцессов, грабежей или чего-либо подобного. Все понимают, что решается общая судьба: придут немцы — какие-то незначительные, с нашей точки, ограничения, а потом СВОБОДА. Придут красные — и опять безнадежное прозябание, **а вернее всего репрессии** и какие-нибудь новые изобретения

советской юридической мысли: лагеря, а может быть и смерть. Придут они, конечно, разъяренные, что население видело их трусость, слабость и бездарность. А этого они не прощают.

18.09.41

Немецкие самолеты сбрасывали пропагандные листовки. Мы одну подобрали. Какое убожество, глупость и подлость! А главное, бездарность. «Морда просит кирпича». «Бей жида, политрука» и пр. И какой вульгарный и исковерканный язык! И не только на нас, интеллигентов, они произвели кошмарное впечатление. У всех настроение, как перед смертью. Неужели же мы и здесь ошиблись, и немцы то самое, что о них говорит советская пропаганда? Ив.- Раз. высказал предположение, что это большевики, чтобы скомпрометировать немцев, под их марку выпустили такие листовки. Мы вздохнули с облегчением и опять стали надеяться на лучшее.

19.09.41

Свершилось. ПРИШЛИ НЕМЦЫ! Сначала было трудно поверить. Вылезли мы из щели и видим: идут два настоящие немецкие солдата. Все бросились к ним. У одного в руке лопнувшее куриное яйцо, и он очень боится разбить его окончательно. Несет на ладони. Бабы немедленно нырнули в щель и принесли немцам конфеты, кусочки сахара, белые сухари. Все свои сокровища, которые сами не решались есть. А вот солдатам принесли. Немцы, по-видимому, были очень растеряны. Но никакой агрессии не проявляли. Спросили, где бы умыться. Мы отвели их к нашему пруду. Немец с яйцом все не знал, куда его положить. Кто-то взял яйцо у него из рук и обещал сохранить, пока он будет мыться. И он во время мытья все время оборачивался и глядел с беспокойством на свою драгоценность. Бабы начали вздыхать и жалеть их: «бедные, какие молоденькие, голодные. Гляди, как яйцо-то бережет. Вот и наши также на фронте. Небось и этим так же хочется воевать, как и нашим бедолагам. А что поделать» и пр. Немцы по интонациям поняли, что им симпатизируют, и немного поручнели. Ненормально обрадовались шутке: когда мы шли от пруда, я указала им на стекла, покрывающие двор, и сказала: «Это ваша работа». Смеялись дольше, чем заслуживала шутка. Разрядилось какое-то напряжение. Никакого воинственного впечатления эти немцы не

произвели. И вообще наше «завоевание» произошло как-то совсем незаметно и неэффектно. Даже немного обидно: ждали, волновались, исходили смертным страхом и надеждами, и пришел какой-то немец с разбитым куриным яйцом в руке, и яйцо для него имело гораздо большее значение, чем все мы с нашими переживаниями. Мы даже слегка надулись на немцев. И все же **КРАСНЫХ НЕТ!** СВОБОДА!

21.09.41

Опять началась стрельба. Но теперь стреляют большевики. Фронт проходит между Федоровским городком и Кузьминым. Но это, конечно, ненадолго. Какое огромное наслаждение и удовлетворение открыто признать себя врагом этого проклятого строя! Ведь теперь начинается совершенно новая жизнь. Должна начаться. А на душе противный холодок недоверия. Вот не вижу я как-то вашей новой жизни. Вероятно, это от усталости. Война скоро кончится, и тогда начнется нечто непредставляемое. Только нам всем отдохнуть надо.

23.09.41

Сегодня нас немцы выгнали из щели. А стрельба по городу не только не утихла, но стала еще интенсивнее. И вот иди в дом и жди, когда в тебя попадет. Всё было вежливо, но непреклонно. В нашей щели будут немецкие окопы, пока немцы будут здесь. Было бы несомненно приятнее, чтобы они были где-нибудь под Москвой, а не около нас. Но ведь это ненадолго. Беседовали с двумя молоденькими офицерами. Один сказал по поводу Евангелия: «Мое Евангелие — труды фюрера и фюрер мой Бог». Что же это? У них то же, что и у нас? Не ошибаемся ли мы в них? Хотя: какое нам дело до них, а им — до нас? Переселились в квартиру Н. В., так как в нашу комнату попал снаряд. Снаряд небольшой, но все поковеркано и поворочено — жить невозможно. Кое-какое барахлишко всё же уцелело. Хорошо, что нас не было дома. Все судьба. Живем теперь с матерью Над. В., Ниной Федоровной и ее дочкой Тасей.

25.09.41

Не успели приспособиться к новому положению, как от

коменданта приказ: всем к завтраму быть готовым к эвакуации. Брать только по одному чемодану или узлу на человека. Неужели же они дальше не пойдут? Стали паковаться, и оказалось, что у нас нет ничего такого, что нам было бы жалко бросить, кроме денег и нескольких вещиц. Среди них наши литые иконки.

26.09.41

Эвакуация по каким-то непостижимым причинам отменяется. Ходили сегодня разыскивать убитых лошадей. Нашли прекрасную верховую лошадь, только что убитую снарядом. Вырезали килограмм десять мяса и четыре жиру. Мясо приготовили с морковкой и перцем. Получилось великолепное блюдо. Но Николай почти совсем не ел. Говорит, очень приторно. Конский жир великолепен в тесто. Для меня конина не удивление, потому что в детстве, когда бывала в гостях у калмыков, всегда ее ела. Правда, чтобы бабушка не знала.

30.09.41

Начались первые заморозки. У нас при советской власти никогда не было столько топлива, сколько имеем сейчас. Рядом с нами Дом отдыха профсоюзов и там остались прекрасные березовые дрова. Таких мы не видали со времени нэпа. Мы два дня перебрасывали их через забор, и теперь сарай наш наполнен этими чудными дровами. Топи, сколько хочешь. Это тебе не «норма»: по ордеру четверть метра сырой осины на месяц. С другой стороны нашим соседом является особняк Толстого, в котором был «Дом литератора», — оттуда натаскали угля. Зима вполне обеспечена. И экономить не надо. Если бы где-нибудь достать мешка два муки и картошки, то мы прожили бы всю зиму, как баре. Сегодня нам принесли немного селекционных семян со станции Вавилова. Съедобны только фасоль, горох и соя. Но их очень мало. Все это в селекционных мешочках. И у меня сердце защемило: люди трудились годами, чтобы вывести эти сорта, а теперь это пойдет на два-три супа. Ничего! В свободной России мы скоро всё наверстаем! Страшно не хватает курева. Начинаем собирать окурки, брошенные немецкими солдатами, но их очень мало. Обстрел города непрерывный. Хорошо, что у большевиков на этом участке маленькие пушки. И по ком они бьют? По своим же людям? Ведь всякому ясно, что немецкие солдаты не ходят кучами по городу и не живут в частных домах. А они стреляют по

всему городу вразброс. Немцы пока еще абсолютно ничем себя не проявляют. Только нельзя после темноты выходить из дому и запирать на ночь дверей. В любое время дня и ночи военные патрули могут ввалиться к тебе в комнату и проверить, нет ли у тебя в постели немецкого солдата, а под постелью большевистского шпиона. Но это война. Сегодня опять объявлена эвакуация.

ОКТЯБРЬ 1941

01.10.41

Эвакуация отменена. В доме Толстого стояли немцы и вчера ушли. Сегодня мы с Н.Ф. пошли пошарить «в рассуждении чего-бы покушать». Нашли какие-то супы в порошках. Один гороховый, другой ржаной. И пачку маргарина. Н.Ф. попробовала было заявить, что все это есть нельзя: «может быть отравлено». Иначе, мол, немцы ни за что не забыли бы таких драгоценностей. Мы на нее все насели. Во-первых, какой смысл немцам прибегать к таким кинематографическим эффектам, когда они могут просто перестрелять нас. Да и никому в городе немцы не сделали еще ни малейшего вреда. Суп употребили в полное удовольствие. Ничего особенного, но с голодухи приятно. Немецкий маргарин хуже русского.

05.10.41

Немецкая идиллия кончилась. Начинается трагедия войны. Вчера немцы повесили против аптеки двух мужчин и одну девушку. Повесили за мародерство. Они ходили в запретную территорию между немецкими и русскими окопами и грабили пустые дома. В приказе сказано, что они сигнализировали большевикам. Кто его знает! Скорее всего — просто страсть к барахлу. И хотя это война, и мы на фронте, но все же какая-то темная туча легла над городом. У всех настроение мрачное. Начинается новая свободная и правовая жизнь. А тут публичная казнь! Население спокойно и терпеливо переносит все бытовые и военные невзгоды, оправдывая их войной.

Компенсировалось это надеждой на новую, свободную жизнь. Теперь надежды как-то сразу угасли. Многие начинают самостоятельно уходить к немцам в тыл. Некоторые же пытаются перейти фронт и итти к «своим». Что-то их там ждет. Морозы усиливаются, а бои приостановились. По-видимому, немцы собираются здесь задержаться. С едой все хуже и хуже. Разыскиваем промерзшие турнепсы на полях. Выходить на поиски всё страшнее, так как немцы закрыли большинство дорог, а большевики пристрелились к самым проходным перекресткам города и ходить по улицам всё опаснее. Парки минируются. Особенно трудно доставать воду, так как водопровод разбит. Уже

давно не горит электричество. Освещаемся коптилками или бумажными факельчиками из печки. Странно, но лучину ни мы и никто из наших знакомых не умеет делать. А обычно-наколотые щепки не горят. Воду достаем из пруда Александровского парка. Дорога туда всегда под огнем. Чаще всего «ходом» на животах. Туда еще — так сяк, а оттуда с ведром совсем плохо. Если опрокинешь ведро, приходится ползти еще раз.

10.10.41

К нам в дом переехала М.Ф., квартиру которой снарядом перерезало как раз пополам. Чудны дела Твои, Господи! Снаряд попал в лестницу, и дом разрезан, как ножиком, на две половины. Ни одна из квартир не пострадала. Только жильцов пришлось спускать из дома по приставным лестницам. И дом не загорелся, хотя деревянный и старый. Теперь М.Ф. со свекровью живут тоже с нами.

Немцы организовали столовую для населения. Обед стоит три рубля. Выдается по талонам, которых ограниченное количество. Талоны распределяются городской управой. Имеется таковая, и городской голова, который в просторечии именуется бюргермейстером. А мы, значит, бюргеры. Как-то дико. В столовой отпускают супы. Обычно это горячая вода, и на каждую тарелку приходится (буквально) или одна пшеничинка, или горошинка, или чечевичинка. Привлекательна только возможность купить при супе одну лепешечку из ржаной муки. Она величиной с блюдечко для варенья и имеет чисто символическое значение, но по вкусу — ни с чем не сравнимо. Ведь почти с самого прихода немцев мы даже и не видали хлеба. Иногда в супе варятся соленые кишки. Тогда вода очень сытная. Куда деваются самые кишки, неизвестно, но столовая их никогда не выдает.

М.Ф. получила в Управе работу по раздаче этих самых талончиков, а я — назначение квартуполномоченным. Что это означает — никто не знает. Не знаю и я. Обязанность моя — никого не пускать в пустые дома нашего квартала. И следить «за порядком». Что под этим подразумевается, я не знаю да и знать не очень хочу. Все равно никакого «порядка» быть не может. Люди переходят из одного дома в другой беспрерывно. Дома горят и от снарядов, и от каких-то других неуловимых причин. Жильцы уходят в окружные деревни, в тыл. Дома пустеют, и жить в них становится страшно. Например, в нашем дворе заселен только один дом — наш. Да и то только наполовину. А некоторые из

оптимистов, наголодавшись на жилищной норме по человеческому жилью без норм, стремятся захватить квартиры побольше и получше, мечтая остаться в них и после войны. Иногда только устроятся, как в квартиру попадает снаряд, и они кочуют в другое помещение. Вот тебе и порядок! Самая основная и характерная черта нашей теперешней жизни — перманентное переселение. По улицам непрерывно движутся с места на место толпы людей, нагруженные тележками, саночками с мебелью и узлами, а сверху вся эта передвижная барахолка поливается артиллерийским и пулеметным огнем. Одни падают и остаются лежать на месте, а другие продолжают свой бег. Прибавляют «порядка» и немцы, которым вдруг иногда попадает вожжа под хвост, и они требуют то концентрации населения в каких-либо кварталах, то, наоборот, расселения. Зависит от военного гения и творческой мысли очередного коменданта, которые меняются чуть ли не еженедельно. Мы обычно сидим на месте и никуда не трогаемся. Пока соберутся нам посулить каких-либо скорпионов — уже новый комендант, и все начинается сначала.

14.10.41

Сегодня наш с Колей юбилей: 22 года мы прожили вместе. Никогда еще наша жизнь не была еще столь напряженной. С одной стороны угроза физическому существованию как от снарядов и пуль, так и от голода, с другой — непрерывное и острое ощущение свободы. Мы все еще переживаем медовый месяц думать и говорить по-своему. Немцы нами, населением совершенно не интересуются, если не считать вдохновений комендантов, **которые меняются чуть ли не еженедельно**, да еще мелкого грабежа солдат, которые заскакивают в квартиры и хватают, что попало. То котел для варки белья утянут, то керосиновую лампу, то какую-либо шерстяную тряпку. Усиленно покупают за **табак и** хлеб золото и меха. За меховое пальто платят две буханки хлеба или пачку табаку. Но платят. **Жадны и падки они на барахло, особенно на шерстяное, до смешного. Вот тебе и богатая Европа.** Даже не верится. А пишут всякие гадости про красноармейцев, которые набрасывались в Финляндии на хлам. Так то же советские, которые и в самом деле нищие. И хлам финский совсем не то, что наш. Вот тебе и покорители всей Европы! Чудно!

17.10.41

Сегодня Н.Ф., Тася и мать Н.В. отправились в тыл. Что-то с ними будет? У Н.Ф. мечты пробраться на Украину — к «молоку», как она беспрерывно повторяет. Как чеховские «сестры». Те все твердили «в Москву», а она — «к молоку». Н.Ф. боится за Тасю, так как она полуеврейка, и все кругом об этом знают «…а эти пролетарии»… Надо было слышать, как это было интонировано пролетарской писательницей из партийных кругов! Я думаю, что ничего страшного не было бы и никаким пролетариям ни она, ни ее дочка не нужны. Но, конечно, ничего не сказала. Ушли они не столько от пролетариев, сколько от наступившего голода, беспрерывной стрельбы и немецких заскоков в квартиру во всякое время дня и ночи. Да и сидеть все ночи в кухне, не раздеваясь и ожидая, что каждую секунду к вам может влететь снаряд и убить или искалечить, тоже не мед. Чтобы несколько отвлечься от страхов, мы все кроме Николая, который спит как младенец, по ночам играем в карты. Коптит ночник. Снаряды падают густо. Иногда попадают в наш дом, и тогда ночник гаснет, а мы сидим и усиленно стараемся казаться заинтересованными игрой. Но и это перестает помогать. Если стрельба затихает часа на 2-3, засыпаем здесь же, на кухне. Кухня почему-то считается самым безопасным местом.

Теперь мы почти каждую фразу начинаем с «е.б.ж.» — если будем живы. Это заклинание, в которое верят все, и коммунисты, и позитивисты, и идеалисты. Н.Ф. надела Тасе на шею списанный на бумажку псалом «Живый в помощи вышнего». Крестится при каждом близком разрыве. И это делает ее несколько человечнее и приемлемее для нас. Хотя мы прекрасно знаем, что если она только попала бы опять к красным, то, конечно, немедленно перестала бы «верить» и еще обязательно выдала бы нас с головой, передав и с прикрасами все, что мы говорим теперь о нашей «дорогой и любимой» власти. Партийная диалектика!..

20.10.41

Разбило совсем крышу нашего дома. Один снаряд попал в большой зал консерваторского общежития за нашей стенкой. Исковеркало всю комнату, но замечательно, что ни один из трех роялей не пострадал, если не считать царапин от кирпичей и штукатурки. У нас, конечно, не осталось ни одного стекла в квартире. Последняя печка в кухне перестала гореть. Забили окна фанерой, и я соорудила на плите «очаг», чтобы готовить пищу — на нем готовим, вернее, кипятим воду — готовить-то совсем нечего.

22.10.41

Вчера пережила настоящий страх. Гораздо более сильный, чем от стрельбы, сказались советские навыки — чего бояться, а чего нет. Из разбитого зала консерваторского общежития, которое прямо за нашей стеной, кто-то ночью стрелял. А м.б. и не стрелял вовсе. Но во общем когда я была одна дома, ко мне приехал на мотоцикле молодой и очень красивый и вылощенный немец. На рукаве у него были какие-то знаки в виде молний. Таких знаков и таких холеных немцев мы еще ни разу не видали. Приехал и начал выматывать из меня жилы: знаю ли я, что стреляли, да кто стрелял? И т.д. Я ничего не знала, да и знать-то было нечего, весь дом кроме наших двух комнат, которые имеют к тому же и совершенно отдельный ход, стоит с разбитыми окнами и выбитыми дверями. В большом зале три рояля. Немцы днем и ночью шатаются по пустым и непустым домам в поисках барахла. Некоторые гетевские души приходят играть по ночам на этих роялях. Мы в полкилометре от передовых позиций. Стреляют всегда и непрерывно. Может быть какой-нибудь дурак и выпалил из нашего дома. Кто их там разберет. И как это можно угадать, что стреляли именно от нас. И кто? Все это я ему и объяснила, только намного вежливее, чем пишу теперь. Мой немецкий язык настолько неправилен, что он несколько раз принимался смеяться. Потом пытался мне пригрозить, что если я не признаюсь, то он прикажет расстрелять весь двор. Тогда обозлившись, я собрала все свои познания в немецком и спросила, есть ли у них ГПУ, и, если есть и он оттуда, то я немедленно же признаюсь во всем, чего он хочет и даже «бисхен мер». Так как в этом случае не признаваться ничему не поможет, а я есть «мюде» от всех этих «клейнигкейт». Так и сказала на полурусском-полунемецком волапюке. Мои последние изречения его окончательно доконали. Разговоры эти длились около двух часов. И я устала безмерно, и он тоже. Конечно, мы и половины не поняли из того, что говорили друг другу, но все же побеседовали. И я еще очень боялась, что придут Коля и М.Ф., и этот дурак их напугает. Наконец, потребовав, чтобы мы никуда не уходили этой ночью, он уехал. Всю ночь мы просидели одетые и ожидали визитеров. Но никого не было. Необходимо уходить из нашей квартиры. Но уйти мы можем в дом в этом же дворе. Очередной комендант запретил передвижение по улицам. Можно только перемещаться в том же дворе. Разница небольшая. А наш двор такой, что можно пушку спрятать, и не найдут.

23.10.41

Пошла в управу и расспросила нашего бургомистра о вчерашнем визитере. Оказывается, с такими знаками ходят «СС». Говорят, что это почище наших ГПУ. Стоят они в Александровском дворце, и на воротах висит не очень крупная нашлись по-немецки и по-русски, что проходить мимо этих ворот нельзя никому из гражданского населения даже и в сопровождении немецких солдат. Т.е. население лишено возможности прочесть эти надписи. Если же кто проходит, в него стреляют без предупреждения. И вот один из этих-то ангелочков и был у меня. Бургомистр перепугался до смерти и приказал нам немедленно перебираться в другой дом. А какая разница? Но мне не страшно. Если бы они были «почище ГПУ», то я не писала бы этих строк, а М.Ф. идиллически не раскладывала бы пасьянса. Всё же переселиться придется. Черт с ними, а то еще и в самом деле втяпаемся. Хотя от такой слепой силы, как ГПУ или эти вот холеные скоты, спастись нельзя. Вчера кто-то «стрелял», а сегодня кто-то что-нибудь «взорвет».

Пишу все это при ярком свете. Освещаемся по способу эскимосов. Нашли в сарае бутылку какого-то масла. Есть нельзя — воняет. Но горит превосходно. Налили в миску, по краям налепили тряпочных фитильков. Только очень часто приходится поправлять фитильки — быстро сгорают. Коля говорит, что завтра постарается достать мох для светилен, тот якобы не так быстро сгорает, и, главное, не так коптит. Копоть несусветная. Через два часа после того как зажгли нашу эскимосскую лампу, — вся мебель и мы все покрылись налетом жирной и вонючей копоти. М.Ф. ворчит — карты пачкаются, пасьянс скоро нельзя будет разложить. Я же в восторге — писать и читать можно свободно. Теперь появилась из тайников масса книг, о которых при советчиках мы и мечтать не смели. Например, сейчас читаю «Бесы» Достоевского. Теперь этот роман производит еще более потрясающее впечатление, чем раньше. Все пророчества сбылись на наших глазах.

НОЯБРЬ 1941

01.11.41

Произошли два важных события в нашей жизни. Коля ходил в Павловск и «продал» там полушубок. Конечно, как и всегда с нами, когда мы становимся «дельцами», кроме анекдота ничего не получилось. Он очень запоздал и пришел уже после запретного часа. Я чуть с ума не сошла от страха. И, конечно, пришел без кожуха и продуктов. Немцы обещали заплатить «завтра». Правда, они дали ему солдатского супу поесть. И то хорошо. Но все же за большой и новый кожух маловато. Я не верю, что завтра они заплатят. А там — кто его знает? Всё же это европейцы.

Второе событие: познакомилась с настоящим «белым». Бывший морской офицер. Воспитанный, упитанный, вымытый и **нестерпимо и** по нашим масштабам утрированно вежливый. Как на театре. Рассказывал о работе белой эмиграции против большевиков. Сам он из Риги. Обещал дать мне Шмелева и еще некоторые книги, изданные заграницей. Работает переводчиком у немцев. Всё как во сне. МЫ и настоящий БЕЛЫЙ ЭМИГРАНТ! Человек из того мира, о котором мы только мечтали. И еще трудно поверить, что где-то есть не советская и не фронтовая, а нормальная человеческая жизнь. И до этой жизни всего один день пути . Но для нас это так же далеко, как до Марса.

02.11.41

Коля все же пошел в Павловск, несмотря на мои мрачные прогнозы. Он получил плату за кожух и принес полмешка настоящей еды. И его там опять накормили супом. Всё же Европа имеет свои моральные минимумы. И честные люди, даже и немцы, не перевелись на свете. А принес он вещи волшебные : КРУПУ, мясные консервы, ТАБАК и хлеб. Крупы много. Ни с чем несравнимое ощущение полного желудка! Крупы теперь нельзя достать ни за какие деньги и сокровища.

04.11.41

С едой все хуже. Того, что нам принес Коля из Павловска, хватит ненадолго. Вылазки на поле за турнепсом и картошкой

приходится совсем прекратить. Также и за лошадьми. Вблизи уже всё подобрали, ходить далеко опасно, да и немцы не пускают. Они берут на учет все продукты. А так как у нашего населения никаких продуктов нет, то взяты на учет все огороды. Здесь, конечно, не так немцы, как наша управа и полиция. Собираем желуди. Но с ними надо уметь обращаться. Я научилась печь прекрасные пряники из желудей с глицерином и корицей. Желуди надо очистить и кипятить, все время меняя воду, до тех пор, пока вода не станет совершенно белой и прозрачной. Таким образом они освобождаются от танина. После кипячения их надо пропустить через мясорубку, прибавить по вкусу глицерину и корицы, смачивать руки в воде и делать лепешечки, которые печь прямо на плите. Никто мне не верит, что это из желудей. У бабушки, матери Н. В., мы нашли в комоде полную большую банку корицы. Почему она у нее оказалась — понять невозможно. А в кладовке у Ершова литра два глицерина. Вот тебе и пирожные.

Художник Клевер, сын знаменитого пейзажиста Клевера, съел плохо приготовленную кашу из желудей, отравился танином, и у него отнялись ноги. Нужно было молоко. В том дворе, где они живут, живет баба с коровой. Сестра Клевера умоляла бабу продать ей молока, но баба отказалась, так как у немцев она может получить продукты, а деньги ей ни к чему. Кто-то из возмущенных соседей позвал проходящего мимо немецкого солдата и рассказал всю историю. Немец немедленно поколотил бабу и приказал ей отдавать весь удой молока в течение недели бесплатно Клеверам. Клеверы брали только столько, сколько нужно, и платили бабе. Нужно было видеть, рассказывали мне, как баба чуть не на коленях ползала перед немцем. Хотя какое право имел немецкий солдат ей приказывать? А солдат ежедневно приходил и проверял, исполняет ли баба его приказание. Ведь вот бывают же на свете такие! Клевер поправился. **Вот тебе советские Минины и Пожарские. Вот тебе советское воспитание. И каким героем и морально «светлой личностью» выглядит этот немецкий враг, по сравнению с этой бабой и ее присными.**

06.11.41

Начались уже настоящие морозы. Но топлива сколько хочешь. Все полуразрушенные дома можно разбирать на топливо. А у нас еще много профсоюзных дров. Да здравствует профдвижение! Вчера переехали во дворе в дом Ершова. Здесь у нас две комнаты

жилых и две нежилых. У М.Ф. комната побольше. Она ее сразу же облюбовала. Во-первых, потому что она больше, а во-вторых, и это главное, отапливается из нашей комнаты. Значит, топить печку и готовить в ней буду я, а не она. Нежилые комнаты заменяют кладовки. И жить можно. А в кладовках мы нуждаемся потому, что Н. В. и Н. Ф. и еще другие соседи просили нас при отъезде слезно сохранить их вещи. Мы пообещали и вот теперь таскаем всё с места на место, как дураки. И знаем, что все равно всё пропадет, но наша интеллигентская мягкотелость не позволяет бросить всё сразу. Особенно ненавижу я пианино, которое Н. Ф. успела «приобрести» в консерватории и на которое написана нам перед отъездом доверенность распоряжаться. И вот таскаем. Пропади оно всё пропадом! Нашего-то у нас уже почти ничего не осталось, кроме нескольких вещичек вроде палехских ящичков. Да еще — библиотеки, которая тоже отнимает массу сил при перетаскивании. Но это книги! Развели уют. Теперь Николай не страдает от жизни в одной комнате с М.Ф. и нет проклятых тряпок, которые служили ширмами в старой комнате. Я нашла в водопроводном колодце немного воды, которая не замерзла, потому что колодец глубокий и закрыт крышкой. Помылись, и я даже немного постирала. Сказали соседям, что есть вода и не надо ползать на животах к пруду. М.Ф. устроила мне сцену — «нам не хватит».

08.11.41

Сегодня к нам пришел знакомиться некий Давыдов. Он «фольксдойч», как теперь себя называют многие из обрусевших немцев. Работает переводчиком у немцев при СД. Это какая-то ихняя секретная полиция, но не из самых свирепых, а помягче. Хочет оказать Коле протекцию. Он слушал колины лекции по истории в Молочном институте и был от них в восторге, как и все прочие профессора и преподаватели. Вот еще тоже один из анекдотов советской жизни: Коля не имел права читать лекции для студентов, а вот для профессоров — имел. И как только русская история возродилась опять из марксистского пепла — его немедленно стали рвать на части в различные высшие учебные заведения. В Молочный институт он попал всё же не совсем обычно. Там читал русскую историю какой-то партийный пропагандист. И это было до такой степени безграмотно и ужасно, что даже наши многотерпеливые и кроткие профессора восстали и потребовали от Обкома отозвания этого, с позволения сказать, лектора. Тогда кто-то вспомнил, что слышал колину

лекцию в с.-х. институте. Его пригласили на пробу. И этот затурканный «интеллигент» покорил не только беспартийную профессорскую массу, но даже и партийных китов вроде директора института. С одной стороны, нам было очень приятно, что наконец где-то на крошечном кусочке этого военного поля — наша взяла. А с другой стороны — у меня всегда поджилки тряслись, что когда-нибудь он направится прямо с лекции в тот университет, из которого никто еще не возвращался. И как только он запоздает с лекции, а это было всегда, потому что его задерживали слушатели вопросами, я уже начинаю готовить ему рюкзак с сухарями и дорожными вещами. Так оно, конечно, когда-нибудь и было бы, если бы не благословенные немцы. А отказаться от работы было невозможно, потому что его назначили все-таки от горкома, а во-вторых, это был хороший заработок. А главное, ему это доставляло отдых и несравнимое наслаждение — хоть отчасти, хоть под всякими вуалями проводить все-таки какие-то намеки на свободное преподавание. И эти лекции и теперь нам сослужили большую службу. И мое назначение квартуполномоченным, а отсюда и получение хоть изредка, хоть раз в две недели какого-то съедобного подобия произошло потому, что наш городской голова (бургомистр) тоже один из слушателей Николая — приват-доцент.

И Давыдов тоже вот сегодня пришел с помощью. Этот Давыдов, хоть и переводчик, которые почти все поголовно оказались [сволочью] дрянью и захребетниками, не плох [не таков]. Он, сколько может, оказывает помощь людям. Переводчик — сила, и большая. Большинство из них — страшная [сволочь] шпана, которая дорожит только своим пайком и старается сорвать с населения всё, что только возможно, а часто и то, что невозможно. Население же целиком у них в руках. Придет человек в комендатуру по какому-нибудь делу, которое часто обозначает почти жизнь или смерть для него, а переводчик переводит, что хочет и как хочет. И всегда бывает так, что комендант требует от него невозможных взяток. А взятки даются тоже через переводчика. Все они вымогатели и все ползают на брюхах перед немцами. Я сама видела в комендатуре такой спектакль: на полу передней, через которую ходят все просители, разостлан прекрасный дворцовый голубой ковер. Люди, не зная, для чего он тут разостлан, идут по нему, потому что иначе не пройдешь: он занимает всю комнату. Вдруг вылетает переводчица и начинает кричать на посетителей, как они смеют, свиньи, ходить по комендантскому ковру. Ковер здесь разостлан для просушки или еще чего-то, и «господин комендант», мальчишка-лейтенант, стоит и ухмыляется, а посетители не знают, что им

делать. А переводчица — учительница. Конечно, я сказала ей пару теплых слов, не пошла к коменданту и не получила бумажки, за какой ходила. — Бумажки о том, что мы не подлежим переселению. Она кричала мне вслед, что она пришлет за мной полицая. И тогда я, уже совершенно разъяренная, сказала, что я пришлю за ней не полицая, а солдат из СД. Она немедленно же скисла, как проколотый шар, и с тех пор была очень со мной ласкова… Когда я рассказала об этом нашему городскому голове, он запечалился и сказал, что головы мне не сносить. Ничего, ГПУ не съело, а уж какая-то Клара Ивановна и подавно подавится! Так вот, слухи о Давыдове ходят самые хорошие. Говорят, что он, если и не может много помогать населению, то всё же при переводах держится всегда елико возможно близко к истине и никогда не берет с населения взяток. Пришел он к Коле с заявлением, что немцы очень «ценят культуру» и зовут интеллигенцию для работы с ними. Интересуются они главным образом специалистами военными и техническими. Но колина специальность здесь ничего не может им дать. И это очень приятно. Хотя наша дорогая родина и стала нам всем поперек горла, а все же для нас было бы невозможно выдать врагу какой-нибудь военный секрет. И хотя (теперь) [наша] «родина» — не народ и не государство, а **проклятая** шайка бандитов, а вот поди ж ты — не смогли бы! Никак не можем отделаться от нашей «устаревшей принципиальности». Хотя и знаем, что большевизм не победить благородными чувствами и сохранением своих патриотических риз. Да и настоящий патриотизм — в том, чтобы помогать всем врагам большевиков! Никак не можем отделаться от нашей «устаревшей принципиальности». Хотя и знаем, что большевизм не победить благородными чувствами и сохранением своих патриотических риз. Да и настоящий патриотизм — в том, чтобы помогать всем врагам большевиков!

10.11.41

Протекция и блага, которые нам принес Давыдов, состоят из трех тарелок супа. Но немецкого, но ежедневно, но не солдатского, а из того самого СД, который я так пророчески избрала в свои покровители в войне с Кларой Ивановной. Вот и не верь предчувствиям! Да, так — суп! — Это такая роскошь, за которую не только первородство продашь! Работа, которая потребовалась от Коли, состоит в исследовании по «истории бани» и тому подобной чепухи. Кажется, эта история нужна для того, чтобы доказать, что у славян бани не было и ее им принесли

просвещенные немцы. Боже, до какой глупости могут доходить цивилизованные европейцы! Война, кровь, ужасы, и тут — история бани! Но хорошо, что хоть суп за нее платят. Коля говорит, что он напишет работу и докажет, что славяне принесли немцам и европейцам баню. Так, мол, говорят исторические летописи, а что говорит по этому поводу Заратустра — неинтересно. Боюсь, что придется скоро расстаться с супом! Но ничего, и вчера и сегодня поели. И завтра, е. б. ж., — поедим. Я очень прошу Колю растянуть процесс исторических изысканий елико возможно надольше. От этих занятий как будто бы предательством родины не пахнет. Но ведь если бы немцы пригласили нас не чепухой заниматься, а, скажем, стрелять вот туда, в Федоровский городок? Пошла бы я? — Пошла бы! Взяла бы винтовку и пошла! А вот доносить и передавать военные секреты — нет возможности. М. б., это одно и то же, а для нас — невозможно. [**Хотя и знаем, что большевизм не победишь благородными чувствами и сохранением своих патриотических риз. Да и настоящий наш патриотизм в том, чтобы помогать ВСЕМ врагам большевизма.**] А вот те самые коммунисты, на которых русский народ не доносит, — непременно донесут обо всем и обо всех. И насчет военных секретов они тоже не очень как будто бы секретничают, насколько мы уже тут слышим. А придут красные — и они опять попадут на «верхи». Да и у немцев они не на низах сидят. Сколь[ких] мы уже знаем бывших коммунистов, которые работают «не за страх, а за совесть» на немцев. И не просто с ними сотрудничают, а все или в полиции, или в пропаганде. Кто их знает, может быть, они и искренние, но все же как-то не верится. **Не переделать волка в овечку**. Что они беспринципны принципиально — это-то хорошо известно, и что для них никаких принципов, кроме волчьих, — тоже известно.

12.11.41

Жизнь начинается робинзонья. Нет ничего самого необходимого. И наша прежняя подсоветская нищета кажется недостижимым богатством. Нет ниток, пуговиц, иголок, спичек, веников и многого, что прежде вообще не замечалось. Зато сразу появилось много подсвечников, стаканов, посуды. И совершенно исчезли все буквально кастрюли. И куда они подевались — уму непостижимо. Особенно тягостно отсутствие мыла и табаку. Ну с табаком — хоть окурки собирать можно. Хотя немцы не очень-то ими бросаются. А вот мыла нет и это чистое несчастье. От

освещения коптилками, бумажками и прочими видами электрификации вся одежда, мебель и одеяла покрыты слоем копоти. Проведешь рукой по одеялу — и рука черная… Лица стали неузнаваемыми от черного налета на них. Моемся приблизительно. Да и что можно сделать без мыла при такой копоти? Одна женщина попробовала умываться золой из печи, и все лицо у нее облезло. Без мыла перестаешь себя уважать…

Немцы организовали богадельню для стариков и инвалидов. Мы отправили туда бабушку — свекровь М.Ф. Все-таки, хоть что-то она там будет получать, а мы будем сколько возможно помогать ей от себя. Благо дом этот совсем около нас. Организован также детский дом для сирот. Там тоже какой-то минимальный паек полагается. Всё остальное население предоставлено самому себе. Можно жить, вернее, умирать, — на полной своей воле. Управа выдает своим служащим раз в неделю да и то нерегулярно или по килограмму овса, или ячменя (никогда рожь или пшеницу), или мерзлую картошку. Когда выдается зерно, Коля мелет его на кофейной мельнице. Засыпает стакан — намелет, сварим. Пока намелет второй — пора опять варить. Три стакана отнимают почти полный рабочий день, так как зерна сырые. А сушить — нет времени. Надо есть. Ждать невозможно. А сваришь — есть нечего. Одни кастрюли. Много заболеваний желудком на этой почве. Я не даю своим есть с ошметьями, процеживаю. Скандалят, потому что остается только окрашенная вода. Особенно вреден овес. Но Коля не смеет у меня умереть от дурацких случайностей. Не дам!

Голод принял уже размеры настоящего бедствия. На весь город имеются только два спекулянта, которым разрешено ездить в тыл за продуктами. Они потом эти продукты меняют на вещи. За деньги ничего купить нельзя. Да и деньги все исчезли. Цены соответственные: хлеб расценивается по 800–1000 р. за килограмм, меховое новое пальто 4 — 5000 рублей. Каракулевое или котиковое. Совершенно сказочные богатства наживают себе повара при немецких частях.

18.11.41

Морозы уже настоящие. Население начинает вымирать. Каково же будет зимой? У нас уже бывают дни, когда мы совсем ничего не едим. Немцы чуть ли не ежедневно объявляют эвакуацию в тыл и так же чуть ли не ежедневно ее отменяют. Но все же кое-кого вывозят. Гл. обр. — молодых, здоровых девушек. Мужчин молодых почти совсем не осталось. А кто остался, те

ходят в полицаях. Многие разбредаются сами, куда глаза глядят. Кто помоложе и поздоровее — норовит спрятаться от эвакуации. Некоторые справедливо считают, что сами они доберутся, куда хотят, лучше. Некоторые ждут скорого конца войны и стараются пересидеть на месте. «Тыла» теперь боятся. Хотя немцы и объявляют, что в дороге всех будут кормить, а по прибытии на место всем обеспечены жилища. Но где это самое «место», не сообщают. Надоело всё до смерти.

Вчера мне принесли извещение об эвакуации, а Коля и М.Ф. остаются. Я понеслась вне себя в комендатуру и там напала на какого-то неповинного и, как потом оказалось, даже не на нашего фельдфебеля. Я сумела ему рассказать всю нелепость такого постановления прежде, чем он сказал мне, что он сам только что приехал по делам в Пушкин и тут непричем. Я завопила, что все они «тут причем». И мне все равно, какое начальство делает такие унанштендиге захе! Он, давясь от смеха, скрылся во внутренние покои комендатуры и потом через некоторое время вынес мне бумажку, разрешающую и мне оставаться с нашими. Здесь опять меня выручил мой немецкий язык. Во-первых, он у меня как-то по особо комичному неправилен, вероятно. Немцы, вместо того, чтобы на меня сердиться, почти всегда смеются. А во-вторых, если я очень обозлюсь, то мне всегда приходят на память все неприятные слова на всех языках, и я их выпаливаю. На этот раз проехало. По таким делам совершенно невозможно посылать М.Ф. Она начинает трусить и слезно умолять. Ну, тут всякое начальство, особенно рангом не выше фельдфебеля, начинает себя чувствовать и в самом деле «царем и Богом» и хамит. А когда на них прыгаешь, как воробей на собаку, — отступают!

Впрочем, нужно признаться, что немцы в подавляющем своем большинстве народ хороший, человечный и понимающий. Но сейчас-то война, и фронт, и всякие там идеологии, и чорт его знает, что еще. Вот и получается, что хорошие люди подчас делают такие вещи, что передушил бы их собственными руками. И все же мы рады бесконечно, что с нами немцы, а не наше «дорогое и любимое правительство». Каждый день приходится проводить параллели. Ну, скажем, произошло бы такое при наших. Пошла бы я в комендатуру. Что меня там, выслушали бы? Да ни за что. Еще и припаяли бы несколько лет за «антисоветские настроения» или за что-нибудь еще. Говорят, что мою практику нельзя применять в гестапо. Это ихнее ГПУ. Слава Богу, у нас на фронте такого еще не было.

22.11.41

Вчера попала в настоящую и колоссальную неприятность. Но опять кривая вывезла. Надолго ли хватит этого везения только? Начали выселять людей из Александровки, так как там всё время идут бои. Господи, живем на самом фронте! Жители Александровки почти исключительно железнодорожники. Они были всегда на привилегированном положении. Каждый имел подсобное и необлагаемое хозяйство: участок земли при собственном доме, коров, коз, пасеки, птицу. Плюс еще так называемые «провизионки» — билеты, дающие право на провоз продуктов из провинции. Т. е. так предполагалось. Было же наоборот: они возили продукты в провинцию и на этом колоссально зарабатывали. Это были своеобразные советские помещики и жили они так, как и не снилось ни колхозникам, ни единоличникам. Выселяться им не хочется. Все свои продукты и имущество они позарывали в землю. А их непреклонно выселяют и приказывают селиться не ближе, как за 25 километров от Александровки. Они же, конечно, норовят поближе. И самым для них лучшим местом является Пушкин, потому что это и близко, и ходить можно удобно через парки. А они надеются туда ходить за вещами и провизией. Уже перед самым началом запретного часа к нам во двор ввалилась группа александровцев с саночками и тележками. Нагружены они были, как добрые верблюды. Стали умолять, чтобы пустили их переночевать. В нашем доме пять пустых комнат, и я их пустила. Состав семей: старик, его жена, еще нестарая женщина — в одной, а во второй: муж, жена, двое детей 10 и 11 лет и 16-летний мальчик Витя, племянник жены, который приехал незадолго до войны погостить у тетки из Торжка. Прелестный мальчик. Из-за него, гл. образом, я и рискнула их пустить. Уж очень он мне понравился своей серьезностью и интеллигентностью. Да и все они произвели на нас самое благоприятное впечатление. Прожили они у нас благополучно четыре дня, как о них донесли коменданту. Донес начальник полиции Мануйлов, по рассказам — самый настоящий бандит. И вот, он привел ко мне немецкого коменданта выяснять, на каких основаниях я, вопреки приказу, впустила в дом Александрова. Комендант сразу же начал на меня орать и «на ты». Прежде всего я у него спросила, разве мы с ним «ферлобт» или пили брудершафт, что он говорит мне «ты». Мы к этому не привыкли.

Я думала, что Мануйлова от ужаса кондрашка хватит. Комендант же тон снизил, но за такое мое непослушание он вынужден будет меня повесить. Я ответила, что вешать он меня может, но заставить, как уполномоченную по квартирам,

выгонять ночью людей на улицу, где каждый патруль должен их застрелить, — не может. Я русская женщина и это русские люди. И достаточно ужасов войны и так, чтобы я еще прибавляла их. Да я и с немцами так не поступила бы. Потом мне достоверно известно, что г. Мануйлов знал об их вселении сюда, так как еще вчера старик вставлял стекла в комендатуре и управе и кажется сегодня вставляет их у г. коменданта. А стекольщиков управа никак не могла найти, и меня даже городской голова благодарил, что я нашла этого старичка. Мануйлов начал было на меня орать, что я вру. Ну, я ему показала! Пригрозив, что доложу коменданту о взятке, которую он вымогал с моих новых жильцов за прописку, а теперь привел, мол, сюда коменданта, самого герр коменданта, разыгрывать дурачка! Комендант спрашивал, в чем дело, но я сказала, что я не переводчик и что с Мануйловым у нас свои дела, а пусть сам Мануйлов ему переводит. И что мне всё это надоело, и пусть он меня вешает. И я действительно уже почти не могу переносить, всех тех гадостей, которые нас окружают. И, главное, что большинство этих гадостей происходит не по необходимости военной, а по подлости, окружающей нас. Комендант смягчился и сказал, что вешать он меня, м. б, и не будет, но что он должен посадить меня в тюрьму. Я сердито привела пословицу о «тирхенах и плезирхенах». И тут он расхохотался и попросил показать ему квартиры нашего дома. Я повела его сначала в наше жилище. Увидав наше палаццо, которое, я по случайности только сегодня отмыла, как умела, холодной водой, он пришел в восторг от чистоты и порядка и заявил, что только немецкие женщины умеют и во время войны содержать в таком порядке свои жилища. Хотелось мне очень дать ему по физиономии, но не посмела. Расстались мы по-хорошему, и Мануйлов получил приказ прописать моих жильцов, а старичка я устрою в управу — и он будет получать паек. Вот и опять приходит параллель с недоброй памятью советчиками. Ну, если бы я при них что-нибудь подобное сделала. Да и меня, и моих жильцов, и Колю, и М.Ф. непременно расстреляли бы за «неподчинение законам военного времени». Да при наших мне и в голову бы не пришло сотворить такое. Жильцы мои слышали перепалку, и, так как отец детишек почему-то прекрасно понимает по-немецки, то перепугались они до потери сознания, но когда выяснилось, что повешение грозит только мне, а им только выселение, — успокоились. И так-таки прямо мне и сказали. Почти буквально этими словами. Никаких литературных красот. Жизнь советская!

А вот то, что железнодорожник, — кажется, машинист — знает хорошо немецкий язык и норовит оставаться на фронте, мне очень и очень не нравится. Надо будет поскорее от этой семьи

избавиться. Переселить поскорее! Только Витю жалко. Старичок вполне себя оправдывает. Суетится целые дни. Починил крышу и печи. Успешно ворует где-то стекла и остеклил нашу комнату. И так стало приятно опять пожить при полном дневном свете. Удивительный звук появился в нашем обиходе: прелестный и нежнейший, которого никогда и нигде больше не найти, — звон стеклянных кусочков на разбитых окнах. Перед войной приказано было наклеивать на стекла полоски бумажек крест-накрест. Это-де спасет стекло от воздушных волн. Конечно, не спасло. Но зато мы имеем теперь это очарование. При малейшем ветерке на улицах слышен этот удивительный звон. Ничего более нежного нельзя себе представить.

24.11.41

Коля слег от голода. Ему надо во что бы то ни стало получать ежедневно хоть чайную ложку жира и столовую ложку сахару. А где и как их добыть? Иначе он не выдержит. Супы наши СД-шные кончились, так как, по-видимому, Коля не угодил историей бани.

26.11.41

Продали мои золотые зубы. Зубной врач за то, чтобы их вынуть, взял с меня один хлеб. А получила я за них 2 хлеба, пачку маргарина, пачку леденцов и полпачки табаку. Повар, который всё это давал, всё время приговаривал, что он совершенно разорен. Так мне хотелось его выгнать со всеми его благами, но из-за Коли не посмела.

29.11.41

Коле хуже. Того, что мы имеем, ему не хватает. Продавать и менять больше кажется, уже совсем нечего. А еще вся зима впереди.

ДЕКАБРЬ 1941

02.12.41

Сегодня произошло еще одно из наших многочисленных чудес, которые с нами теперь непрерывно происходят. Но это самое значительное. Я решила продать свое обручальное кольцо, которое ни за что не хотела продавать, потому что верю, что это плохая примета. Но на лице у Коли стали появляться еще более плохие приметы. На днях призвала к нему врача Падеревскую. Она оказала, что ему необходимы уколы камфары. В больнице камфары нет, а у нее есть «своя». За 14 ампул камфары она взяла с меня мой китайский сервиз, который мне подарил в свое время О. Еще в 29 г. он стоил 600 рублей. Делаю Коле уколы камфары и ругаю себя последними словами. Лучше бы за этот сервиз получила бы я хоть какой-нибудь еды ему. Хоть бы на один раз. Но дело в том, что наши знакомства с немцами — только среди солдат, а солдатам китайские сервизы ни к чему. И вот пошла я продавать свое кольцо к одному немецкому повару. Этот негодяй предложил мне за кольцо в 15 грамм червонного золота один хлеб и полпачки табаку. Я отказалась. Лучше помереть с голоду, чем потакать такому мародерству. Иду по улице и плачу. Ну, просто, уже никакого терпения не стало. Не могу я себе представить, что Коля так и помрет от какой-то дурацкой войны и оккупации. Разве затем мы так пуритански берегли свою непродажность нашей проклятой власти, чтобы вот так тут и сдохнуть из-за нее. Не затем же мы, живя без квартиры в Москве и ночуя на улицах и скверах, отказались от блестящего места в Дерулюфте с квартирой, ванной, закрытым распределителем и прочими благами. Не затем же мы радуемся тому, что мы не в Москве в тылу, а вот здесь, на фронте. Иду и ссорюсь с Богом, и Он меня услышал. Попался мне на улице тот самый Мануйлов и посоветовал сходить в комендатуру к повару, который только что прибыл на фронт и еще не разжирел на наших слезах и крови. Но пошла я не вчера, потому что было уже поздно, а сегодня утром. Всю дорогу молила Бога, чтобы сегодня не было вчерашнего разочарования. Самое страшное приходить домой ни с чем. Эти блестящие от голода глаза и в них немой вопрос. Лучше самой помереть. И произошло настоящее чудо. Повар взял мое кольцо, а меня ухватит за руку и запихал в какой-то чулан. Сижу в чулане и трясусь. А что, как он покличет патруль и меня тут же на месте и прикончат за попытку «подкупить» немецкого солдата? Так ясно я

себе представила, как наши сидят и ждут меня, не смея даже сказать, куда я пошла, и как через несколько дней придет полицай и скажет, что я расстреляна «за попытку разложения немецкой армии». Наконец повар пришел и повел меня в кладовую с едой. У меня сразу же закружилась голова от запаха колбасы. Повар, ухватил мой рюкзак и стал сыпать в него муку безо всякой мерки. Скреб совком по дну бочки и ругался, что муки мало. Насыпал примерно треть рюкзака. Потом спросил, хочу ли я сахару. Сахару !! Пихнул пакет сахару в 2 кг. Я осмелела и шепотком попросила хлеба. «Тюрлих» — пробормотал повар и положил три хлеба. (Хлеб сейчас у нас главная ценность, потому что его можно есть сразу же и он дает ощущение немедленной сытости). Увидал огромный кусок мяса, отрубил чуть ли не половину и тоже запихал в рюкзак. Я боялась перевести дыхание, чтобы он не опомнился и сказка бы не прекратилась. Грубо обругав меня, что у меня нет никаких мешочков с собой, он разыскал какой-то пакет и насыпал в него крупы. Сунул два пакета маргарина и пакет «кунстхонига». Вдруг в коридоре послышалась какая-то суета. Повар ухватил меня, согнул пополам, как мешок, и сунул в темный угол за бочку. Что-то прошипел и исчез. Сижу за бочкой и поминаю царя Давида и всю кротость его. И вдруг вижу на полу кусочек жиру, отскочивший от мяса. Подобрала я этот кусочек, сунула в рот и забыла все на свете. Нет в мире ничего лучше сырого коровьего мороженого жиру!! И мне стало всё всё равно. Только очень жалко было, что кусочек такой маленький. Потом вернулся повар, и я, уже совершенно обнаглевшая, попросила у него табаку. Он рыкнул что-то и сунул две пачки табаку и три пачки папирос.

Рюкзак у меня был очень вместительный, и я никогда не могла его нести, когда он был полон даже бельем и платьем в экскурсиях. А тут повар носился по кладовке и пихал в него всё, что попадется: банку мясных консервов, зубную пасту, леденцы и даже две коробки спичек. Но самое замечательное это то, что он сунул мне кусок русского стирального мыла. Этого сокровища не имеют даже многие немецкие офицеры. Наконец, уже в рюкзак ничего не лезло. Повар затянул его с трудом и стал надевать на меня. Но как только рюкзак повиснет на мне, я падаю с ног. Буквально. Вот тут-то я перепуталась. Выложить из мешка хоть что-нибудь я никак не смогла бы. А нести, как я ни напрягаю силы, — я тоже не могу. Мой повар дал мне солидного толчка, шикнул на меня и куда-то унесся с рюкзаком. В этот момент я вполне поняла психологию самоубийц. Если бы он не отдал мне моего мешка, я наверняка покончила бы с собой. Но повар (впрочем, я уверена, что это был не повар, а Ангел, заменивший

повара. Настоящий повар, вероятно где-нибудь спал это время) примчался в кладовую и выволок меня за руку во двор. И должна сказать, что все свои физические воздействия на меня он производил далеко не деликатно, а по-серьезному. Во дворе я увидела сооружение из фанеры, с загнутым передним краем, в виде салазок. К передку была привязана веревка. Повар положил рюкзак на сооружение, накрыл его каким-то тряпьем, для камуфляжа засунул несколько старых палок. Похоже, что дрова. Выволок эти сани за ворота, надел мне веревку на шею, на глазах у часового дал опять хорошего тычка, сказал что-то часовому, от чего тот заржал, и исчез. Я напрягла все свои силенки, чтобы поскорее завернуть за угол от комендатуры.

Везла я свои санки почти на четвереньках и до смерти боялась, что какой-нибудь немецкий патруль, или, еще хуже, русский «полицай» остановит меня и заглянет в рюкзак. За то, что я, цивильная, имела в рюкзаке эти сокровища, я подлежала, по законам военного времени, пристрелу на месте. Без всякого суда и разговоров. Но я довезла всё до дому беспрепятственно. Во дворе я все бросила и послала свою инвалидную команду втащить все эти сокровища в дом. А сама, как была в пальто и валенках, упала на кровать и не могла пошевелить пальцем. Когда М.Ф. и Коля увидели, что я привезла, они тоже почувствовали себя в сказке. М.Ф., вытаскивая каждое новое сокровище, спрашивала меня: «Лидочка, ты никого не убила и не ограбила?» И вот, я пишу всё это, поев бульона, мяса и хлеба и курю настоящий табак. И еще будем пить чай с сахаром. М.Ф. уже начала свою волынку, что надо всё это экономить. А я требую, чтобы мы наелись досыта. Если в мешке дырку не зашивать, то в нем ничего не удержится. А наши мешки имеют уж очень большие дырки. И удастся ли их починить поваровыми благами? И не всегда будут подворачиваться такие повара. Я верю, что Бог услышит наши молитвы за повара и всех его близких и сохранит их на всех путях их. Да и еще ко всем благополучиям: мы помылись настоящим пенистым мылом и увидели, что еще не такие старые, как нам казалось.

05.12.41

Поваровы чудеса всё продолжаются. В сарае завалились дрова. До повара и думать было нечего пойти и привести их в относительный порядок. Теперь же мы намного крепче, и я пошла возиться в сарай. Разбирая дрова, я натолкнулась в самом темном углу на какой-то гигантский сверток, зашитый в мешки. Я его

даже пошевелить не могла. Позвала Колю и М.Ф. Сверток мы распороли, и оказалось, что это великолепный турецкий ковер из квартиры Толстого. По-видимому, кто-то из соседей украл его, зашил, а вывезти не успел. Я затребовала, чтобы мы померли, а ковер втащили в комнату. Втащили, проклятый.

Но думаю, что все поваровы калории ухлопали на него. Немцы охотятся за коврами так же, если не сильнее, чем за мехами и золотом, и может быть ковер сыграет роль повара. С Колей по поводу ковра произошла принципиальная баталия. Видите ли: «это пахнет мародерством». Толстой-то украл ковер из дворцов. А кто-то украл у Толстого. А подсунули его в наш сарай, чтобы сбагрить ответственность на нас, если бы пришли не немцы, а красные. А я буду беречь этот ковер? Для кого? Или, как дура, пойду в управу с заявкой? А полицаи его пропьют? Рассвирепела я на это чистюльство страшно и заявила, что, как только мы избавимся от фронтового сидения, — разведусь с Николаем. Посмеялись и помирились. Да нет, правда, помирать с голоду и такие глупости…

06.12.41

Нет, конечно, это был не повар! Чудеса продолжаются. Вчера только что упрятали ковер в комнату, как приехали с подводой какие-то солдаты из СД и качали забирать наши прекрасные профсоюзные дрова. Конечно, ковер сперли бы, не сказав ни худого, ни хорошего слова. Из-за дров я им дала бой. Притянула их в комнату, где на постели лежал Коля в прострации от ковровой экспедиции, и начала их срамить. Вот, мол, альте герр и профессор, и про историю бани упомянула, и про то, что я работаю в Управе, а вы, мол, молодые и здоровые, и вам лень дров напилить и вы у нас отбираете. В общем пристыдила и не все дрова забрали. Немцев не надо бояться, а надо на них налетать. Это я хорошо заметила. Но налетать я умею только, когда я чувствую, что права. Иначе не выходит.

12.12.41

Проклятый ковер торчит посреди комнаты, и мы через него спотыкаемся. Мои ворчат, что его надо выбросить. Мы не можем сделать еще одного напряжения, чтобы его поднять. Сегодня на воркотню М.Ф. я ехидно предложила ей его выбросить. Унялась. А чует мое сердце, что он будет вроде нашего повара.

17.12.41

Доглодали последнюю косточку. У Коли спал живот и глаза перестали блестеть. Ужасен этот голодный блеск глаз. Они начинают даже светиться в темноте. Это не выдумка. Институт квартуполномоченных кончился, и меня перевели работать в баню для военнопленных. М.Ф. уже с неделю работает там дезинфектором, и меня к ней же. Она не выдержала работы в Управе по раздаче талончиков в столовой. Ежедневно приходилось выбирать между теми, кто должен умереть сегодня, и теми, кто должен умереть завтра. Мы навострились безошибочно угадывать смертников. И вот стоит перед тобой несколько человек и ты знаешь: дать этому — он все равно умрет завтра или послезавтра, а дать тому — он еще продержится. Сознание, что от тебя зависит укоротить или удлинить срок жизни человека, совершенно невыносимо. Теперь я буду получать аккуратно немецкий паёк: 1 кг. муки на неделю, 1 хлеб, 36 гр. жиру, 37 гр. сахару и один стакан крупы. Этого хватает весьма скромно на 3-4 дня, но всё же иметь три дня в неделю какую-то еду весьма важно. Заведует баней та самая сестра Беднова, которая работала в доме инвалидов. Так как с инвалидами всё кончено, она получила это место и получает доход с того, что за каждое назначение в санитарки или дезинфекторы берет недельный паёк. Меня она встретила в штыки, так как меня назначила Управа и ей никакого пайка не пришлось получить. Бабушка М.Ф. умерла. Мы ее вытащили из-под лестницы; куда ее бросили, и похоронили в Пушкинском садике против церкви. За рытье могилы нужно было дать хлеб, и мы его дали, хотя нам, кажется, легче было бы умереть.

Трупы в доме инвалидов лежат в подвале…То, что мы увидели, не поддается никакому описанию: около десятка совершенно голых трупов брошены, как попало…

18.12.41

Ночью мне пришла гениальная идея. Немцы очень празднуют Рождество, а у нас имеется большой ящик еще дореволюционных ёлочных украшений. Начну менять игрушки. Иногда нам попадаются немецкие газеты. Сообщения в них такого же качества, как и в наших, но имеются частные объявления, и они больше всего дают для понимания немецкой жизни теперь. В магазинах все рационировано. Но по карточкам они получают столько, что нам это кажется сказкой. Рекламы только о зубной

пасте и о чернилах «Пеликан». В объявлениях много спроса на старые костюмы и пальто. Книг немецкие солдаты, по-видимому, не читают. По крайней мере мы еще ни одной из них не видели.

19.12.41

Ночью был бой где-то очень близко около нас. Мы пережили даже не страх , а что-то, не подающееся словам. Только представить себе, что мы попадаем опять в руки к большевикам! Я пошла в больницу к доктору Коровину и сказала, что не уйду, пока не получу какого-нибудь яду. Он было попробовал развести свое обычное хамство. Тогда я пригрозила, что поговорю с немцами по поводу микроскопа и молока из детского дома и по многим другим поводам. Тошнило меня разговаривать с этим негодяем. Да ничего не поделаешь. Утих и стал шелковым. Этакая дрянь. Делать гадости — делает, а на расправу — жидкий. Боюсь, что я со своим чистюльством никуда бы не пошла, особенно к немцам. А пойти бы следовало. Но как-то невольно чувствуешь и себя ответственным, особенно перед иностранцами, за всю дрянь, которую разводят разные негодяи. Дал морфий. Только, вероятно, на двоих мало. Хотя мы теперь такие слабые, что нам хватит. А я решила: при приходе большевиков отравиться сама и отравить Николая так, чтобы он этого не знал.

20.12.41

Жить становится всё ужаснее. Сегодня идем на работу в баню, вдруг распахивается дверь в доме, и из нее выскакивает на улицу старуха и кричит: «Я кушать хочу, поймите же, я хочу кушать!» Мы скорее побежали дальше. Слышали выстрел.

На днях одна женщина против Управы собирала щепки около разрушенного дома. Напротив квартирует команда СС. Часовой что-то кричал этой женщине, но ни она, ни кто другой не могли понять, чего он хочет. Тогда он приложился и застрелил ее. Как курицу. Днем, на глазах у всех. Торговля игрушками идет полным ходом, но из-за заносов у самих немцев сейчас мало еды. Все же каждый день какой-то кусочек перепадает. У Ивановых-Разумников положение хуже нашего. Они принципиально не хотят работать за немецкий паёк. Очень их за это уважаю, но последовать им не могу, тоже по принципиальным основаниям. Если они и мы помрем с голоду, то кто же будет работать против большевиков? Да и сидеть и ждать, что кто-то для нас освободит

Россию, а мы — «чистенькие», считаю никуда не годным. Если порядочные люди будут сейчас блюсти свою чистоту и всё предоставлять Падеревским и Бедновым, то что же будет с русским народом в конце концов? Он и так говорит: «Один бес: большевики были — сволочь нами управляла, и теперь то же самое. Лучше сидеть на месте и не рыпаться. Все равно лучше не будет. Нет добра на свете». Это я сама слышала. А при нас в бане сестра Беднова не так распоясывается. На днях она кричала на одного военнопленного, который попросил у нее соды от изжоги: «Так вам всем и надо. Вы расстреляли моего мужа в 20 году, а теперь ты хочешь, чтобы я тебе помогала!» Мы затискали ее в угол и сказали, что если она позволит себе еще что-нибудь подобное, то мы заявим немцам, что она ведет антинемецкую работу в бане. Теперь она меня боится и ненавидит. Надо держать ухо востро. Я-то к немцам жаловаться не пойду, а она пойдет и не только с правдой, но и с любой ложью.

Кстати оказать, фашисты сами и очень сильно восстанавливают народ против себя. И не только русский. Я присутствовала при том, как несколько солдат с фронта осуждали своих СС за их подлое отношение к русскому населению и к немецким солдатам и даже офицерам. Значит и у них так же, как и у нас! Только та разница, что они не боятся говорить друг с другом.

21.12.41

Немцы стали добренькие перед Рождеством. Сегодня к наш приходили СД-солдаты и спрашивали стаканов и рюмок. Мы им дали. Тогда они взяли меня с собой во дворец и дали мне фунтов 7 хлебных корочек и кусков. Какое счастье! Пока я ждала в коридоре своих корочек, где-то далеко во дворце какой-то немец играл на фаготе «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Это было — как в кошмаре. Холодный дворцовый коридор, на стенах рамы без картин, у стен поломанная мебель и какие-то ящики, и все время пробегают немецкие солдаты, и вдруг — Глинка!

Сварили густой-прегустой хлебный суп и наелись до того, что уже не лезло. Но ощущение голода все-таки остается. Значит, организму уже мало хлеба. Нужно что-то другое. А где его взять? Не хочется ни о чем думать и ничего хотеть. Очень мы устали. Иногда приходит в голову: а, может, просто сложить лапки, лечь и не вставать, пока не помрешь? Но мне сейчас помирать никак нельзя. Коля без меня не выдержит… А ведь если бы мы с ним не были сейчас так «вместе», как мы есть, мы бы уже давно померли.

Спасает не инстинкт самосохранения, а инстинкт ДРУГОСОХРАНЕНИЯ. Если выживем и не попадем к большевикам, непременно введу этот термин в учебники психологии.

22.12.41

Коля опять слег от слабости. Ему больше всего недостает сахару. Я тоже стараюсь больше лежать, чем сидеть. Но у меня все это гораздо легче проходит. И вот лежу и молю Бога, чтобы как-нибудь достать сахару, хоть капельку. С нами ежесекундно происходят чудеса. Мы уже к ним привыкли. Но все же несколько путает, когда чудо происходит воочию. Впадаешь в «руки Бога живого». Это выражение стало мне совершенно понятно. Может быть, его и не так надо бы толковать, но я его понимаю именно таким образом. И вообще то, что мы теперь переживаем, заставило меня пересмотреть отношение к Богу, прежде было дешевенькое и пошлое чувство: нельзя беспокоить Бога по пустякам. Неловко. Именно чувство неловкости. А теперь я чувствую, что я стала к Богу в такие точно отношения, как няня. Она с ним всегда разговаривала запросто, а иногда даже немножко ссорилась. Так вот лежу я и в отчаянии думаю, где и как достать сахару для Коли. Стук в дверь. Входит немецкий офицер. «Так просто». Конечно, он зашел не «просто», а в надежде найти молоденьких девочек, а налетел на двух доходяг. Засмущался. Увидев на буфете ёлочные игрушки, очень им обрадовался. Смущенно спросил, не продаются ли? Выбрал несколько штук и спросил, чего бы мы хотели. Так как у него в руках ничего не было, то я без всякой надежды сказала, что хотели бы мы получить немного сладкого. Он застеснялся и вытащил из кармана бумажный мешок, в котором был сахар. Это было даже лучше, чем сахар. Это были сдобные крошки от сухарей, обсыпанных сахаром. И его было не меньше, чем полфунта. Целое состояние. У меня дух захватило от радости. А он все стоял и разговаривал, когда я страстно хотела, чтобы он ушел и дать сахар Коле.

Наконец он ушел, и я всыпала в Николая сразу же больше четверти пакета. У нас теперь настоящая беда с Колей. Вечные скандалы из-за каждого кусочка пищи. Невозможно его заставить съесть хоть капельку больше, чем все. А делить мы научились все поровну и до того наловчились, что маковое зернышко разделим на три части без ошибки. Вот и с этим несчастным сахаром: уговорила только тем, что мы будем по очереди питать друг друга. Сейчас его очередь, а когда он поправится, начнем меня.

23.12.41

Умер Александр Нилович Карцев. Умер, имея несколько фунтов гречневой крупы и муки. Умер от голода, имея, по нашим понятия, очень много золота. Это еще один вид самоубийц. Люди боятся будущего голода и потому голодают до смерти сейчас и умирают на продуктах. «На продуктах» буквально, потому что все самое ценное люди держат у себя в карманах или под постелью и под подушками. У М.Ф. тоже начинается эта психопатология. Она все боится будущего. А настоящее таково, что никакого будущего может и не быть. Ходить становится все тяжелее. Сделать шаг или поднять руку так же трудно теперь, как было раньше трудно поднять пуд. Работать в дезинфекционной камере невозможно тяжело. Но как-то делаешь усилие и втягиваешься. Очень боюсь за Колю. Он как мужчина гораздо менее выносливый. А тут еще полное умственное безделие, к которому он не привык. Правда сказать, это очень большая нагрузка, находить для него какую-либо работу кроме кручения круп на кофейной мельнице. Когда он имеет какую-нибудь интересную работу или занят какими-либо интересующими его проблемами, тогда он способен почти на невозможное. Но так как он очень активен, то просто созерцание его не устраивает. Он должен всегда что-то делать. А что же он может делать сейчас? Заниматься историей бани с точки зрения Заратустры? Сейчас главным возбудителем жизненных сил у него является надежда пересидеть фронт и начать настоящую работу или в Новой России, или против большевиков, если они к тому времени еще не погибнут. Если бы не эта надежда, он давно бы умер.

Сейчас я его уговариваю начать писать книгу о настоящей природе большевиков. У него очень много интересных мыслей на этот счет. Он согласился. Но так как условий-то для такой работы нет, то он очень сердится. А какая уж тут умственная работа! Днем работа по хозяйству (молоть крупу), а вечером нет света. Нет бумаги, нет чернил, нет стола даже. Но он старается все же все это преодолеть, и это его сильно отвлекает и занимает психику. А я еще стараюсь мешать ему, чтобы он думал, что виновата во всем я, а не проклятые «объективные» условия. Дотерпеть бы только до весны. Я пишу на всяких немыслимых клочках и держу свою работу на коленях. Пишу при свете печки. А он так не умеет.

Меня тоже очень сильно спасает мой этот дневник. Каждый факт и каждое событие рассматриваешь с точки зрения, стоит ли его записать, или нет. Потом спасает меня также и то, что я никак не умею ничего не делать. И всегда найду себе что-нибудь. Вот, к

сожалению, кончается моя шерсть. А то я все-таки довольно много заработала еды вязанием для немцев носков и варежек. Некоторые прохвосты просто отбирали то, что я связала за три дня при свете печки. А некоторые платили, чем могли. Этим моим вязанием я приобрела несколько друзей среди фронтовых солдат. Они, приходя в город из окопов, забегают к нам и иногда приносят аккуратно нарезанные крошечные кусочки хлеба. А им самим сейчас очень и очень туго.

Писатель Беляев, что писал научно-фантастические романы вроде «Человек-Амфибия», замерз от голода у себя в комнате. «Замерз от голода» — абсолютно точное выражение. Люди так ослабевают от голода, что не в состоянии подняться и принести дров. Его нашли уже совершенно закоченевшим. Между прочим, большая ошибка во время голода поддаваться желанию лежать. Верная гибель. Профессор Чернов умирает от психического голода. Это тоже совершенно точный диагноз. Человек физически не голодает, но так боится начать голодать, что умирает. Чернов имеет до сих пор немороженную картошку и жир в достаточном количестве. Ив.-Разумники подпитываются немного у спекулянта Хартикайнена. Те живут прекрасно и часто их приглашают. Слава Богу!

Несмотря на все наши усилия преодолевать и выкручиваться, у Коли опять начали блестеть глаза от голода. И он начал что-то очень сильно задумываться. Нужны какие-то героические меры. Я предложила ему прочесть нам курс лекций по истории. Уговорила его тем, что он таким образом приготовит курс лекций для будущего. Слушатели: М.Ф., Витя из Александровки и я. Витя фактически у нас живет и питается. Чудесный мальчик, жадно тянется ко всему новому и неизвестному. А для него все ново и неизвестно. Какой благоприятный материал ждет нас в будущем в лице таких вот Витей. И их миллионы. Только бы мы дожили до встречи с ними.

24.12.41

Давыдов пригласил нас сегодня к себе на ёлку. Морозы стоят невыносимые. Люди умирают от голода в постелях уже сотнями в день. В Царском Селе оставалось к приходу немцев, примерно, тысяч 25. Тысяч пять-шесть рассосалось в тыл и по ближайшим деревням, тысячи две — две с половиной выбито снарядами, а по последней переписи Управы, которая проводилась на днях, осталось восемь с чем-то тысяч. Всё остальное вымерло. Уже совершенно не поражает, когда слышишь, что тот или другой из

наших знакомых умер. Все попрятались по своим норам и никто никого не навещает без самого нужнейшего дела. А дело всегда одно и то же — достать какой-нибудь еды.

Бесконечно назначаются и отменяются общие эвакуации. Паспорта опять превратились в угрозу. Вечные регистрации и перерегистрации. На них стоит бесчисленное количество штампов, и то их грозят отобрать, то поставить какой-то новый и неподходящий штамп. Население опять начало бояться паспортов, как было при недоброй памяти советской власти. Появляются разные вербовщики рабочей силы, то в Эстонию, то в Латвию. Народ рвется туда, но берут по каким-то никому неизвестным признакам… Мы тоже ходили пробовать. Ничего, конечно, не вышло. Нужны работники в сельское хозяйство. Вербовщики производят впечатление продавцов рабов в прежние времена. Годен ты для покупки или нет. Говорят, что кроме взяток, какие они берут с несчастных людей, чтобы их завербовать, они получают еще прибыль с головы. Бывает много трагического. Взяли молодую девушку, а мать не берут. Девушка хочет отказаться ехать, но комендант грозит ей какими-то немыслимыми карами, и девушка едет, а мать остается. Комендантуры тоже имеют свой процент с головы. Управа, конечно, никакой помощи не оказывает, да и едва ли может что сделать, если бы и хотела. Прибегал Ваня-Дураня, один из моих фронтовых друзей. Принес нам по капельке всяческих благ, «потому что Рождество, и все люди должны радоваться», которые он оторвал от себя и принес нам, знал, как мы радуемся не так его крохам, а тому, что в этом мире всяческого кровавого ужаса есть еще такие, как он. Ведь принес же нам, ни на что ему не нужным, а не каким-нибудь молоденьким кралечкам. Дай же Бог и дальше оставаться тебе таким же глупым, как ты есть, и не дурнеть ни под каким видом.

25.12.41

Были вчера на ёлке у Давыдова. Сказочное изобилие. Хлебных лепешечек сколько угодно. Тех самых, которых не хватает для умирающего от голода населения. Как раз вчера я пережила момент, близкий к исступлению. Стоят люди в очереди на холоду и ждут возможности купить лепешечки. А купить их можно, только пройдя через комнату, в которой обитает управское начальство. И вот доктор Коровин, развязно, на всю столовую, кричит в кухню: «Прекратите уже этот балаган, нечего им здесь шляться!». И продажу лепешечек прекратили. И никто,

ни один человек из этой умирающей от голода толпы не посмел заявить протеста. Не посмела и я. Могут лишить талончика на обед. Сказать по правде, вид этих лепешечек на столе у Давыдова испортил мне всё настроение. Были еще котлеты из конины в совершенно невероятном количестве. Водка, чай с сахаром и прочее в том же роде. Я почти ничего не могла есть. Вот противно стало — и всё. Коля, слава Богу, ел в свое удовольствие, и я радовалась. Водки выпила, не утерпела. Утешение было только в ёлочке. Такая она была мирная и прекрасная со своими свечечками, и так не хотелось ни о чем помнить, кроме нее.

В гостях был городской голова со своей женой. Он — доцент Молочного института. Жена его очень милая. Было еще какое-то начальство. Они знают всех немцев, стоящих в городе, имеют с ними связи и этой связью пользуются. А населению они, конечно, не помогают нисколько. Хорошо, что хоть сами не грабят этого населения. То есть, конечно, подворовывают, но умеренно. Мы живем совершенно отрезанными от всего этого мира. Знаем только то население, которое обворовывают, а не то, которое обворовывает. Шли домой по пустому городу. Нас провожал Давыдов, имеющий пропуск для хождения ночью. В первый раз за всю зиму мы увидели звезды и ночное небо. С наступлением темноты все должны сидеть по домам и окна должны быть завешены, все равно, есть в комнате свет или нет.

Сегодня мы никуда не выходили, но зато было много визитеров. Немцев в такие дни тянет к семье, к уюту. Вот наши фронтовики и приходили к нам, празднично выбритые, начищенные. Приходят, показывают фотографии своих семей, вздыхают и покорно идут обратно в окопы. Был и неприятный визит. Русский. Упоенный своим вчерашним пребыванием на офицерской ёлке, тактично рассказывал нам, голодным, что он ел и пил на этой ёлке. Как милостивы к нему были немецкие офицеры. Еле сдержалась, чтобы его не выгнать. Все-таки, кое-какие кислые слова ему достались. Какая шпана! Говоря о немцах, он говорит «мы», а ведь этот прохвост при первом же признаке немецкой слабости продаст их даже не за пачку папирос, а за солдатский окурок. Нет, как бы мы ни ненавидели большевиков и как бы мы ни ждали немцев, мы никогда не скажем про себя и про них «мы». Сегодня — роскошное рождественское пиршество: на первое суп из СД-шных корочек с капелькой маргарина, что принес Ваня-Дураня. На второе — лепешки из картофельной шелухи, в которых было не меньше трети муки. Потом чай и по три солдатских коричневых лепешечки. Постановлено единогласно, что мои печенья из желудей были вкуснее. Эти тоже, по-видимому, из желудей и на

сахарине. Это рождественские подарки для солдат, которые им прислал богатый Третий Райх. Чудно!

26.12.41

Профессор Чернов умер. Говорят, что жена отнеслась к этому безразлично. Инстинкт самосохранения в этой семье превалирует над остальными. Неужели и мы дойдем когда-нибудь до того же? Не думаю. Наш городской юрист тоже заболел психическим голодом. А они питаются гораздо лучше нас. Лежит в больнице. Выкарабкается, потому что жена его спасает. Она именно из таких. Как много полезного могли бы найти для себя психологи и философы, если бы понаблюдали людей в нашем положении! А психику беречь становится все труднее. Например, я на днях поймала себя на том, что не хотела пустить к себе в комнату свою глухую дворничиху Надточий, потому что на столе стоял густой хлебный суп. Она услыхала его запах, и я видела, как у нее перевернулось все лицо и она стала глотать слюну. У нее сын 12 лет, которому она отдает все свои крохи. А я испугалась, что мне придется дать ей несколько ложек супа. В наказание себе я ей дала полную тарелку. Нужно было видеть, как она его ела. Ела и плакала. Я знала, почему она плачет. Потому что она ест, а сын не ест. И как много сейчас таких жен и матерей. Чтобы ее несколько утешить, я дала ей корочку хлеба для сына. Она ничего не сказала, но мы поняли друг друга. Очень хорошо, что никого из наших не было дома. Они не пережили бы этого подлого раздвоения: дать надо и смертельно жалко дать. Ведь наши желудки беспрерывно просят еды, всегда это подлое сосущее чувство и каждая корочка — это буквально часы и минуты нашей жизни. Но у меня все-таки живет какая-то непоколебимая уверенность, что мы выдержим. Только бы спасти Колину психику. Чтобы он не превратился ни в Чернова, ни в других, которые ничего уже, кроме голода, не чувствуют и не ощущают. Коля только что закончил лекцию о временах Ивана Грозного. Думаю, что так он больше никогда не прочтет. Ведь он в первый раз высказал вслух всё, о чем он мог до сих пор только молча думать и что не надеялся никогда никому передать. Я слушала с восторгом. Витя как раскрыл рот почти в самом начале, так его и не закрывал. Даже М.Ф. не всё время спала. У меня двоякое впечатление. С одной стороны, наслаждение и упоение от свободного слова, а с другой — горечь и обида. Почему такой лектор должен был, как преступление, всю жизнь прятать свой талант и стараться быть как можно более серым и незаметным? А

ведь только то, что он старался быть именно серым и незаметным, только это и спасло нас от тюрьмы и лагерей.

27.12.41

Как медленно идут дни! И все они такие безнадежные и безрадостные. Люди перестали любить и ненавидеть. Перестали о чем-либо говорить и думать, кроме пищи. Почти всех нас мучают теперь сны. Всё время снится еда. Всякая. И никак эту еду не достанешь. Вот только было положил кусок в рот, как тебе что-то помешало. По улицам ездят подводы и собирают по домам мертвецов. Их складывают в противовоздушные щели. Говорят, что вся дорога до Гатчины с обеих сторон уложена трупами. Эти несчастные собрали свое последнее барахлишко и пошли менять на еду. По дороге кто из них присел отдохнуть, тот уже не встал. Любопытен теперешний фольклор. Он тоже относится к еде. Ходит масса легенд о всяческих съедобных чудесах. То немецкий генерал нашел умирающую от голода русскую семью и приказал ей выдавать каждый день по ПЯТИ хлебов НА ЧЕЛОВЕКА и по пяти кило картошки. Фантазия не идет дальше хлеба и картошки, то есть того, чего больше всего не хватает. Не мечтают ни о золоте, ни о чем другом. И таких легенд ходит невероятное количество. М.Ф. их охотно собирает и приносит домой, как достоверные истины, и очень сердится когда мы не верим. Теперь мы верим. Пусть человек утешается.

А вот и не легенда. Обезумевшие от голода старики из дома инвалидов написали официальную просьбу на имя командующего военными силами нашего участка и какими-то путями эту просьбу переслали ему. А в ней значилось: «Просим разрешения употреблять в пищу тела умерших в нашем доме стариков». Комендант просто ума лишился. Этих стариков и старух немедленно эвакуировали в тыл. Один из переводчиков, эмигрант, проживший все время эмиграции в Берлине, разъяснил нам (и не очень, чтобы по секрету), что эта эвакуация закончится общей могилой в Гатчине, что немцы своих стариков и безнадежно больных «эвакуируют» таким же образом. **Думаю, что это выдумка. А впрочем, от фашистов, да кажется и от всего человечества можно ожидать чего угодно.** Большевики все-таки не истребляют народ таким автоматическим образом. Не могу сейчас найти правильной формулы, но чувствую, что у большевиков это не так. Но хрен редьки не слаще.

31.12.41

Мы тоже будем встречать Новый год сегодня. Имеем даже по полрюмки вишневой наливки, которую я нашла случайно в буфете. Я ничего не сказала своим о ней и решила сделать новогодний сюрприз. На ужин будет болтушка (густая) с маргарином, по мучной лепешечке, по три дропса, по три вишни из наливки. Вишен было десять, но я одну украла и съела. Дворничиха Надточий принесла нам уже совсем вечером при запретном часе, буквально рискуя жизнью, две вареные красные свеклы и по четыре с половиной картошки. Одна картофелина такая маленькая, что сойдет за половинку. Будет чудное пиршество. К сведению на будущее: картошка в шелухе гораздо вкуснее, чем без шелухи, а чай с красной свеклой почти так же хорош, как с вареньем, и в миллион раз лучше, чем с сахарином. Мы очень многого недооценивали и просто не знали в прошлой жизни. Массу денег тратили на ненужную еду. Если выживем, будем питаться только густой кашей из ржаной муки. Когда она густая и хорошо проваренная, то ничто не может сравниться с ней по прелести. Это даже и при большевиках можно получить в любом количестве. Картошку есть только вареную и с шелухой. Чай пить с красной свеклой. Если ко все му этому прибавить немного жиру, мыла и табаку, то цивилизованному человечеству ничего больше не нужно для полного счастия. Прочла эти строчки Коле, и он жалостно прошептал: «Ах, Лида, еще бы немножко молока». Молоко я ему великодушно разрешила. Бедное мое чучелко! Какое оно стало жалостное и несчастное. Только об этом нельзя думать.

ЯНВАРЬ 1942

01.01.42

Что-то он нам принесет, этот самый 42-й? По поводу столь необычного и радостного события всю ночь была стрельба. Но без артиллерии. По-видимому, и те и другие только забавлялись. В городе одна забава кончилась трагически. Немцы были у своих кралечек. Офицеры. Напились и начали издеваться над девушками. Те защищались и во время драки упал светильник и дом загорелся. Девушки бросились бежать, а офицеры стали за ними охотиться, как за кроликами. Трех убили, а одну ранили. Убили, чтобы девушки не рассказали обо всем происшедшем. Раненую на утро подобрали и отвезли в госпиталь. Начало года будто не предвещает ничего хорошего.

02.01.42

Опять началась работа в бане. Господи, когда же кончатся эти ужасы. Немец-конвоир хотел избить палкой умирающего военнопленного. Банщицы накинулись на конвоира и чуть его самого не убили. И это — голодные, запуганные женщины. Я была внизу в своей камере и, слава Богу, ничего этого не видела.

04.01.42

Комендант хотел было отправить раненую на Новый год девушку «в тыл». У нас теперь очень боятся этого слова. У некоторых врачей нашлось мужество не позволить этого. Пригрозили, что донесут высшему командованию о причинах ранения. А немцы боятся публичности и все гадости стараются делать под шумок. Пока удалось отстоять. А там, может быть, комендант переменится. Они меняются по нескольку на месяц. Конечно, это война, фронт и прочее, но от потомков Шиллера и Гёте ожидалось бы что-то другое. Между прочим, есть вещи, творимые этими самыми европейцами, которых русское население им никак не прощает и особенно мужики. Например: немцам ничего не стоит во время еды, сидя за столом, [испортить] напортить воздух. Об этом нам рассказывал со страшным возмущением один крестьянин. Он просто слов не

находил, чтобы выразить свое презрение и негодование. И это естественно. Русский мужик привык к тому, что еда — акт почти ритуальный. За столом должно быть полное благообразие. В старых крестьянских семьях даже смеяться за едой считается грехом. А тут такое безобразное поведение. И еще то, что немцы не стесняются отправлять свои естественные надобности при женщинах. Как ни изуродованы русские люди советской властью, они пронесли сквозь всё страстную тягу к благообразию. И то, что немцы так гнусно ведут себя, причиняет русскому народу еще одну жестокую травму. Он не может поверить, что народ-безобразник может быть народом-освободителем. У нас привыкли думать, что если большевики кого-то ругают, то тут-то и есть источник всяческого добра и правды. А выходит что-то не то. Эта самая Европа поворачивается к нам не тем боком. Среди военнопленных уже ходит частушка: «Распрекрасная Европа, Морды нету, одна …»

05.01.42

Поселили к нам во двор какого-то инженера с немецкой фамилией, которую я никак не могу упомнить. Семья у него — жена и мать. Повадились эти дамы таскать из запертого чулана наши книги и ноты, а также дрова и уголь из нашего сарая. Поругались. Тогда он донес на нас, что мы спекулируем золотом. А дело было так. У М.Ф. имелось две лепешечки для зубных коронок. Одна в полпятерки, а другая в полдесятки. Эти золотые кружочки продавались в пробирной палате. Мы спросили у жены этого инженера, не знают ли они немцев, охотников за золотом. И вот как-то после запретного часа вечером приходит он к нам с громадным немцем. Спрашивает, торгуем ли мы золотом. Мы обрадовались, потому что наше пропитание кончилось.

— Покажите, что у вас есть. — М.Ф. несет ему эти кружочки.

— А еще что? — Я показываю ему мою камею. В ней золота — только ободочек. Не заинтересовался.

— А еще?

— Больше нет ничего. — Пожал плечами и как-то странно посмотрел на инженера.

— Что вы хотите? — А мы не знаем. Мы никогда этим делом не занимались. Хлеба, сладкого и табаку. А сколько — мы не знаем.

Взял он наши кружочки к себе в кошелек, попрощался, и они ушли. Мы только вздохнули. Даже не знаем его чина, так как он был без погон. Вот тебе и продали! А так надеялись к Рождеству

что-нибудь получить.

07.01.42

Вчера у нас ночевали Ивановы-Разумники. Мы не спали всю ночь и просидели у прелестной ёлочки. И даже со свечками, которые доставали общими усилиями. Взяли из столовой наши четыре обеда — суп с капустными зелеными листьями. Гадость преестественная. Испекли из остатков поваровой муки по лепешке, величиной с чайное блюдечко. У М.Ф. нашелся мак, и мы посыпали маком, как и полагается в сочельник. Был чай с сахаром, по капельке маргарина. Суп ели с хлебом, и было ощущение почти сытости. Под ложечкой почти не сосало. Разумник Васильевич и Коля были на высоте. Рассказы, стихи, шутки. Пели колядки. На несколько часов удалось эабыть окружающее. Забыть голод, нищету и безнадежность. Разумник Васильевич пригласил нас на будущий пир. У него в Ленинграде хранится бутылка коньяку, подаренная ему при крещении его крестным отцом. Когда ее дарили, ей было уже пятьдесят лет. Теперь Разумнику Васильевичу 63 года. В этом году бутылке 113 лет. Мы приглашены ее распить, когда кончится война и большевики. Более достойного дня для такой выпивки он не может себе представить. Мы поклялись все собраться в Ленинграде, или как он там будет называться, в первое же Рождество после падения большевиков и выпить этот коньяк. Только что мы все торжественно принесли клятву, как какой-то шальной снаряд пробил дырку в стене нашей квартиры со стороны улицы. Некое «мементо мори». Вылетели все стекла. Мы заткнули окна тряпками и матрацами и сделали вид, что ничего не случилось. Сегодня нельзя замечать войну, и никто из нас вслух не вспоминал близких. Нельзя. Но я уверена, что каждый вспомнил и немного поплакал в душе.

09.01.42

Опять приходил немец, который «купил» у нас золотые лепешки. Мы его окрестили «крошка», так как ничего более громадного на двух ногах мы не видели. Пришел, как ни в чем не бывало, и вытряхнул из портфеля один хлеб, пачку табаку, две горсти конфет и полпачки маргарину. Спрашивает: довольно? Может и довольно, говорим мы, мы не знаем. А вы, говорит, подумайте. Да и думать нечего. А сами молим Бога, скорей бы

ушел, чтобы начать хлеб есть. Столовая закрыта на праздники, и мы сегодня ничего не ели. Сидит, подлый, и культурные разговоры разговаривает. Наконец, вымелся. Хлеб с маргарином съели в тот же день, только по маленькому кусочку на завтра оставили. И какие эти хлебцы маленькие! Теперь я понимаю древних, которые говорили: счастье внутри нас. Как положишь в живот побольше и повкуснее, так и счастлив. Только это и есть подлинное и реальное счастье. Все прочее — выдумки.

10.01.42

Баню поставили в ремонт. Кончились наши страдания хоть на время. А главное, кончились страдания пленных, которых возили больных и умирающих в баню и на фиктивную дезинфекцию. А обратно отвозили по морозу в мокром обмундировании. А дезинфекция была абсолютно фиктивная, потому что все продезинфецированное белье и обмундирование сваливается на тот же пол, на котором пленные раздевались и на который напустили бесконечное множество вшей. Сколько я ни говорила об этом Бедновой, ничего, кроме грубостей, от нее не получила. Пробовала один раз сказать доктору Коровину, нашему санитарному врачу, но, конечно, кроме неприятностей из этого ничего не вышло. Да и камера моя очень слабая и дезинфецировать нужно не менее двух часов, а не 40 минут, как теперь приказано. Об этом тоже докладывалось и тоже без толку.

14.01.42

Сегодня прислали за нами в Управу и там объявили, что баня будет с завтрашнего дня обслуживать немцев. Поэтому она должна быть идеально чистой, и мы должны обслуживать немецких солдат, как банщицы, если они этого потребуют. Потом оказалось наоборот — мы не должны даже в предбанник входить. И ни в коем случае не обслуживать их, как банщицы, если даже этого будут требовать. Дезинфекцию производить не меньше двух часов. Пропади они пропадом, эти самые немцы! Очень противно. Беднова в восторге. «Избавимся, наконец, от этих вшивых оборванцев». **Дрянь этакая**. Я не утерпела и поругалась с ней. А М.Ф. устроила мне сцену. «Выгонят с работы и лишат пайка».

15.01.42

Баню вылизали. Особенно старалась Беднова. Тошнит.

16.01.42

Большое удовлетворение: баня будет обслуживать опять военнопленных и русское городское население. Население, конечно, наберется вшей и переболеет тифом. Как мы не позаболевали все, непонятно. Мы приносим домой невероятное количество, хотя и переодеваемся в бане. Дома опять переодеваемся. И всё же это плохо помогает.

17.01.42

Сегодня я была прямо счастлива. Приезжал комендант лагеря военнопленных и орал на Беднову, что мы плохо дезинфецируем, вшей не убиваем и в лагере развели тиф. Она с восторгом указала на меня, как на виновницу всего. Тогда он стал орать на меня. Я сказала переводчику, что если господин комендант будет кричать, от этого вши не погибнут, но я с ним разговаривать не буду. А он, кажется, в чине майора. Я и русских-то чинов никогда не умела разбирать, а немецких и подавно не знаю. Но что-то очень крупное. Дальше я сказала переводчику, что у меня много что сказать по этому поводу. Беднова немедленно скисла и стала что-то лепетать. Он цыкнул на нее и приказал говорить мне. Я оказала, что мы, дезинфектора, неоднократно указывали конвоирам и на маломощность камеры, и на отсутствие столов и лавок для дезинфецирования белья и т.д. Самое же главное то, что господин комендант сам способствует распространению тифа тем, что присылает больных тифом в баню вместе со здоровыми. И было несколько случаев, когда больные умирали у нас в бане. Не думаю, чтобы господину коменданту это не было известно. У Бедновой глаза на лоб полезли и она начала лепетать что-то по-немецки. А язык она знает гораздо хуже моего. Офицер на нее зарычал. Комендант меня поблагодарил и отбыл…

Беднова стала немедленно со мной заигрывать, но я ее отчитала и ушла к себе в подвал. Чем-то все это кончится. Пока комендантом лагеря будет этот офицер, я буду иметь свой паёк в бане, а как только он сменится, меня Беднова и Управа слопают. Чорт с ними, нет уже никакого терпения. Всюду у немцев пролезает самая [паскудная сволочь] дрянь и старается через этих дураков свести свои счеты с народом. Лизали пятки большевикам, а теперь мстят за это ни в чем неповинным людям. Пропади они

все пропадом! Только бы дождаться конца войны, а тогда уж мы не дадим им и на пушечный выстрел подойти к власти. Да они и не смогут. Они только и умеют, что лизать чужие сапоги. Всё равно — советские, немецкие или готтентотские.

19.01.42

История в бане продолжается. Вчера приходил городской голова со свитой из врачей и очень недовольно меня расспрашивал обо всех моих «доносах» коменданту. Врачи тоже были в претензии на меня. Повидимому, им все-таки влетело. Я пришла в ярость и сообщила им всё, что я думаю о них и об их отношении к военнопленным. Тут было всем сестрам по серьгам. И про торговлю местами в бане, и что им, как русским людям, все-таки должно было бы быть интересно, как другие русские, больные и голодные, обслуживаются в их учреждениях. Врачей совершенно не интересует, что делается с военнопленными. Они ездят в лагерь только за тем, чтобы есть там бутерброды, которые делаются из продуктов, украденных у тех же военнопленных. Никто из них не заметил ни того, что дезинфицированное сваливается опять на вшивый пол, ни того, что пленные умирают в бане от тифа. Они только перед немцами танцуют. А я так не буду и не умею. И на рожон переть буду. Пусть меня немцы расстреливают. И устроила истерику. Настоящую! Первую в моей жизни. Все они ушли, ничего мне не сказав, а Беднова так даже принесла мне валерьянки. Но я ее послала очень далеко с ее валерьянкой. Это было тоже в первый раз в моей жизни. И мне не стыдно.

А дома мне пришлось так же далеко послать и М.Ф., которая в бане хранила молчание, а дома устроила мне скандал, что я не имею права подвергать нас всех опасности лишиться работы, а значит и пайка. Не имею права! Коля решительно ее осадил и стал на мою сторону. Если бы он только проявил хоть намек на страх лишиться пайка, я вероятно покончила бы с собой. Есть какой-то предел выносливости на всякую подлость.

20.01.42 г.

Комендант лагеря начал нам присылать теперь не по одному, а по два хлеба. Мы их делили между всеми служащими. И с этим хлебом было очень много подлости. Но писать об этом не хочется. Такие времена, как мы сейчас переживаем, являются лакмусовой

бумажкой для пробы людей. Выдержит ЧЕЛОВЕК — настоящий, превратится в животное — не стоящий. Только одно меня теперь и утешает — мое чучелко. Он всегда со мной одного мнения. Не грызет меня за бурный темперамент и за постоянное сражение с мельницами. Я сейчас только двух человек в мире и уважаю: из покойников Дон-Кихота, из живых — Николая.

23.01.42

Опять приходил «Крошка». Принес табаку, хлеба, маргарину, конфет. Чего-то повертелся, поговорил, попросил показать ему наши остальные комнаты, внимательно осмотрел наше книгохранилище, поковырялся в барахле, которое валяется в пустой и холодной, как ад, комнате, в ожидании теплых дней и разборки. Что-то помычал. Собрался уходить и вдруг достает из кошелька наше золотишко и отдает его нам. Причем бормочет что-то непонятное на тему, что ему этого мало, что надо больше. Я в отчаянии говорю ему, чтобы он забирал всё, что принес, а что вернуть того, что мы съели, мы не можем. Но он как-то странно поболтал руками, что-то невнятное пробормотал и ушел. Что это было за выступление, понять невозможно.

25.01.42

Татьянин день! Где-то теперь Ната? Если они не уехали из Ленинграда, то, судя по слухам, им там никак не выдержать. Там еще хуже, чем у нас. Судя по тому, как их бомбят и обстреливают и плюс еще осада. У нас тут прямо рай. Когда же это кончится? Мое бедное чучелко ходит ко мне в баню каждый день, чтобы меня проводить домой. Мы боимся расстаться хоть на минуту. Тем более, что большевики придумали для нас новое развлечение: обстрел по часам. Если первый интервал между снарядами был в четверть часа, то и весь день стреляют через четверть часа, если полчаса — стреляют через полчаса. И т. д. По силе выматывания нервов у населения — это самая действительная вещь. И стрельба очень интенсивная. Бьют по городу куда попало. И вот, как только начинается эта чертова мельница, так и души нет. Всё думаешь: м. б., этим залпом его прикончили, и он лежит где- нибудь на улице. И я могу и не узнать никогда, что с ним случилось. Бросят в яму и всё. И хочется просто завыть, как бездомному псу. Так же и у него. Вот он и ходит ко мне ежедневно, стараясь проскочить в промежутке

между залпами. И весь город так живет. В награду он получает здесь кусочек хлебца от нашего комендантского завтрака. Так приятно делить свой кусочек и знать, что хоть что- то ему достанется. Сегодня же особенно хочется быть вместе. Этот день мы всегда проводили у Наты. Какой это был чудесный день! Сбрасывали гнет теперешней жизни и снимались вечные защитные маски с лиц и душ. Мы были сами собой. Веселились от души. И какое это было изящное веселье. Какие стихи, экспромты, шутки! Лучше не вспоминать. И как подумаешь, что эта тонкая, прелестная семья переживает все муки голода и всю эту унизительную волынку осады и нищеты и ужасов войны…

27.01.42

Пришли немцы и «попросили» у нас пианино «до конца войны». Отдадут, когда война кончится. Видали нахалов! Странно слышать, что вот здесь, около нас, на фронте есть еще и другая жизнь. Клуб, танцы, концерты. Дико и фантастично.

28.01.42

Мне сегодня повезло. Получила проценты с культурности. Немецкие кралечки продают из солдатских кухонь картофельную шелуху. За ведро шелухи требуют новое шерстяное платье или новые туфли и т. д. А я купила ведро шелухи, да еще и около двух десятков картошек там было, за 20 конвертов. Лепешки из шелухи, если к ней еще прибавить немного картошки или муки и хорошенько подрумянить на плите, — чудо что такое! Замечательно, что мы совершенно не болеем от попорченной пищи. Вот только от турнепсов у меня бывает воспаление слезных желез. Как поем, так и хожу с физиономией величиной с арбуз. Но это, примерно, через неделю проходит. Турнепс тоже вкусно, но его почти невозможно достать. Все резервировано немцами для тех четырех коров, которые имеются в городе. Предполагается, что молоко от этих коров идет в детский дом. На самом же деле его пьют немцы. А интересно, каков вкус настоящего коровьего молока? У М.Ф. начался «шоколадный» бред. Ей смертельно хочется шоколада. Время от времени теперь у всех начинаются вот такие «тематические» вкусовые бреды. Одна женщина буквально выла от того, что ей хотелось соленого огурца. У нас с Колей пока еще не тематические и не вкусовые бреды, а просто голодные. Сознание направлено только на та,

чтобы что-нибудь положить в желудок. И когда это удается, наступает полное счастье. Вот когда наступила переоценка ценностей. Между прочим, совершенно нет случаев самоубийства. Кажется, обстановка самая подходящая. Боюсь, что мы недолго вынесем. Всё больше и больше начинаем мы уделять внимания нашим голодным бредам и страданиям. И мои записи становятся всё длиннее. Я могу здесь сколько угодно рассуждать всё о той же проблеме — питательной. И так, повидимому, все. Даже Иванов-Разумник стал менее интересен. Только Коля не сдается. Чем дальше, тем у него всё больше появляется интересных мыслей и теорий.

31.01.42

Событий никаких, если не считать того, что число умирающих возрастает с каждым днем. Но мы все к этому привыкли, и это не считается событием. Попробую обрисовать наше существование с птичьего полета. На кровати лежит распухший мужчина. Если поднимет колени, то за животом не увидит. Лицо всё заросло. Глаза неестественно блестят. На диване, напротив, лежит такая же распухшая женщина. Только без бороды. Говорят очень слабыми голосами. Всегда на одну и ту же тему: какова будет жизнь, когда немцы победят, война кончится и большевиков разгонят. Имеется уже совершенно разработанный план устройства государства, программы народного образования, землеустройства и социальной помощи. Вообще предусмотрены все случаи жизни.

Горит коптилка в лучшем случае. Чаще освещаются печкой. За стенами — разрушенный город. Свистят снаряды. Некоторые падают во дворе. Иногда вылетают все стекла, и тогда приходится вставать и затыкать окна тряпками и картонками. Если нужно встать и пойти в темную и холодную кухню «по нужде», человек терпит елико возможно, потому что встать — это большой и тяжелый труд. И над всем этим [превалирует] — беспрерывное, сверлящее чувство голода. Того голода, который разрывает внутренности и от которого можно начать выть и биться. И непрерывно мозг сверлит одна мысль: где и как достать еды? И вот как-то в один из таких вечеров я спросила всех наших: М.Ф., Витю, Колю: «А что, ребята, если бы сейчас пришел к нам какой-нибудь добрый волшебник и предложил бы нам перенестись в советский тыл. И там была бы довоенная жизнь, и белый хлеб, и молоко, и табак, и всё прочее. Или сказал бы, что мы до конца дней наших [будете] будем жить вот так, как сейчас. Что бы вы

выбрали». И все в один голос, еще я не успела докончить фразы, сказали: оставаться так, как сейчас. Ну, мы с Колей понятно. Мы всё предпочтем советской власти. А вот Витя, воспитанник этой самой власти. Я спросила у него — почему? Очень спутанно и сбивчиво он смог все-таки дать понять, что там, в прежней жизни, не было никаких надежд, а теперь он видит надежду на лучшее. А М.Ф., которой при советской власти уж не было совсем-то плохо жить? [уж совсем было неплохо жить] Она просто обругала меня, чтобы я не приставала с глупостями. «Всякому понятно, почему».

Может быть я выживу, и этот дневник уцелеет. И, вероятно, я сама буду читать эти строки с сомнением и недоверием. Но было всё именно так, как я сейчас записала. Мы предпочитаем все ужасы жизни на фронте без большевиков мирной жизни с ними. Может быть потому, что в глубине сознания мы верим в нашу звезду. Верим в будущее освобождение. И уж очень хочется дождаться времени, когда можно будет работать во весь дух. А работы будет очень много. И работники будут нужны. И еще поддерживает мстительное желание посмотреть на конец «самого свободного строя в мире». Испытать радость, при мысли о которой дух захватывает. Только страшно, что резать будут много и, как всегда, не тех, кого надо. Зарежут и нас, вероятно.

ФЕВРАЛЬ 1942

02.02.42

Работать в бане всё труднее. Уже просто не под силу закладывать котел. Теперь я часто в своей камере сижу и плачу от физического бессилия. А таскать наверх корзины с обмундированием! Что это за мука! Хотя бы весна скорее. Тогда хоть трава будет. Мы уже почти не говорим друг с другом. Тяжело. И страшно, что кто-нибудь из нас скажет: больше терпеть не могу. Если человек начинает думать, что он не может, — он в самом деле перестанет мочь. Его уже не спасти.

03.02.42

Сегодня я ходила в Управу и устроила интригу против Коли. Ему необходимо какое-то дело. Я договорилась с городским головой, что он достанет ему разрешение на посещение пустых домов и на розыск там книг. У нас в Царском Селе было много частных библиотек, оставшихся еще со времени революции. Теперь никому книги не нужны, и они пропадают. Говорят, что немцы собирают и вывозят книги в Германию. У нас пока этого нет. И может быть нам удастся спрятать и сохранить хотя бы часть самых ценных книг.

04.02.42

Сегодня Коля получил соответствующую бумажку. Страшно увлечен этим делом. Когда голова заговорил с комендантом о такой бумажке, тот сначала не поверил, что это в самом деле книги. Думая, что книги просто предлог для узаконения грабежа пустых квартир. Когда же его уверили, что это в самом деле книги, то он шепотом спросил: а он не опасный, этот ваш профессор? И на недоумение разъяснил: «Разве вы не понимаете, что он сумасшедший? Но, по-видимому, безобидный». Между прочим, немцы очень любят чины и звания. Они наградили Николая званием профессора к его великой ярости. И теперь он никак не может избавиться от этого чина. И как только кто-нибудь его так называет, он выходит из себя. Но не профессору немцы не давали бы писать работ по истории бани, а, значит, не

дали бы супа. Не профессор никогда бы не получил разрешения на сбор книг. Немцы, каких мы здесь видим, производят впечатление совершенно неинтеллигентных и во многих случаях диких. Наши военкомы, конечно, никогда не зачислили бы чудаковатого профессора в сумасшедшие только потому, что он не грабит квартир, а собирает книги для общего пользования. И обязательно помогли бы ему в этом деле, чем только могли. А для этих гетевско-кантовских душ — всё, что бескорыстно, — непонятно и пахнет клиникой для душевнобольных. Воспитание у фашистов и большевиков дается, по-видимому, одинаковое, но разница в народе. Наших воспитывали в большевистских принципах 20 лет — и всё же не могли у них вытравить подлинного уважения к настоящим культурным ценностям и их носителям. А там фашисты у власти какой-то десяток лет — и такие блестящие результаты. Вероятно, Коля прав, когда говорит, что вся Европа охотно примет коммунизм, и единственный народ, который с ним борется, — русский. Я всегда с ним спорила. Уж очень наш народ казался мне диким и некультурным. Теперь же мне всё яснее становится разница между культурой и цивилизацией. Немцы цивилизованы, но некультурны. Наши дики, не воспитаны и пр., но искра Духа Божия, конечно же в нашем народе гораздо ярче горит, чем у европейцев. **Конечно, и среди немцев есть ЛЮДИ, но все же ШПАНЫ больше.**

06.02.42

Коля страстно увлечен своим новым занятием. Надо видеть эту фигуру. Заросший, еле передвигающий ноги, с маленькими саночками и со стопочкой книг. Много-то он увезти не может. И бродит такой призрак культуры по Царскому Селу, по пустым, мертвым улицам, среди развалин, под обстрелами. Бродит и приятно улыбается, если удается найти что-нибудь ценное, и огорченно вздыхает, если нападет на следы хорошей, но погибшей библиотеки. Особенно он огорчен тем, что погибла библиотека Разумника Васильевича. Она находилась в его квартире, на территории нашего санатория. Сейчас этот район совершенно недоступен для гражданского населения. А там было собрано несколько тысяч томов и всё уникумы [интереснейшие раритеты]. Солдаты рвут и топчут и топят печки ими. А там была его переписка с такими поэтами, как Вячеслав Иванов, Белый, Блок, и прочими символистами и всеми акмеистами. Несколько раз умоляли немцев из этого дурацкого СД вывезти все эти сокровища. Всякий раз обещали и ничего не сделали. И теперь всё

это пропало. НИЧЕГО не осталось. Вот тебе и Гёте с Шиллером! И сколько ни вдалбливали в их телячьи головы, что эта библиотека, кроме своего культурного значения, имеет также и огромную материальную ценность и что хозяин отступается от своих прав на нее, только бы она не погибла, а была бы где-то в сохранности, — ничего не помогло! Вот если им сказать, что в таком-то месте имеется меховое пальто или еще что-нибудь в том же роде, найдутся и средства для перевоза, и храбрецы. В каком бы опасном месте это ни было. Нет, наши военкомы гораздо понятливее на такие вещи.

08.02.42

Очень мне сегодня печально. Проводили нашего Витю. Решил как-нибудь пробраться к себе в Торжок. Отправился с партией эвакуируемых. Что-то нет у нас теперь доверия к этим эвакуациям. Официально всё звучит чрезвычайно благородно, а вот слухи пробиваются даже и к нам, совершенно оторванным от мира, как будто эвакуируют в Германию на самые тяжелые работы. И что к русским там относятся, как к «унтерменшам». Здесь этого не чувствуется. Есть военная жестокость, есть превосходство завоевателей, но «унтерменшей» не замечаем. А слухи держатся весьма упорно. Если и половина того, что рассказывают, — правда, то приходит невольно мысль, что, может быть, русскому народу и в самом деле нет спасения за какие-то его особые грехи. Витя, уходя от нас, плакал. Говорил, что мы ему гораздо ближе, чем его родные отец и мать. Нужно было видеть его радость и заботу о тех маленьких подарках, которые мы ему сделали. Краски, книжка Диккенса, готовальня. Всё неоценимые сокровища для советского мальчика в 16 лет.

09.02.42

Всё упорнее идет шепоток, что союзники, американцы и англичане, оказывают громадную помощь большевикам, и что немцы скоро приостановят свое победоносное шествие по России. Мы здесь ничего толком не знаем. Немецким сообщениям начинаем так же мало верить, как и большевистским. Уж очень много общего у этих господ. По их сведениям, они всё продвигаются вперед. Но почему же здесь, у нас, они остановились и ни с места? Давно пора занять Ленинград. Говорят, что они решили не тратить сил на бои и хотят выморить

его дочиста.

11.02.42

Город вымирает. Улицы совершенно пусты. По утрам ходить по некоторым улицам просто невозможно. Возят по ним трупы. А по другим ходить запрещено по каким-то военным соображениям. И вот каждое утро получаешь этакую моральную зарядку — 3 или 4 подводы, груженные, как попало, совершенно голыми трупами. И это не какие-то отвлеченные трупы, а твои знакомые и соседи. И всякий раз спрашиваешь себя: не повезут ли завтра и меня таким же образом, или, еще хуже, Колю? Никогда до этого времени мы не были так близки друг к другу, как теперь. А пережить нам пришлось немало всякого меду. Сейчас же с необычайной остротой чувствуется наше полное одиночество в этом мире. Во всем этом ужасном и кровавом мире. Иногда кажется, что людей совсем нет, а только звериные рожи и жалкие, полураздавленные рабы. Где же знаменитое человечество? Или правы были наши студенты на Истфаке, когда перефразировали древнее: хомо хомини лупит-ест? Ну, хоть бы кого-нибудь из своих увидеть и отвести немножко душу. Где-то теперь Аня и Илья, и Ната, и Миша, и все, о ком ни говорить, ни думать теперь нельзя. Иванова-Разумника видим очень редко. И они, кажется, дошли уже до предела.

15.02.42

Нечего было записывать. Всё одно и то же и всё становится безнадежнее. Но мы не поддаемся этой безнадежности. Наша должна взять. А вот сегодня могу записать два радостных события. Во-первых, познакомились со священником, который провел 10 лет в концлагере. Был выпущен перед самой войной и уже во время нее пробрался в Царское к своей матушке. Бредит новой церковной жизнью. Роль прихода ставит на очень большую высоту. Вот таких-то нам и надо! Не сдающихся! Пережил же 10 лет концлагеря и всё же хочет работать на пользу народа. Если бы во главе прихода стал бы настоящий священник, то он смог бы сделать очень много. Не с немецкими кралечками, а с настоящей молодежью, которая рвется к церкви и к религиозной жизни. Это я знаю наверное из разговоров с военнопленными в бане. Люди умирают от голода, вшей, тифа, жестокого и подлого обращения с ними как немцев, так и тех русских, которые стоят у власти над

ними, — и всё же у них достаточно духовных сил для того, чтобы отдаваться мыслям о Боге и религии.

Второе событие: к нам пришел некий развязный молодой человек по имени Громан. Сын русского генерала Громана. Теперь немец. Служит в немецкой армии. Прекрасно говорит по-русски. Он от кого-то слыхал, что мы продаем ковер. Обещает привезти три пуда муки, хлеба, сахару, жиру, табаку и чего-то еще. Соврет или нет? Ковер хотел забрать сейчас же, но я не дала. Сказала, что сначала плата. А плата такая, что не верится. Хоть бы часть привез. Если этот трюк пройдет полностью, то мы должны молиться за нашего повара до скончания дней. Если бы не он, я бы не смогла пойти перебрать дрова и не нашла бы ковра.

22.02.42

Громан не ехал, и мы почти помешались, ожидая его. И то теряли надежду, то опять ее находили. Начинали серьезно опасаться за наши умственные способности. Наконец, первая партия муки, а главное хлеба приехала. Ковер взяли. А хлеб какой! Настоящий, ржаной, большой. Не солдатские кирпичики немецкого производства. И уж не наш пайковый, с опилками. Мы просто места не находим от счастья. А мука тоже — чистая, ржаная. Неужели же он и остальное привезет? Не верится.

В городе объявлена эвакуация фольксдойчей. Всех, кто хочет, записывают в фольксдойчи и отправляют. По-видимому, командование решило под этим предлогом разгрузить город. Ивановы, Петровы, Нечипуренки идут за фольксдойчей. У М.Ф. муж был из Вильно, и мы решили тоже попробовать выехать фольксдойчами. Ивановы-Разумники тоже решили выехать. Итти надо в СД к какому-то Пайхелю, о котором ходит слава, что это самый страшный из всех следователей СД. Просто зверь! Бьет всех допрашиваемых немилосердно. Но так как мы никакого преступления не совершили и совершать не собираемся, то мне и не страшно, и завтра потопаем с М.Ф.

23.02.42

Были в СД и ничего не вышло кроме весьма странного анекдота. Оказывается, страшный Пайхель — это наш «Крошка». У нас у обоих ноги отнялись, и языки прилипли, когда нас ввели в кабинет и указали страшного Пайхеля. Сидит наш «Крошка» и приятно нам улыбается. Я даже еще раз спросила: «Вы Пайхель?».

И он нас не пропустил. Весьма любезно, но категорически. Совершенно откровенно сделал вид, что смотрит какие-то приказы в каких-то папках, и сообщил нам, что мы не подходим. Я впала в такую ярость и отчаяние, что онемела и даже не поругалась с ним. Наговорила бы, конечно, много такого, чего совсем не полагается говорить «самому страшному следователю СД». А помочь, конечно, не помогло бы. М.Ф. говорит, что ничего она так не испугалась, как того, что я начну выяснять свои отношения с Пайхелем. Последняя надежда вырваться отсюда провалилась.

25.02.42

Уехали с фольксдойчами и Давыдовы. Единственный человек, который нами все-таки как-то помогал. Самое пикантное было, что когда жена Давыдова пришла к нам прощаться, то с нею был и «Крошка». Давыдов просил его о нас позаботиться. Я просила перевести, что все, что можно, герр Пайхель для нас уже сделал. Причем сказано это было весьма выразительно, и у него была очень смущенная рожа. И он что-то такое пробормотал, чего я не совсем поняла, а Давыдова мне не перевела. Во всей этой истории с «Крошкой» есть что-то неясное. Или он считает, что нас опасно выпускать за пределы фронта, и мы обречены здесь подохнуть или, вообще, я ничего не понимаю.

Иванова-Разумника вели на машину под руки. У него совсем плохо с желудком — голодный понос. Как он доедет! Везут их куда-то за 70 км в пересыльный лагерь. Разумники должны оттуда проехать в Литву, к его племяннику, у которого там имение. Если доедут, то какие они будут счастливые.

28.02.42

«Крошка» приходит к нам по-прежнему, как ни в чем не бывало. Где у этих людей совесть запрятана. Пережили еще одно горькое разочарование. Больше я никаким людям, ни европейским, ни русским не верю раз и навсегда. А вот трудно мне поверить, что «Крошка» играет какую-то предательскую роль по отношению к нам.

Разочарование такое [и какое]: о. Василий, на которого мы возлагали столько надежды насчет работы приходов, обновления религиозной жизни и пр., получил от немцев разрешение перебраться в Гатчину и ему был дан на этот случай грузовик.

Нагрузив грузовик до предела барахлом, он отбыл. Причем машина и пропуск ему были даны с тем условием, что уже обратно ни под каким видом и ни на один день не приедет. И вот он все-таки приехал обратно еще раз и просил еще одну машину, так как на первой он не мог довести всех своих вещей. Ему свирепо и категорически отказали и потребовали, чтобы он, ка угодно, хоть пешком, но немедленно же покинул город. И вот он приходил к нам жаловаться на немцев, какие они нехорошие. При этом пренаивно рассказывал, что вся дорога до Гатчины по обеим сторонам покрыта трупами. И что бесконечное количество еле бредущих людей готовит новые кадры трупов. И как тяжело и жалко на это смотреть. Я его спросила, почему он никого из них не подвез до Гатчины на своем грузовике? Хотя бы женщину с двумя детьми, о которых он так патетично рассказывал. Страшно удивился. Машина была почти перегружена, и с ним был немецкий фельдфебель. Когда я ему сказала, что фельдфебелю он мог приказать остановиться и взять людей и что после этого приказа фельдфебель стал бы его уважать гораздо больше, то он был потрясен дерзостью моей мысли и кисло заявил, что хорошо мне говорить так, когда это было не со мной и вещи не мои. Я забыла все должное уважение к священнику и заявила, что если бы это было с нами, то мы выбросили бы часть вещей или даже все, а забрали столько людей, сколько возможно. И что католический или протестантский священник непременно бы так поступил. А он что-то еще говорит о религиозных реформах. В общем, поговорили! Ушел он обиженный. **Барахольщики несчастные… Здесь, на фронте, на наших глазах люди десятками гибли и гибнут из-за барахла. Не хотят эвакуироваться, боясь потерять вещи. Было расстреляно и повешено несколько десятков людей за то, что они ходят по пустым квартирам и их грабят…**

Немцы тоже страшные барахольщики. Вот это уж совершенно непонятно. Ведь богачи по сравнению с нами. Один наш знакомый, молодой фельдфебель, прибежал к нам под огнем артиллерии через весь город, чтобы мы подписали ему счет, а котором сказано, что мы продали ему какие-то трикотажные детские вещи, которые он украл на городской фабричонке. Бумажное всё и очень низкого качества. И вещей-то этих было, даже по нашему советскому исчислению, на 5 или 6 рублей. Качество этих вещей таково, что не всякая советская хозяйка купила бы их в мирное время. А он это тряпье посылает домой в Германию. Вот те и Европа!

И все же, несмотря на нашу нищету, нас поражает низкое качество материала, в который одета немецкая армия. Холодные

шинелишки, бумажное белье. Здесь они охотятся за кожухами и валенками. Снимают их с населения прямо на улице. Совершенно удивительно, что мы ухитрились продать наш кожух вовремя. Вообще наше представление о богатстве Европы, при столкновении с немцами, получило очень большие поправки. По сравнению с Советским Союзом они богаты, а если вспомнить царскую Россию — бедны и убоги. **Говорят, это потому что… война. Но обмундирование-то они готовили до войны. И потом, они же покорили почти всю Европу. И уж, конечно, они не стеснялись с Европой так же, как не стеснялись с нами… Вероятно, и вся Европа такая же. Как-то скучно становится жить, как подумаешь обо всем этом вплотную.**

МАРТ–АПРЕЛЬ 1942

03.03.42

Вчера к нам пришла какая-то знакомая М.Ф. Простая женщина. Я ей дала кусок громановского хлеба. Она благоговейно взяла его в руки, перекрестилась, поцеловала, как целуют икону, и только после этого стала есть. Ела и плакала. «Хлебушко-то какой. Наш, русский, не немецкий навоз с опилками. Хоть бы одним глазом посмотреть на нашу деревню». — «Да ведь вы же бежали из колхоза в город!» — «Да, бежала, думали мы, что освободители придут, жизнь новую, божескую, дадут. А они что делают, будь они прокляты! Всех бы передавила своими руками. Там свои мучат, да не издеваются так. А здесь всякая задрипанная сволочь в барина играет. Ну, ничего, только бы они помогли от тех избавиться, а уж этим-то мы наложим. Будут помнить …» — Глас народа!!

05.03.42

Хлеб кончился, а Громан ничего больше не везет. Кончается и мука. Зря отдала я ковер. А у Коли он вымозжил какую-то старинную немецкую книжку и обещал дать за нее 100 немецких марок. И, конечно же, ничего не дал. Больше нет уже, кажется, абсолютно ничего, что удалось бы поменять. Что будет дальше, не знаем. Весна еще не скоро. Такой холодной зимы старожилы не помнят. Хорошо, что топлива сколько хочешь. Только его всё труднее пилить. Ни Коля, ни я не можем. Да и М.Ф. сильно сдает. Иногда помогают нам жильцы. Но все теперь берегут силы. Иногда украдкой, чтобы не видели другие солдаты, нам помогает Ваня-Дураня и Феликс, его приятель.

10.03.42

Баня поломалась и стала на ремонт. Говорят, что теперь-то уж наверное мы будем обслуживать немцев. Беднова в восторге. У нас заболели сыпным тифом две банщицы и один истопник. Вероятно, дойдет очередь и до нас. Конечно, не перенесем. При нашей истощенности — это верный конец.

15.03.42

Вчера мы прибирали и вылизывали баню после ремонта. М.Ф. только что отошла в угол и стала мыть дверь, как снаряд попал на чердак, и ее всю засыпало известкой с потолка. Немного ушибло куском штукатурки. Невозможно ей, бедняжке, отмыть волосы от известки, так как нет ни кусочка и никакого мыла. Я украла всю соду из аптечки, пока Беднова флиртовала с немецким полицаем, пришедшим узнать, какие разрушения причинил снаряд. М.Ф. кое-как отмыли содой.

18.03.42

Начали работать с немцами. Это было бы совсем не трудно после военнопленных, если бы Беднова не пыталась устроить для немцев из бани публичный дом. Хорошо, что я сижу почти всё время в своей камере и не вижу всех безобразий. Иногда мне ее просто жалко становится, но чаще противно. И этот подхалимаж перед всяким немцем, только потому, что он — немец.

19.03.42

Вчера к нам назначили переводчика. Человек, изголодавшийся до предела. Получил он свой паёк переводчика, который значительно больше нашего. Сидит, всё время жуёт и шепчет: «я хочу кушать, я хочу кушать…» Без конца. Невозможно его оторвать ни на минуту от его хлеба. Разговариваем сами, как умеем, с немцами. Я потребовала от Бедновой, чтобы она его убрала куда-нибудь подальше от немецких глаз, потому что солдаты над ним издеваются, а он ничего не видит, только мажет ломти хлеба маргарином или кунстхонигом, жует и бормочет. Он, конечно, умрет, так как уже съел два хлеба из четырех, причитающихся ему в неделю, и хочет приняться за третий. Спрятали его к истопникам.

20.03.42

Ночью переводчик умер от заворота кишок.

25.03.42

Скоро пасха. Совершенно невозможно представить себе что-нибудь более печальное. **Голодаем уже по-настоящему.** Пайки растягиваем на 4 дня, остальные дни не едим буквально ничего.

[02.04.42]

Страстной Четверг. Ни в церковь, ни свечки.

[05.04.42]

Пасха. С утра не было ни крошки хлеба и вообще ничего… Коля очень плох. Мне тоже что-то очень нездоровится. Грипп, вероятно. Все же мы с М.Ф. надели все свои лучшие тряпички и пошли в церковь.

Мороз около 20 градусов. Служба была днем, в 10 часов утра. Кое-кто святил «куличи». Что это было за жалкое зрелище! И ни одного яйца. После того как мы пришли домой, Коля с М.Ф. пошли за пайками. Управа даже не добилась (да и не добивалась) того, чтобы паек выдали в субботу, а не в Светлое Воскресение. Вчера я встретила помощника городского головы, который тащил на плечах мешок муки из СД, и спросила его, нельзя ли получить паёк в субботу. Он грубо заявил, что ничего нельзя поделать. А муку-то он получил за «помощь, оказанную русскому населению». Вот тебе и доцент! Интеллигент! Коммунист! Наши ушли за пайком, а я легла, потому что почувствовала себя совсем плохо. Знобит. Пришел Клопфен, которому мы дали променять наше последнее сокровище — палехский ларчик. Принес хлеб и маргарин. Мне до крика хотелось начать есть, а он все не уходил и не уходил. Наконец ушел, и я отрезала кусочек хлеба, но, к моему изумлению, есть не могла.

Противно. Растопила печку и сварила им хлебный суп с маргарином. Как они были рады, когда нашли уже готовую еду. Мне, слава Богу, совершенно не хочется есть. Чтобы не пугать Колю, я немного похлебала супу. Но было очень противно. По-видимому, я в самом деле больна. Хорошо, что по случаю Пасхи можно лежать и не вставать до среды. Температура 39,6.

08.04.42

Вызвали врача. У меня тиф. Завтра повезут в больницу.

10.04.42

Вчера я вышла из больницы. И сегодня уже была на работе. Но работать не могла и пролежала всё время в предбаннике на диване. Боюсь, что снимут с пайка, а есть хочется до безумия.

12.04.42

[28.04.42] Дали мне отпуск с сохранением пайка. На месяц. Писать еще очень трудно, но я должна записать всё, что для меня сделал Коля за время моей болезни. Как хорошо, что весна и солнышко! И я сижу во дворе целый день и греюсь. Только есть очень хочется. Коля ходил ко мне каждый день под окошко, так как к нам никого не пускали. Какой он был там несчастный, нельзя рассказать. Первые две недели я могла только приподниматься на постели и кивнуть головой. Без сознания была только сутки. Но страшная слабость, и апатия, боли в ногах, и мои старые невралгические боли были столь невыносимы, что я вспоминаю это время с ужасом и отвращением. После кризиса остались только страшная слабость и голод. И голодный психоз. Ни о чем другом я не могла ни думать, ни говорить. И писала страшные записки Коле. И он, несчастный, отрывая от своего пайка, т.к. М.Ф. немедленно отделилась со своим пайком, приносил мне по три раза в день болтушку или что-либо другое, что ему удавалось достать. Один раз принес суп из кошки, раза два приносил жареных воробьев. Они ничего не имеют, кроме косточек, и очень горькие. Настоящая дичь. Мой паёк, конечно, у меня отобрали в больницу, как у всех больных, и получали мы из него едва ли половину. Остальное крали. Проживу я еще тысячу лет, никогда не забуду этой страшной, сгорбленной фигуры под окном. И его улыбки. Стоит под окном с горшочком болтушки и улыбается. Ничего не подчеркивало мне так безумия мира, в котором мы живем, как эта его улыбка. Но мой психоз затмевал весь мир. Если Коля приходил на несколько минут позже того срока, какой мне казался пределом ожидания, я впадала в ярость и писала ему гнуснейшие записки. — И рад-то он от меня избавиться, и хочет, чтобы я умерла, и прочие гадости. Так было всю первую неделю после кризиса. Теперь мне стыдно вспомнить. Сердце разрывается. И он всё это кротко выносил и продолжал свои ежедневные путешествия. Как-то им удалось, каким-то образом, достать три яйца, и одно из них они мне принесли. Все сестры и врачи сбежались смотреть на настоящее яйцо. А я, разбив его, горько плакала, так как оно оказалось всмятку. Я была

уверена, что оно крутое, и сладострастно мечтала, как я его разделю пополам и одну половинку съем сейчас же, а другую завтра утром с кусочком хлеба, какой нам полагается три раз в день. И вдруг — смятка! Это было настоящее горе для меня, и мне сейчас не смешно и не стыдно. Те мучения голодом, какие мы все перенесли после тифа, не поддаются никакому описанию. Нужно самому пережить что-либо подобное, чтобы понять. А мое бедное чучелко тоже было вконец расстроено. Наконец, меня выписали. И я дома, и не умерла, и получаю свой паек, и я с ним опять, и появилась молодая крапива. Нельзя описать то удовлетворение, какое вы получаете, поев болтушки с крапивой. Сытно и очень вкусно. Скоро появится лебеда, и ее можно прибавлять в муку и делать лепешки. Все-таки мы зиму выдержали. Может быть, выдержим и дальше. В городе осталось около двух с половиной тысяч человек. Остальные вымерли.

29.04.42

М.Ф. вот уже неделю нездоровится. Врач осмотрел ее в полутемноте и определила грипп, а я сегодня утром совершенна ясно увидела тифозные пятна. Она умоляет меня не говорить никому из врачей и не отправлять ее в больницу. Я обещала, хотя ухаживать за нею мне еще очень трудно. Я еще слаба. А Коля один теперь и по хозяйству, и за пайками, и дрова. И печку топит, и обед варит. Тиф имеет теперь какую-то очень странную, легкую форму.

МАЙ 1942

01.05.42

По поводу пролетарского праздника большевики угостили нас очень горячей стрельбой. Но все совершенно равнодушны.

03.05.42

Ночь была кошмарная. У М.Ф. был кризис, против нее на другой кровати лежал Коля, у которого было что-то очень плохое с сердцем. Я их положила вместе, так как в темноте очень трудно ходить из одной комнаты в другую. И я всю ночь тыкала то одному то другому камфару. Хорошо, что Коля раньше болел тифом: кипятить иглу было не на чем и я тыкала их одной и той же. Пронеси, Господи! Заснула на полчаса только к утру…

05.05.42

Прошла, по-видимому, опасность для Коли. М.Ф. вступила в полосу послетифозного голода. Что делать — ума не приложу! Никакая крапива не помогает! А чем мне их кормить? Хорошо, что она получает свой паёк на дом. Если бы узнали, что у нас в доме тифозная больная, то нас с Колей подвергли бы карантину, кажется, на месяц. Это значило бы, что никто из семьи больного не мог бы выйти на улицу. Пайки им должны бы были приносить соседи. Никакого контроля за этими соседями нет. Некоторые семьи вымирали потому, что они даже не могут пойти пожаловаться. Сестры тоже иногда должны обслуживать таких больных. Но сестер и мало, и они почти все вроде Бедновой.

Вообще, немцы занимают по отношению к русскому населению, в этих делах, позицию невмешательства: кто выживет — пусть выживает, помрет — сам виноват. Надоело! Надоело бояться, надоело голодать, надоело ждать чего-то, что, по-видимому, никогда не сбудется!

08.05.42

Весна! Такая чудесная пора, особенно в нашем городе. Но

сейчас мы её чувствуем только желудками: едим крапиву, лебеду и еще какие-то гнусные травы. Парки закрыты и минированы. Деревья, эти чудесные старые липы и клены, или разбиты снарядами, или порублены немцами, вернее, русскими женщинами на постройку бункеров и прочей военной гадости. На улицах нет почти совсем никого. Развалины. И только дворцы, как призрак какой-то, торчат над городом. Рассказывают, что немцы расстреливали евреев и коммунистов у «Девушки с кувшином». Проклятые! [**Не нашли иного места, проклятые**…]

09.05.42

Сегодня к нам приходил городской голова и сказал, что он переезжает на такую же должность в Павловск и будет хлопотать, чтобы и нас туда перетащить. Все-таки это уже не на самом фронте, а в трех километрах от него. Может быть, там будет лучше. М.Ф. поправляется изумительно быстро. Мне кажется, что у неё есть какие-то секретные питательные ресурсы, которые она употребляет, когда нас с Колей нет дома. Перестала так просить еды. И вообще выглядит для её болезни и для нашего времени гораздо лучше, чем должно бы это быть. Слава Богу! Отпадает еще одна тяжесть. А что это, так сказать, неэтично, то то ли мы видели!

12.05.42

Сегодня с нами произошло еще одно маленькое чудо. Привез мне в дезинфекцию с фронта обмундирование молоденький ефрейтор. Пока ждали дезинфекции, мы с ним разговорились. Я спросила о его «беруф». Они очень любят говорить о своих мирных делах. Оказался архитектором из Мюнхена. Я так в него и вцепилась. Мюнхен! О его архитектуре я мечтала всю жизнь. Поглядеть бы! Ну он, конечно, растаял и начал мне рассказывать. Причем перешел на баварский жаргон. Когда он говорил на литературном языке, я еще что-то понимала, а как зашипел по-баварски — я хоть бы слово. Но всё равно сидела, качала головой, поддакивала. Разговор был самый оживленный. В разгар его пришел Коля. Архитектор спросил меня, кто это, мой отец? И когда я оказала, что муж, — был совершенно потрясен. Спросил, кто он по специальности, и узнав, что историк, сорвался с места и залепетал, что он сию минуту вернется, просит меня его подождать, что его обмундирование заберут его солдаты — и

скрылся.

Обмундирование солдаты забрали, баню наверху уже закрыли, уже наступает скоро запретный час, а его все нет. Уйти же, наплевать на него, я тоже не могу, так как немецкий фельдфебель в некотором роде мое начальство. Наконец, уже нам остались считанные минутки, чтобы добежать до дома, он явился. Оказывается, мотался в окопы на мотоциклетке и привез нам хлеба, маргарину, табаку, «кунстхонигу» и колбасы. Я заплакала. Заплакала оттого, что вот не все же человеческое в людях исчезло и наш интеллигентский «клан» еще существует. Привез он нам всё это, конечно, только потому, что и мы такие же интеллигенты, как и он. Все мы засмущались от такого нашего благородства. А запретный час уже наступил. Погрузил он нас с Колей на свою мотоциклетку и повез домой к нам. Дорого бы я дала, чтобы посмотреть на нас со стороны. Особенно на меня, верхом на багажнике. А сзади Коля. Город в запретный час производит жуткое впечатление. Абсолютно мертвый. А еще светло было. Даже ни одного патруля нам не попалось. Вероятно, так выглядел город Спящей Красавицы. Дома у нас он посидел несколько минут, по-видимому, догадываясь, что нам сейчас не до культурных разговоров, а хочется лопать. Боже, колбаса! Мы думали, что такие вещи имеются теперь только в учебниках по истории средних веков. Ни имени, ни фамилии его мы не знаем. Он сказал, что он нацист. Что это такое и чем это отличается от фашиста — мы не знали. Да и все равно. Он просто добрый человек…

15.05.42

Сегодня умерли два истопника бани. Отравились каким-то не то метиловым, не то древесным спиртом. Было «секретное» расследование, из которого стало совершенно очевидным, что оба они были секретными сотрудниками немецкой охранки. Теперь стало понятно, почему они так часто заговаривали о том, что немцы и такие-то и сякие-то и что при большевиках было жить гораздо лучше…

20.05.42

Получили бумажку из Павловска, что мы туда переводимся. М.Ф. решила не ехать с нами. У неё появились какие-то продовольственные возможности. Мы этому очень рады. Пусть

живет, как хочет…

МАЙ–АВГУСТ 1942
Павловск (Слуцк[1])

Эта часть в варианте «Граней» отсутствует и публикуется по тексту Ломагина.

25.05.42

Уже в Павловске. Имеем одну огромную комнату и другую маленькую. Мебель привезли свою. Устроились неплохо. Даже странно, что так просторно и так тихо. Общая кухня с двумя милыми старичками, родственниками городского головы. Стрельбы здесь гораздо меньше и больше напоминает мирную жизнь. Имеются лавки и рынок. Больше продуктов и их можно купить за деньги. Коля назначен «директором» школы. Но главное, что его привлекает, это намечающаяся возможность издавать газету. Русскую. И вроде как свободную. Мечта всей его жизни. Отдел пропаганды предложил ему составить первый номер. Сидим над этим уже три дня и три ночи. В тот же день, как переехали, так и засели. Только вот почему-то мне кажется, что ничего из этого не выйдет. Не потрафим на хозяев. Уверена я в этом. Хотя мечты у нас самые головокружительные. Говорят, что немцев обставить ничего не стоит. Но страшны не они, а те русские, какие при них сидят и в переводчиках, и в чиновниках. Все это невозможные бандиты просто, думающие о том, как ограбить население. До так называемого русского дела им нет абсолютно никакого дела. Преданы они не делу, а пайку. Но все же что-нибудь можно будет начать делать.

26.05.42

Самым крупным спекулянтом Павловска является священник.

27.05.42

Сегодня я начала новую карьеру — гадалки. Здесь очень много немецких «кралечек». Вот одной из них я случайно погадала и сказала «всю правду». Получила за это котелок солдатского супа и полхлеба. Обещала найти других клиенток.

Думаю, это самая умная профессия в настоящее время: во-первых, прибыльная, во-вторых, в некотором роде психотерапия. Мне не стыдно говорить им всякие приятные вещи, которых им хочется. Особенно о тех, которые остаются «там». Послушает о том, что «там» все благополучно, что родители живы и здоровы, муж, или жених, или кавалер помнит, свидание непременно состоится, но не так скоро, и т. п., и у человека на душе просветлеет и он живет некоторое время не в таком безнадежном мраке. Я бы дорого дала, чтобы мне кто-нибудь погадал, кому я верила бы. И потом, эта профессия самая удобная для пропаганды. Парадоксально, но так: чем больше девушка пользуется успехом у немцев, чем больше она сама, как будто бы, привязана к какому-нибудь Гансу или Фрицу, тем большая тоска у ней по дому и по прошлому. А что не все «кралечки» только продаются за хлеб и за солдатский суп, это совершенная истина. Цинично продающихся весьма небольшой процент. Сначала идут потому, что помирать-то с голоду никому не хочется, а потом находят себе друга сердца. И какие бывают крепкие и трогательные романы среди них.

«Нет такой на свете власти,
Коей в целом или в части
Власть над сердцем отдана.
А весна — всегда весна…»

28.05.42

Познакомились со здешней интеллигенцией: врачи и инженеры, главным образом. Несколько учительниц. Публика чрезвычайно серая и ни о чем, кроме брюха, не думающая. Единственная врачиха, какая имеет какие-то идеи, — Анна Павловна. Но идея у нее одна — ненависть к немцам (ненависть к большевикам подразумевается сама собой). И то хорошо. Может быть, ей можно будет внушить и какие-нибудь положительные идеи. НЕ может человек жить только отрицательными. Посмотрим. Да и вся русская интеллигенция сейчас живет только отрицательными идеями — идеей ненависти к большевикам, главным образом.

Здешняя комендатура гораздо хуже царскосельской. Там люди были заняты своими фронтовыми делами, а населению предоставляли вымирать или выживать по своему усмотрению. Здешняя же вмешивается в дела населения, и из этого ничего хорошего не получается. Но все это пока только рассказы наших

новых знакомых. А мы теперь привыкли верить только своим собственным глазам, да и то не всегда.

29.05.42

Гадание мое идет в гору. Девки бегают. Гадать им, конечно, очень легко. Король, любовь до гроба, скорая встреча, дорога. Это главное. Все они страстно мечтают о дороге. Куда угодно, только бы вырваться отсюда.

01.06.42

Коля выглядит и чувствует себя гораздо лучше. Страшно увлечен своей газетой. Она пока еще не выходит, но разговоры о ней идут.

07.06.42

Сегодня всю ночь был обстрел. Стреляли по всему городу. В нашем дворе разорвалось шесть снарядов. Ни один не попал в дом. Стекол, конечно, не осталось ни одного. Всю ночь просидели на полу в кухне за печкой. Стены нашего дома такие, что ни один осколок их не пробьет. Если прямое попадание в комнату, тогда дело другое. Поэтому сидели за печкой. Это что-то вроде домашнего блиндажа.

Какие прекрасные дни стоят. Теплые, душистые. В каждом доме имеется огород и много разных немудреных цветочков, которые пробивают себе сами дорогу в жизнь. Их усиленно вытесняют огороды. Как при большевиках, так, особенно, и теперь. Но они все же храбро борются, как мы.

09.06.42

Сегодня мы с Колей ходили к одной из моих клиенток — молочнице — смотреть кур и теленка. С начала войны мы не видели ни одной курицы, ни одного теленка или коровы.

Сегодня мы с Колей ходили к одной из моих клиенток — молочнице — смотреть кур и теленка. С начала войны мы не видели ни одной курицы, ни одного теленка или коровы. В Царском не было ни одной собаки и ни одной кошки. Собак,

которых не успели съесть, перестреляли немцы, а кошек всех съели. А ночью я проснулась от какого-то очень знакомого и приятного звука, но никак не могла вспомнить, что это такое. И только когда услышала сопение паровоза — догадалась. Это были удары вагонных буферов. Составляли поезд. Немцы восстановили дорогу на Гатчину и по ночам что-то перевозят. Неужели же мы когда-нибудь опять увидим поезда и трамваи!

16.06.42

Наверху у нас живут немецкие «кралечки». Каждую ночь у них танцы с солдатами. Главным образом — патрулями. Грохот страшный и спать невозможно до 11 часов, а то и дольше. А если принять во внимание, что мы должны вставать в шесть, то они не дают нам выспаться совершенно. И ничего невозможно поделать. Сегодня ночью я выгнала патруль из квартиры. Я прямо взбесилась. Только что мы заснули после того, как наверху все успокоилось, как они прямо с танцев пришли к нам смотреть, нет ли у нас большевиков или немецких солдат в постелях. Одного из них я знала, что он бельгиец, и налетела на них по-французски. Спросила, не прямо ли с танцев наверху они к нам приперли. И им прекрасно известно, что здесь живут две пожилые пары. Что нам, обеим женщинам, вместе около ста лет (что совершенная правда, так как нашей соседке уже сильно за шестьдесят). Лучше бы они проверили кое-что наверху. Они срочно вымелись и даже бормотали что-то о недоразумении. А сегодня городской голова рассказывал, что в комендатуре при смене патрулей они не советовали ходить в нашу квартиру, так как там живет какая-то ведьма, которая ругается на всех языках и собирается донести коменданту насчет танцев. Посмотрим, будут ли эти собаки шляться к нам по ночам.

18.06.42

Нас выгоняют из нашей большой комнаты, потому что в наш дом переезжает друг городского головы. Будет его заместителем. Черт с ними. Проживем и в маленькой.

19.06.42

Коля в отчаянии. Немцы, как и следовало ожидать, газету не

разрешили. Конечно, тот пробный номер, какой мы составили, их ни в какой мере не устраивал. Я предупреждала Николая. Надо было несколько завуалированнее действовать. Наших, здешних-то, провести и удалось бы, может быть, но они сами решать ничего не могут, как и большевики. У них тоже все централизация. А в Гатчине сидят, по-видимому, не совсем дураки. А может быть, это и не в Гатчине решается, а где-то еще выше. Очень мне жалко Колю. Опять он будет тосковать без дела. Школа его — это одна из очередных фронтовых «фикций».

20.06.42

Рядом с нами живет некий инженер Белявский. Предприниматель. Имеет сапожную фабрику. Все машины, конечно, украдены или скуплены за буханку хлеба. У него всегда немцы и пьянство. Тип отвратительного эксплуататора. Он попросил Колю давать уроки истории его великовозрастной дочке, которую никакие истории, кроме любовных, не интересуют. Он отвратительно обращается с русскими. Недавно дал по физиономии старику-печнику. Этого русский народ не забывает. Мы обедали у этих Белявских один раз в неделю, и Коля получает еще один хлеб в неделю за уроки. Я совершенно цинично хожу обедать. Во-первых, по нынешним временам, прекрасные обеды, во-вторых, там наблюдаешь фронтовую шпану в полном ее расцвете, как немецкую, так и русскую. В-третьих, с паршивой овцы — хоть шерсти клок. А мы, по-видимому, еще для чего-то нужны в русском хозяйстве, если не померли в Царском Селе. Пусть шпана нас подкармливает. Жена у него очень приятная простая женщина, а он ведет себя с ней как Дориан Грей с толкучки.

22.06.42

Сегодня я видела, как на парашюте спускался советский летчик. Нельзя поверить, что эта вот, так красиво плывущая в воздухе фигура — тот самый бандит, который сбросил над рынком две бомбы и перебил около двух десятков женщин и детей. Немцы подбили самолет, и он выбросился. Бабы, глядя на него, кричали: «Пусть он только спустится над городом, мы его на куски разорвем». И разорвали бы. Немцы подобрали его около своих окопов. По нему стреляли из советских окопов, но не попали. Немцы были совершенно потрясены этим.

25.06.42

Все дни похожи один на другой. Все время ищем пищу, которой здесь больше, чем в Царском Селе, но все же не хватает. Мое гадание кое-что мне приносит, но далеко не достаточно. Особенно тяжело, когда за стеной, у наших соседей, почти каждый день пьянство и танцы. А тут лежишь с книжкой на диване, ничего в ней не видишь, и сосет, сосет. Конечно, нельзя сравнивать наше теперешнее положение с положением в прошлом году в Пушкине, но все же живем даже не впроголодь, а в настоящем, правда, не катастрофическом, но голоде. Да и сил все меньше и меньше становится.

Идут разговоры, что к нам скоро придут испанцы. Знаменитая «Голубая дивизия».[2] Посмотрим потомков гордых хидальго.

01.07.42

Два сообщения с моего девичьего фронта. Одно потрясающее по подлости. Оказывается, в комендатуре есть такой ефрейтор Фюрст, который ЛИЧНО порет провинившихся девушек в полиции, а начальник полиции ему в этом помогает.

Второе — радостное. Организуется театр. Все певцы, артистки и балерины чрезвычайно взволнованы. Хорошо, что хоть это будет. А то никакой культурной жизни нет. Только Колина школа, в которой учится разная мелочь.

Нет, имеется одно «культурное» учреждение. Публичный дом для немецких солдат. Обслуживают его русские девушки по назначению коменданта. Правда, почти все русские девушки, обслуживающие немецкие кухни, имеют любовников среди немецких солдат и офицеров. Но все это все же носит какой-то характер лирики. Немцы, особенно пожилые, чрезвычайно привязываются к своим русским подругам. Мне приходится читать их письма. И это как-то приемлется. А вот благоустроенный публичный дом, организованный совершенно официально, — это что-то совершенно не влезающее в русские понятия. У большевиков была подпольная проституция, но официально она строго каралась, и население привыкло к тому, что проституция — преступление. Здесь же заведует этим домом одна вполне приличная русская женщина. И не только заведует, но и благодарит Бога за такую «работу». И она сыта, и семья ее сыта. А интересно, пошла бы я на такую работу, скажем, в прошлую зиму, когда мы не ели по несколько дней подряд.

17.7.42.

С моим гаданием происходят чудеса, которые пугают меня саму. Я нагадала однажды одной молочнице, что у нее будет неприятность из-за животного (причем тогда я еще не знала, что она молочница), которая будет ей грозить очень тяжелыми бедами, но недели через три все кончится благополучно. На другой же день у нее пропала корова. Сколько она ни бегала, ни искала, ничего не добилась. А она поставляла молоко немецким офицерам. Когда она заявила, что корова у нее пропала, ее избили и посадили «за саботаж» и грозили повесить. А с немцев всего станется. Городские русские власти кое-как ее выцарапали. И вот, ровно через три недели, корова сама пришла из леса. Молочница немедленно примчалась ко мне, притащила мне молока и сала и стала меня рекламировать изо всех сил. Второй раз я ей нагадала письмо от сына, которого куда-то увезли немцы. Конечно, это было бы совершенно невероятно. Но я еще предсказала ей, что она и деньги от него получит. Так мне говорили карты, хотя я сама этому не верила. И через три дня он прислал ей письмо и несколько сот рублей. В третий раз я ей предсказала свидание с сыном, и очень скорое. А вчера она пришла ко мне с ужасом и почтением и сказала, что ее сын приезжал к ней на несколько часов. Оказывается, он работает сапожником в каком-то рабочем лагере недалеко от нас. Но не имел ни малейшей возможности до сих пор ничего ей сообщить о себе. А теперь эти возможности открылись. Право, мне стало немножко страшно. Что я, в ясновидящие, что ли, попала?

Девки мои стали прибегать ко мне стаями. Правда, платят плохо, подлые, но все же кое-что перепадает.

И никакие, кажется, немцы не освободители, а такая же сволочь, как и все прочие европейцы, и большевики, и азиаты.

30.07.42

Сегодня у меня были два немецких офицера в качестве клиентов. Я им гадала, а Коля переводил все точно и изысканно. А они все это записывали в книжечки. Было очень трудно быть серьезной. А что мне будет, если мои предсказания не сбудутся?

Вербовка на работы в Германию идет довольно интенсивно. Берут не только рабочую силу для работ, но и специалистов. Главным образом инженеров. Население рвется на эти работы, но совершенно невозможно установить признаки, по которым немцы отбирают народ. Даже не вполне молодые и здоровые попадают.

Сегодня у меня было чрезвычайное переживание. Хотя таких примеров мы видели сотни, но вдруг, иногда, воспримешь что-то необычайно остро. Так и сегодня. Один инженер, очень крупный специалист по электричеству, ждал во дворе городского голову по какому-то делу. Я шла мимо с пучком зелени от редиски, который хотела бросить на помойку. И он попросил у меня эту зелень, говоря, что из нее можно сделать «прекрасный» суп. Так все во мне и перевернулось. Он не может получить работы как электромонтер, потому что все места заняты молодыми и более нахальными. На тяжелые работы он не годится и вот сидит на супе из редисковой ботвы. Он страстно мечтает уехать в Германию на работы, в качестве рабочего хотя бы, и не может никак попасть.

Кстати, во всем доме, кроме нашей комнаты, есть электричество. Оказывается, надо дать кому-то из монтеров взятку. А я не даю и не дам. Наш городской голова — доцент Молочного института и «благоговеет» перед Колей, лекции которого по истории он слушал. Но, по-видимому, благоговения не хватает на одну электрическую лампочку.

07.08.42

Сегодня мои именины не были отмечены никак. Только мое чучелко поздравило меня и было очень огорчено, что не может

мне сделать никакого подарка. Но все же он придумал чудесный подарок. Украл в школе шитую бисером крошечную иконочку Варвары Великомученицы. Эта иконочка висела там в ЧУЛАНЕ. А святая эта — покровительница нашей гимназической церкви в Новочеркасске. Был престол у нас. Лучше он ничего не мог придумать для меня. И печально, и хорошо.

08.08.42

Говорят, что испанцы пришли. Еще ни одного не видала. Вчера только познакомилась с переводчиком испанцев. Некий Трикдан Александр Александрович. Русский эмигрант. Это второй «белогвардеец», которого мы видим. Очень странное впечатление — видеть воочию то, о чем читалось и говорилось как о каком-то потустороннем. Ничего себе, человек как человек. Не кусается, и вообще приемлем.

15.08.42

Сегодня к нам приходил какой-то тип из пропаганды. Немец. Приглашал Колю работать у них. Работа сводится к исследованию греческого узора «меандр», из которого и образовалась свастика. Какое это имеет отношение к пропаганде, неизвестно. До настоящей пропагандной работы его не допускают, потому что-де здравые мысли, которые он высказывает, — никому не нужны. И вообще, у немцев есть что-то недоговоренное в их отношении к русским. То, что приходится слышать о рабочих лагерях, которых много кругом, но которые мы никак не можем увидеть, потому что мы лишены возможности передвижения, наводит на весьма грустные размышления. Передвигаться, и почти свободно, могут только господа вроде Белявского. Но им наплевать и на лагеря, и на все, что не касается их брюха. И никакие, кажется, немцы не освободители, а такая же сволочь, как и все прочие европейцы, и большевики, и азиаты. Но мы все-таки будем бить в свою русскую точку. И, может быть, чего-либо добьемся. Единственный, но очень существенный плюс немцев — это то, что они, по сравнению с большевиками, в смысле угнетения — щенки. И свой народ они устроили, по-видимому, как надо. Устроим и мы свой. УСТРОИМ! Пусть только они помогут нам ликвидировать большевиков. Но они, как видно, не хотят, да и не умеют помогать нам в этом.

Все больше и больше слухов о партизанщине. Если эти слухи

и вздор, то они все же очень показательны как настроения русского народа.

20.08.42

У Трикдана нашелся календарик, изданный какой-то эмигрантской противобольшевистской организацией. И в нем имеется перечень новых русских книг и среди них: Трушнович А. «СССР, Россия».[3] Мы чуть не помешались от радости. Д[окто]р Трушнович наш старый друг, в 1934 году выехал от нас из Москвы за границу. Как человек, хорошо разбирающийся в советских порядках, он нам ничего не написал. И мы совершенно ничего о нем не знали. И вот теперь узнали, что он не только жив, но и делает наше дело. У Коли, конечно, сейчас же заработала фантазия — как бы с ним связаться. Он в Белграде, а Белград занят немцами. Но это, кажется, невозможно. Или мы не умеем найти ходов.

25.08.42

Познакомилась еще с одним переводчиком у испанцев. Некий Доцкий. Тоже белый эмигрант, и весьма стандартный — парижский шофер, потом наемник испанской армии. Правда, боролся против красных. Но это, вероятно, случайность. Франко больше платил. Вульгарный хапуга, не сравнить с Трикданом.

Через Доцкого, за взятку ему, конечно, я устраиваюсь заведовать испанской прачечной. Испанцы разрушили все наши представления о них как о народе гордом, красивом, благородном и пр. Никаких опер. Маленькие, вертлявые, как обезьяны, грязные и воровливые, как цыгане. Но очень добродушны, добры и искренни. Все немецкие «кралечки» немедленно перекинулись от немцев к испанцам. И испанцы тоже проявляют большую нежность и привязанность к русским девушкам. Между ними и немцами ненависть, которая теперь еще подогревается соперничеством у женщин.

Испанцы получают два пайка. Один от немецкой армии, другой — от своего правительства, и раздают излишки населению. Население немедленно оценило все испанское добродушие и немедленно привязалось к испанцам так, как никогда не могло бы привязаться к немцам. Особенно детишки. Если едет на подводе немец, то никогда вы не увидите на ней детей. Если едет испанец, то его не видно за детьми. И все эти

Хозе и Пепе ходят по улицам, обвешенные детьми.

СЕНТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 1942

01.09.42

Коля опять во мраке. С газетой и настоящей работой ничего не выходит. Сегодня он с горечью говорил, что мне завидует. Ты, мол, умеешь всегда найти себе дело. Вот гадаешь. Я посоветовала ему начать составлять гороскопы. Пошло бы, и получил бы возможность вести пропаганду и заниматься отбором людей для будущего. Впал сначала в ярость, а потом смеялся.

07.09.42

Мой банно-прачечный капитан глуп и претенциозен. Но, кажется, добрый человек. Прачечная построена испанским полком не потому, что она необходима ему. Можно было бы свободно обойтись и теми, которые уже имеются у немцев. А построена затем, чтобы утереть нос немцам, заявившим, что все ресурсы исчерпаны и никакой прачечной построить невозможно. Вот и построили. Построена она за городом, почти у самой линии обороны. Ходим туда с часовым. Там имеется всего пять домов, и все они под прямым прицелом у большевиков. Почему эти самые большевики их еще не разбили — неизвестно. Но разобьют, как только захотят. В одном из домов живет капитан и его интендантская команда. В доме рядом наша прачечная, интендантский склад обмундирования и моя пошивочная мастерская. Солдаты и сержанты все мальчишки, начиная с 17-летнего возраста. Капитану 27 лет. Повар команды — тореадор. Самый настоящий живой тореадор. Но абсолютно не похож на оперного тореадора. Маленький, верткий, как обезьяна, и по поведению, и по психологии настоящий ребенок. Да и лет-то ему всего девятнадцать. По виду же ему можно дать не больше четырнадцати, зовут Маноло. Мой сержант, т. е. мое прямое и непосредственное начальство, — Хозе, 20 лет. Жулик сверхъестественный. Воришка и бабник. И все сержанты такие. Прачкам невозможно работать от толкотни в прачечной. Я, наконец, пригрозила, что пожалуюсь капитану, если они будут тут толочься без конца. А капитана они боятся. Он, совершенно не стесняясь, бьет их по физиономиям. И вообще, мордобой в испанской армии — дело самое обычное. Офицеры бьют сержантов и солдат, сержанты только солдат, а солдаты бьют

всех, кого могут. Вот тебе и потомки гордых кабальеро. Если бы не видела этого собственными глазами, никогда бы не поверила. Паек у нас сытный, но когда его приносят, то он до обеденного перерыва лежит в команде на столе. И эти хулиганы непременно норовят что-нибудь стянуть, проходя. Не потому, что голодны, и не из корысти, просто из озорства. Но они такие добродушные и такие ребячливые, что население им все прощает. Например, они приходят к вам в гости непременно с подарками. Но принимать эти подарки нужно всегда осторожно, потому что нет никакой гарантии, что они не сперли их у ваших соседей. Недавно жена городского головы была в отчаянии. Ей кто-то привез из тыла флакончик духов. Надо знать, что это значит в наших условиях, когда и мыла нет. И вот к ним пришли в гости какие-то испанцы, и не успела она оглянуться, как духи исчезли. А через несколько дней выяснилось, что эти духи подарены какой-то девушке. Причем эта девушка уверяет, что солдата, подарившего духи, она видела в первый раз в жизни. И это вполне понятно при широте испанских натур.

Как-то к Коле прибегает сторож из школы и сообщает, что испанцы приехали с подводами и вывозят всю мебель из школы. Коля побежал и накричал на них по-русски. По-испански он только и знает из этой области «муча культура». Так же весело и с таким же неистовым ревом, как нагружали подводы партами и шкафами, так же стали и разгружать и носить обратно в школу.

17.09.42

Приходим на работу, а в помещении команды нет крыши. Ночью попал снаряд. Очень трогательная и характерная для испанцев черточка: при нашей команде болтается беспризорный мальчик, русский, сирота военного времени. Никто как будто бы из солдат, а тем более капитан, им не интересовались, но когда снаряд попал наверх, где спальня команды и где был этот мальчик, капитан, в одном белье, понесся наверх, схватил мальчишку на руки и помчался с ним в бункер. Испанский же бункер — это не то что немецкий. У немцев бункеры всегда в образцовом порядке, наш же был больше чем наполовину наполнен водой. Потому что все дожди стекали в него. А испанцам и в голову не приходило заглянуть туда. И вот капитан стоял в воде почти по пояс, держа на руках мальчика. А мальчик совсем не маленький для своих 12 лет. Стрельба продолжалась около получаса, и он все время так и простоял в воде. Причем поведение капитана считается, по-видимому, совершенно

нормальным. Рассказывая мне все ночные происшествия, ни один испанец не сказал ни слова про это. Это мне рассказали военнопленные сапожники, которые работают в нашей команде. Как же населению не любить этих полоумных?

Когда мы пришли, то деятельность по очистке бункера была в полном разгаре. Мой капитан, веселый, как будто бы получил подарок, орал и носился по двору. Не меньше его орали и носились солдаты, все перемазанные в глине, как черти. Увидев моих прачек, капитан неистово заорал, чтобы они шли помогать. Между прочим, испанцы при всяких переживаниях орут так, как будто бы их режут. А переживают они все очень остро и бурно, поэтому над городом стоит непрерывный вопль, как при светопреставлении. Раньше население пугалось, а теперь уже привыкло. Прачек моих поставили к помпе выкачивать воду. Вода от глины густая, и помпа каждую минуту отказывалась работать. Капитан раздавал пощечины солдатам направо и налево, но дело от этого ничуть не поправлялось. Солдатишки совершенно перестали сами работать и начали командовать женщинами. Я, наконец, пошла к капитану и как могла почтительнее (в некоторые моменты нашей жизни с ним надо было бывать необычайно почтительной) заметила ему, что у нас, у русских, не принято заставлять «сеньор» работать на насосах, в то время как «кабальеро» ничего не делают. Это только у немцев так. Упоминания о немцах было вполне достаточно. Реакция была несколько неожиданная, но благоприятная. Он немедленно дал по физиономии Мигуэлю, портному из починочной мастерской, который, уж конечно, не имел ни малейшего отношения ни к бункеру, ни к прачкам, мирно проходя мимо в мастерскую. Это один из самых тихих и милых мальчиков во всем этом сумасшедшем доме. После чего, удовлетворенный, приказал Хозе напоить моих прачек кофе. Это было ДА. Настоящий испанский кофе. У немцев такого и в заводе нет.

У испанцев женщины делятся на паненок, сеньор и сеньорит. К первым можно приставать. И вообще это специфическое наименование проституток. Ко вторым относятся с настоящим уважением и почтением. Но пробуют на звание паненки каждую женщину и, если получают отпор, — почтительно целуют руку и уже своему почтению никогда не изменяют.

И вообще, мордобой в испанской армии — дело самое обычное. Офицеры бьют сержантов и солдат, сержанты только солдат, а солдаты бьют всех, кого могут.

30.09.42

Сегодня меня вызывали в немецкую комендатуру для улаживания кое-каких дел с моими прачками. На работу я уже не пошла, так как не было провожатого. Вечером приходят прачки и рассказывают, что они сегодня целый день по приказанию капитана мочили уже стираное и сухое белье и опять его развешивали в сушилке. Нужно это было для того, чтобы показать какой-то комиссии прачечную во всем производственном великолепии. Видали дурака! А что срочный заказ с фронта не выполнен — наплевать. Конечно же, работать с немцами гораздо лучше. У них всегда знаешь, чего они хотят. А эти вдохновительные особы всегда тебя подводят. Например, капитану ничего не стоит вдохновиться и приказать всю приготовленную на стирку воду истратить на мытье солдат. Прачечная срочно превращается в баню, прачки сидят полдня без дела, а потом начинается истерика по поводу опоздания с заказом. А солдаты через полчаса ухитряются стать такими же грязными, как и до мытья, если не грязнее.

А из штаба приходят нагоняи за плохое обслуживание, и капитан начинает щелкать солдат по физиономиям. Противно смотреть, когда он, выкатив глаза как оголтелый козел, начинает их катать, а они, бедные, стоят навытяжку и только моргают. Для нашего глаза это зрелище непереносимо. После первой же такой сцены в моем присутствии я стала всякий раз вставать, как только он входил в мастерскую. Сначала он милостиво улыбался и просил не беспокоиться, а потом понял, по-видимому, и надулся. И теперь у нас кончились наши сердечные культурные разговоры при помощи словаря на пяти языках. Несколько раз он забывал, что мы уже не «друзья», а я — подчиненная ему военнопленная, а он завоеватель, и начинал свою бесконечную болтовню. Испанского языка я совсем не знаю, по-немецки он почти ничего не понимает и не хочет понимать, по-английски мы оба плаваем, и вот для того, чтобы сказать какую-нибудь ерунду вроде того, что русские не понимают музыки и у них нет литературы, он тратит четверть часа на фразу. Раскрывается испано-немецко-французско-английско-русский словарь, и он мне вещает. Теперь я всякий раз напоминаю ему, с подчеркнутой почтительностью, о разнице нашего социального положения, и он уходит надутый. Ударить же меня он никогда не рискнет, потому что я «нобле сеньора».[4] Если же он это сделает, то свои же солдаты зарежут его. Они меня не то что любят, но я «сеньора» и к тому же «нобле». Мой муж «профессор», и у нас в доме «муча культура». Т.е. много книг. Они часто приходят ко мне в мастерскую пожаловаться на судьбу или похвастаться письмом и фотографией невесты. Все мои мальчишки из интендантской

команды очень целомудренны. Ни одного романа с русскими девушками. Это потому, что все они имеют невест дома. А вот сержант — другое дело.

Впечатлительны они, как кошки. А капитан, например, до завтрака совершенно иной, нежели после. До завтрака он мрачен, придирчив, истеричен. После завтрака сияет, как солнышко, и весьма общителен. Если нужно от него чего-нибудь добиться, то ни в коем случае нельзя пытаться это сделать до завтрака. Ничего не выйдет. Упрям, как осел.

01.10.42

Сегодня испанцы хоронили девушку, убитую снарядом. Гроб несли на руках, и все рыдали. Ограбили всю оранжерею, которую развели немцы. Говорят, что при этом не обошлось без потасовки. Называют по одному убитому с каждой стороны. Этих уже будут хоронить без цветов. Многие из них ходят в нашу церковь и стоят там, как им подобает. Молятся они много и охотно. У каждого на шее есть иконки и ладанки.

№ 20 Пятница, 2 октября 1942 года Цена 50 коп.

ЗА РОДИНУ

Сегодня в номере:

Сигнал ушедшему вперед победы

Гитлер предвещает победу Новой Европы

Исчерпывающий отчет Вождя о борьбе на всех фронтах.
Сталинград будет освобожден от большевиков

Угрозы создания второго фронта не волнуют Германию

В Берлине безграничный восторг и непоколебимая уверенность в победе

05.10.42

Все более меня утомляют мои испанцы. Никаких сил нет

работать с ними. Интересно провести параллель между немцами и испанцами, как мы их видим.

1. Немцы тихи и спокойны. Испанцы шумливы и беспокойны как молодые щенки.

2. Немцы подчиняются беспрекословно всякому приказу, каков бы он ни был. Испанцы всегда норовят приказа не выполнить, каков бы он ни был. Немцам «ферботен» обижать испанцев как гостей. И они внешне к ним относятся доброжелательно, хотя страстно их ненавидят. Испанцы же режут немцев каждую субботу по ночам, после того, как напьются своего еженедельного пайкового вина. Иногда и днем, в трезвом виде, бьют немцев смертным боем. Немцы только защищаются.

3. Немцы чрезвычайно бережливы с обмундированием и продуктами. Белье носят латаное-перелатаное. Аккуратненько штопают себе сами носки и прочее. Ни одна крошка продуктов у них не пропадает даром. Испанцы, получив совершенно новое шелковое белье, берут ножницы и превращают кальсоны в трусики. Остатки выбрасывают к восторгу моих прачек, которые подбирают обрезки, распускают их и потом вяжут себе разные шарфики, носки и беретики. Такое количество и таких ниток на фронте является сказочным богатством.

Испанцы ездят за 35 километров от Павловска за продуктами каждую неделю. И все знают, что они получили на эту неделю. Если это лимоны, то выхлопная труба у грузовика заткнута лимоном, и лимоны торчат на всех возможных и невозможных местах. Если яблоки — то же происходит и с яблоками и всем прочим.

Новенькое белье сваливают в машину, в грязь, и топчутся по нему. Привозят прямо в прачечную. С фронта я обычно получаю не меньше 20% совершенно изодранного обмундирования. Иногда брюки бывают распороты вдоль по швам и или передней, или задней половины нет. Как они ухитряются это делать — непонятно, но делают.

Когда мы приводили в порядок наш дом под прачечную, то в одной комнате нашли печку, доверху забитую совершенно целыми носками, на крыше новенький резиновый плащ для мотоциклистов, брюки и мундиры в самых невозможных местах. И все это — абсолютно новенькое. Это здесь стояла в течение двух недель какая-то испанская часть. Немцев это приводит в ярость.

4. Немцы храбры постольку, поскольку им приказано фюрером быть храбрыми. Ни на капельку больше. Испанцы совершенно не знают чувства самосохранения. Выбивают у них свыше 50% состава какой-либо части, остальные 50% продолжают

с песнями идти в бой. Это мы наблюдали собственными глазами. Немцы, согласно приказу, при первом же снаряде лезут в бункер и сидят в нем до конца стрельбы. У испанцев из нашей части погибло 14 человек оттого, что они не только не прятались от обстрела, но непременно мчались туда, где ложатся снаряды, чтобы увидеть, куда и как они попадают. Обычно второй или третий снаряд их накрывал.

5. Немцы, несмотря на свою сентиментальность, очень грубы с женщинами. Они любят устраивать подобие семейной жизни со своими подругами, но по существу — эгоисты и хамы с ними. А в «компании» они заставляют девушек чистить за собой уборные и с наслаждением и издевательством загаживают все. Немцу ничего не стоит ударить женщину.

Испанцы — страсть, наскок и подлинное уважение к женщине. Они очень легко и просто могут из ревности зарезать свою подругу, но никогда не ударят.

Немцы и испанцы сходятся только в одном — в своей неистовой ненависти друг к другу. Думаю, что в случае, скажем, переворота испанцы с удовольствием пошли бы вместе с нами бить немцев. Некоторые из них откровенно удивляются, что русские пошли с немцами. Растолковать им, что такое советский режим в самом деле, — никак невозможно. Хотя все они франкисты и страстные противники своих красных. Но все-таки… Немцы. Если у немцев все союзники такие, то их дело крышка.

06.10.42

Немцы объявили набор в рабочие батальоны. Вывешены огромные агитационные плакаты. Между прочими пунктами, рисующими все блага, которые ожидают записавшихся, имеется и такой: рабочие батальоны будут получать мыло наравне с немецкими солдатами.

Что это за глупость: нельзя же так наивно признаваться в своей нищете… Все неистово издеваются над этим пунктом… Какое убожество мысли и фантазии. Но все же остатки молодежи… идут. Слишком голодна и безнадежна наша теперешняя жизнь. Все-таки там хоть надежда не помереть с голоду.

Сегодня разговорилась с одной из моих прачек, интеллигентной девушкой Зоей. Она настраивается все больше и больше просоветски. Она с начала войны работает на тяжелых работах, так как не хочет продаваться за суп в солдатских частях…

05.11.42

(знакомство с басками — Н.Л.)… Как они не похожи на испанцев. Очень привлекательная внешность. Высокие, худые… Как будто бы из камня высечены. Очень сдержанно и благородно держатся…

12.11.42

Колей продолжают интересоваться разные высокие особы… новые СД пришли знакомиться… Просили составить наши пожелания насчет газеты…

16.11.42

Знакомство с новыми друзьями из СД принимает все более «интимный» характер. Сегодня были уже в третий раз (заинтересовала как гадалка)…

После гадания они попросили меня написать маленькие заметочки о «настроениях населения». Пожалуйста…. Я знаю, что им написать, настроения населения я тоже очень хорошо знаю. Заказ должен быть выполнен послезавтра.

…Сегодня опять приезжали «друзья». Заказ я выполнила. В моем меморандуме было на все вкусы. И о порке девушек в полиции и о назначении немецкими врачами (больных) женщин… на пилку дров, и публичный дом и все удовольствия. И не подкопаешься. Мы то ученые. Во всем, конечно, немецкое правительство совершенно не виновато, а только плохие солдаты и офицеры. Я указывала, какой вред это приносит «нашему общему делу» — делу борьбы с большевиками… Конечно, было глубокое и весьма наивное разочарование

…Вопрос «замяли» и уехали с холодком. Пусть ищут себе других осведомителей. Им нужны были настроения русского народа. Получайте!

26.11.42

…Друзья из СД приезжают «просто» побеседовать… Они обычно деликатно «забывают» у меня папиросы и табак… Сегодня я сказала Курту, что мы будем с ними до конца. Пока они победят большевиков. А там посмотрим, что нам принесут немцы. Он

заявил, что ему… я могу это говорить, но что больше никому из немцев это говорить нельзя… Сомнительное преимущество быть ценимым вражеской разведкой. Ведь теперь совершенно ясно уже, что немцы нам не помощники в нашей борьбе с большевиками. И ни на кого нам надеяться, кроме как на самих себя, не приходится.

01.12.42

…вдруг попалась книжка Ивана Солоневича «Бегство из советского рая». Читала ее всю ночь. Такой правды о нашей дорогой родине еще никто не написал. Стало обидно, что мы сидим здесь в этой дыре. И мы могли что-нибудь подобное написать. Коля все мечтает о газете…

4 «ЗА РОДИНУ» № 75 Четверг, 3-го декабря 1942 г.

От имени русской православной церкви:

Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной победы!

Германия дарит 1026 православных духовных книг русскому экзархату

У матери девяти воинов

Что мы пережили в

21.12.42

Приезжал какой-то тип из пропаганды из Гатчины. Немец. Приглашал Колю перейти к ним на работу, а, значит, и переехать в Гатчину. Все-таки близится, кажется, наше освобождение с фронта…

23.12.42

Странно, но Рождество ощущается и в нашем ужасном и фантастическом мире. Немцы его ощущают острее, нежели испанцы (хотя те истово молятся и внешне набожны!)… По-видимому, акции мои стоят высоко. Доцкий САМ принес подарки для меня и прачек…

27.12.42

Все наши немецкие друзья перебывали у нас за эти дни. Солдаты, конечно… Наши СД друзья прислали нам все, что полагается немецким солдатам: желудевые печенья, сигареты, дропсы, но сами тактично не приезжали…

Как в монгольские и татарские времена, когда спасались от злых ворогов, снова скрипят по дорогам возы, мычит скот, и детвора облепляет тяжело нагруженные домашним скарбом телеги...

Нет, не победит и ныне Русь чингисов стан советчины!

Залогом тому русская густая алая крестьянская кровь. Пережила и выжила она и Батыя, и боярское своеволие, и интриги смутного лихолетья... И течет она, питая русскую душу терпким соком страданий и радости, борьбы и одоления.

И вселялся ныне в Русь бес большевизма, — вспомните у Максимилиана Волошина:

Не тем ли духом одержима
Ты, Русь глухонемая? Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: прайди!...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет:
«Бес, изыди!»

Б. Филистинский

Картина художника В. М. Васнецова «Витязь».

Так жили

Небольшая, но правдивая история

Советский режим — режим фикций. Всегда нелепых, часто унизительных.

Активисты — идолопоклонники и мученики этих фикций. Затырканные советской бестолочью, вечно занятые мучительной и бесплодной возней с той или иной из этих фикций, выдвинутой очередной «кампанией», они губят всякое живое дело, к которому бы ни прикоснулись.

Глупые и честные ничего из этой возни не извлекают, кроме муки для себя и окружающих. Подлые наровят при этом устроить свои делишки.

*

В относительно небольшую квартиру, населенную исключительно интеллигентными людьми, была вселена комсомолка Катя. По методам вселения было ясно, что вселялась не просто, а для контроля и наблюдения. Что бы этот интеллигентски — беспартийный оазис не остался без опеки «ока недреманного».

С первых же дней своего вселения Катя стала требовать удаления из квартиры ванны, потому что от соседства с ванной в ее, катиной, комнате сыро. А от сырости и она и ее дочка болеют. Настоящей же причиной гонения на ванну была мысленка — сложить ее, катины, дрова в освободившемся закутке. Методами, весьма далекими от корректности, Катя добилась удаления злокозненной ванны. Но... промешкала осенью. По таинственным жилтовским*), законам — право на пользование освободившейся площадью принадлежало другим жильцам.

Тогда — по принципу «не доставайся никому» — Катя с пеной у рта стала требовать переоборудования ванной комнаты в газоубежище.

— Во многих домах уже есть. Нас водили на занятия Осоавиахима. Так красиво, чистенько. Столики, салфеточки, портреты Сталина и Ворошилова. И премию могут дать. Мы будем первые в нашем квартале...

Кате объяснили, что если заделать все щели, то в чуланчике через полчаса не хватит воздуха для тех, кто в нем будет спасаться: кубатура мала.

Выход ею был найден немедленно:

— А мы не будем заделывать дырку на двор, куда выходила труба колонки.

Пришлось снова объяснять элементарные законы физики. На все доводы Катя твердила свое. И отказ жильцов тратить силы и средства на оборудование осоавиахимовского уюта и добивания Кате премии и звания ударницы обороны — Катя объявила их антиобщественностью и даже... контрреволюционностью.

Дело дошло до штаба районного Осоавиахима. Приходили. Вопрошали. Измеряли. Обследовали. Трепали нервы. Все-таки, даже в осоавиахимские обследователи поняли, что даже и в их липовых отчетах двухметровый чулан для пятнадцати взрослых и шести детей — липа сверхударная.

Со свойственной этим учреждениям любезностью, Кате объявили, чтобы на «фузы не терла» и не «трепалась», а почаще бы ходила на собрания.

Обиду всю Катя жильцам припомнила. Не прошло и полугода, как одна из них катиными стараниями попала в клинику для нервных больных, а другой в... тюрьму.

О. Кравич.

Враг приближается, но русские добровольцы дадут ему должный отпор.

Девушка с мышкой

Фельетон

Слава композитора Дунаевского не давала спокойно спать М. Блантеру.

— Пхе! — думал он. — Композитор мне еще машется... Ордена, деньги зарабатывает. Песни его по всему Советскому Союзу разливаются. А чем все заслужено? Тавгинатом. Сквятит какой-нибудь старый мотив, переделает немного и готово. Сочинил, называется. «Эй, граждане сильнее» и вот превращал в четверти, четверти в восьмые, — и не прошло получаса, как гимнолобная песнь о Сталине была готова.

Поэту Суркову — труднее пришлось. Он под «новый» мотив выжимал из себя такие «шедевры»:

— Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде...

ЯНВАРЬ–АПРЕЛЬ 1943

02.01.43

Ходят тревожные слухи, что большевики начали большое наступление. Где — неизвестно. Газет мы не получаем. Радио запрещено под страхом расстрела. Оторваны от всего мира.

06.01.43

…Слухи о лагерях в Германии все ужаснее и невозможнее.

08.01.43

(о скандале между немцами и испанцами из-за выпоротой немцем девушки, закончившемся тем, что) испанцы… начали избивать всех попадавшихся им по дороге немцев. Побоище было настоящее. Как всегда в теперешнем сумасшедшем мире рыцарство проявило не офицерство… а простые солдаты. Похоже на то, что теперь во всем мире народ лучше своих правителей и своей «элиты». Немцы как будто нарочно делают все возможное, чтобы оттолкнуть от себя людей. Идиоты. Какое несчастье для русского народа, что ему приходится ждать помощи от немцев, а не от настоящих демократических народов. Но эти демократические народы усиленно помогают большевикам, предают русский народ на издевательство и уничтожение. Неужели они не понимают, какую петлю они готовят на свою собственную голову?… Говорят, что они понимают только свою выгоду. И этого нет. Всякому русскому колхознику ясно, что выгоднее было бы дать немцам разбить большевиков, а потом вместе с Россией разбить немцев.

16.01.43

Слухи о том, что немцы застряли плотно — все упорнее. Винят в этом и самих немцев и союзников. Неужели все жертвы, которые принес русский народ в эту войну, напрасны! И что же мы за несчастные такие.

22.01.43

Как будто бы какой-то проблеск надежды. Сегодня у городского головы был человек прямо из Берлина и рассказывал о каком-то советском генерале Власове. Вещи рассказывает невероятные. Как будто бы этот генерал с разрешения немцев и при их помощи организовывает русскую армию из военнопленных и остовцев. Так называются те, кто поехал в Германию на работы. О том, каково их положение в лагерях, рассказывают такие невероятные вещи, что невозможно было бы поверить, если бы наше дорогое правительство не научило нас ничему подлому [не] удивляться. Разве возможно, чтобы какое-либо другое правительство на свете запрещало родным переписываться со своими военнопленными и помогать им. А наше устроило так, не моргнув глазом.

Армия называется Российская Освободительная Армия. РОА… это движение как будто не реставраторское. Идеологию для этой армии поставляет какая-то эмигрантская партия. Значит, опять какие-нибудь эсеры или меньшевики. Других партий там как будто бы и нет. Да все равно. Всякая партия хороша, если она противбольшевистская и если она работает против них. Как глупо, что он толком ничего не знает. И как это так, сидеть в Берлине и не поинтересоваться такой вещью.

25.01.43

Еще один Татьянин день на войне. Тяжело и печально. Как будто бы прошло не полтора года, а полтора века, как мы не виделись с нашими ленинградцами. Здесь мы очень одиноки. Никого не интересует то, что интересует нас. Правда, здесь уцелела наиболее жуликоватая публика вроде Белковского, остальные или вымерли или разбежались, или вывезены немцами. Интереснее всего наблюдать повылезавших откуда-то «бывших». Имеется даже один земский начальник. Все они страстно мечтают о реставрации, о получении обратно своих имений, о возможности продолжить жизнь с того самого момента, на котором она прервалась в 17 году. Народ для них по-прежнему быдло и они мечтают расправиться с ним за все свои обиды. А перед немцами лебезят и лижут у них пятки. Вот и Белковский бьет по физиономии русского печника и унижается до тошноты перед немецким трубочистом. Видела сама своими глазами и именно перед трубочистом…

03.02.43

Дело идет к весне… Эвакуация усиливается. Говорят, что скоро нас всех поголовно вывезут. Никаким «говорят» народ уже не верит.

08.02.43

(после нескольких дней боев за Красный Бор — Н.Л.) Бой кончился. …Испанцы и все русское население сражалось с винтовками и револьверами. Красные никого не «освобождали» и в плен не брали. Они подводили танки к домам и били в дома и подвалы, где скрывались русские. Испанцы держались выше всякой похвалы. Красных выбили. Потери у испанцев до 50% части, но они продолжали биться. Даже немцы ими восхищаются…. Население немедленно переименовало «Красный Бор» в «Мясной Бор». Дело очень маленькое и никакого значения в общем ходе войны не имеет. Но нам совершенно безразлично — умрем ли мы при большом деле или когда «на фронте без перемен». А особенно все равно попасть к красным при сражении или без него. От души ненадолго отлегло. И так все время живем.

20.02.43

Слухи о разгроме немцев и о начавшемся большом наступлении большевиков подтверждаются. Погибла какая-то немецкая армия под Сталинградом. Несчастный русский народ. Что то его ждет. Только ничего хорошего. За себя я стала спокойнее. Твердое решение всегда помогает. Мы в руки большевиков не попадем. Смотрю на нас с Колей как на смертников. Достала еще морфию.

Слухи о формировании армии генерала Власова подтверждаются. Только не поздно ли? Страшно, если она будет чем-нибудь вроде армии ген. Краснова. Представляю этих «освободителей». Сама я казачка и казаков знаю хорошо. Они также как и прочие «бывшие» ничему не научились. Будет только лишняя резня и народ тогда уже окончательно никому верить не будет. Они скомпрометируют всякую освободительную идею. Называют в числе «освободителей» Шкуро. Как странно слышать эти имена теперь. Русский народ привык соединять с этими именами все, что только было плохого в монархии и белом движении… Неужели же больше ничего не дала русская

эмиграция? Русский народ сейчас пойдет с кем угодно против большевиков. Но после их свержения опять начнется резня. Если же то, что мы слышим об армии Власова, правда, то это истинный освободитель. …Страшно поверить. И можно было бы не с такими муками нарождаться этому освобождению.

01.03.43

Получили совершенно официальное сообщение о том, что мы переезжаем в Гатчину… Колю приглашают на работу в пропаганду… Неизвестно, что заставят делать в этой самой пропаганде. Если писать исследования о банях с точки зрения Заратустры — это еще ничего. Одна надежда на немецкий, точнее фашистский, идиотизм. Как мы различаем русский народ и большевизм, так же мы различаем немецкий народ и фашизм. И еще надежда на то, что чем дальше в тыл, тем больше возможностей, наконец, встретиться с теми, кто укажет, как связаться с делом Власова. Вот там бы мы начали пропаганду… Хотя бы скорее отсюда вырваться. Все-таки это тоже тюрьма, только расширенного образца.

Городской голова говорит, что в гатчинской пропаганде сидит очень симпатичная и теплая кампания, которая ставит себе целью обставлять немцев. Дай то Бог. Газета ихняя, которую нам привез Курт, положим, никуда не годится. Захолустная советская газетенка… Редактором там действительно сидит бывший редактор районной советской газеты. Вот ведь удается же людям попасть на такое место. А мы как в западне. Говорят, что в западных областях — в Минске, Могилеве выходят газеты и издаются русские книги. Почему же у нас тут такое убожество? Фронт мешает. До нас доходит такое страшное барахло из издающегося немцами для русских, что становится страшно: неужели все настоящие поэты и писатели остались «там»?

11.03.43

Убило снарядом какую-то бабу спекулянтку. Управа делила наследство. Нам достался ее последний паек, с каким ее и убило. Полицай нам принес сумку с пайком. На дне мы нашли ее паспорт и в нем 11000 рублей и завернутые в тряпочку несколько драгоценных камней и золотые часы. Коля пошел к городскому голове и сказал о находке. Тот примчался, как ошпаренный и забрал все… После этого к нам было целое паломничество всего

города — приходили и спрашивали: правда ли, что мы отдали в управу деньги и драгоценности?… А тот полицай, что принес нам паек и не догадался осмотреть сумку, хотел повеситься. И нашей невменяемостью огорчались врачи, учителя, инженеры и прочий цвет интеллигенции. Или мы в самом деле невменяемые, или весь мир сошел с ума и нормальные только мы. Противно до смерти. Я, кажется, права, что на смену всем былым «измам» теперь пришел «шпанизм» и мир живет по нему.

15.03.43

Наше «дон-кихотство»… вызвало даже отклик в столь благородном учреждении как СД… Курт и Пауль приехали узнать правда ли все это. Вид у них был настолько идиотски торжественный, что я не утерпела и начала хохотать. Колька бесится. Вся эта история ему страшно надоела и он говорит, что в следующий раз он непременно украдет деньги, чтобы только не разыгрывать роли благородно показательного идиота. Хвастает. Не украдет.

15.04.43

(о расставании с испанцами — Н.Л.)… Притащили мне на память массу фотографий. И даже капитан имеется. Буду хранить. И только подумать, у нас знакомство с испанцами. Если кто-либо предсказал такую штуку в апреле 1941 г., посмотрели бы как на сумасшедшего. После той закупоренности и оторванности от всего мира, наша теперешняя куцая свобода кажется фантастической. И даже уже этой свободой в некоторой мере насытились. Не ругаем теперь большевиков каждую минуту, как раньше. Чувства то наши остались к ним прежние, но уже привыкли к сознанию, что можно теперь говорить о том, о чем раньше боялись подумать, чтобы не проговориться во сне.

19.04.43

Переезжаем мы не в Гатчину, а в Тосно. Это 20 километров от фронта. В глубокий тыл…

МАЙ–ОКТЯБРЬ 1943

06.05.43

Тосно… Ехали мы два дня. Ночевать заезжали в один из русских рабочих лагерей, который находится всего в 25 км от Павловска, но мы никогда не слыхали о нем… Расположен прямо в болоте. Очень чисто в бараках. Но ночью в комнатах тучи комаров… Люди выглядят как привидения. Когда наша машина остановилась, то кто-то из проходящих лагерников очень злобно сказал: какие-то господа на нашу голову приехали. Стало очень горько. А тут еще бестактность нашего провожатого немца. Он немедленно прикомандировал ко мне «для услуг» девушку из лагеря. Но потом мы с ней подружились… Она поняла, что мы не «господа»… Они живут хуже, чем мы в Павловске…

…В пропаганде здесь работают настоящие русские люди. Военные. Советские все. Очень странно принимать у себя за столом партийцев… И вот я пою чаем своих злейших врагов. Так мы смотрели на всех партийцев в СССР. А среди них, оказывается, много порядочных людей… Не работать на партию, состоя в ней, они, конечно, не могли. Ну, а уйти из партии — это лучше и легче кончить жизнь самоубийством…

…Почти все пропагандисты, которые тут работают, бывшие партийцы. И их никак невозможно заподозрить в неискренности. Вообще, мы здесь узнали за неделю партийцев больше, чем за всю жизнь там. Все они народ малокультурный, но интересный.

Немцам-то особо культурные и не нужны, потому что они сами показывают все больше и больше свое несусветное дикарство. И наши партийцы и немецкие, ну совершенно одинаковы по узости кругозора и общей безграмотности. Только немцы упитаннее и воротнички чище. А по духовным запросам, по жажде знаний, культуры и по стремлению к усвоению нематериалистической идеологии наши дадут, конечно, немцам сто очков вперед.

Перемена нашего жития разительная. Сразу же от недоедания, почти полного голода, даже нищеты, полного бесправия к относительно высокому благополучию немецкого солдатского пайка, правовому положению немецкого служащего.

Коля уже получил вместо своих лохмотьев новый костюм. Костюм для бедного рабочего. Но после того, в чем он ходил до сих пор — люксус. Его настроения пока что радужные. Все его сотрудники одного с ним мнения, что с немцами, т. е. вопреки

немцам, можно кое-что сделать. Вчера он уже публично выступал на тему «Смутное время». Доклад был прекрасный. И говорил он все, что хотел, без оглядки на кого бы то ни было. Для контроля сидело два немецких чучела из пропаганды. Но переводчиком был свой — Даня. И перевод был соответственный. Даня относится к категории тех переводчиков, которые переводят все так, как надо….

…вчера была представлена вся публика из пропаганды. Два поэта и четыре прозаика. Очень интересная публика. Один особенно интересен. Кубанский казак, плохо грамотный. Пишет свои воспоминания о дореволюционной и послереволюционной станице. А так как после революции он пережил все удовольствия: и тюрьму, и высылку и немецкий плен и чудесное спасение во время расстрела, то воспоминания очень интересны. Но и помимо материала он очень талантлив и иногда прямо удивляешься как это человек, который совершенно не знает грамматики, ухитряется писать таким ярким и сочным языком….

Один из поэтов очень тонкий, вполне интеллигентный мальчик, студент. Обладает невероятными способностями к языкам. Пишет и хорошо новеллы. Третий уральский казак. Написал роман. Этот гораздо ниже кубанца. Но грамотен. И материал интересный.

Один из них, молодой, комсомолец, пишет роман о великосветской жизни. Совершенная чепуха. И так как он великосветскую жизнь представляет себе вроде жизни секретарей парткомов, то получается такая великосветская клюква, что без смеха слушать невозможно. А талант есть, и никак его не убедишь, чтобы он писал о том, что знает. О своем комсомоле, например…

11.05.43

Работа пропагандистов здесь выражается в том, что они пишут роман для себя и статьи для каких-то никому неведомых газет. Ни то, ни другое не печатается. Иногда их куда-нибудь возят или с докладом или с кино…

…Здесь уже настоящий тыл. Посевы на полях, огороды, коровы, куры, свиньи, козы. Можно купить все, даже одежду. Здесь я даже начинаю заниматься туалетами — перешила себе из старого платья юбку….

12.05.43

Колю возили опять куда-то читать доклад. Говорят, что прошло очень удачно…

Мой салон «круглого стола» процветает. Начинающие авторы все приносят мне свои произведения на отзыв и поправку…

Вот женского общества здесь для меня нет совсем. Или молоденькие девочки или совершенно неинтеллигентные… Большинство живет потребительскими интересами. А еще нас, вероятно, и боятся как немецких наемников. Все больше и больше доходит слухов об армии Власова. Но толком все-таки ничего не знаем. Поговаривают, что это очередной трюк и что военные власти сами ничего об этом не знают.

05.06.43

Приезжали Пауль и Курт. Уговаривают Колю согласиться на переезд в Гатчину. Как будто мы можем соглашаться или не соглашаться… И даже намекнули, что на окраине (Тосно) нам небезопасно из-за партизан. О них, правда, слухи все усиливаются. И мосты таки заваливаются. Вот тебе и непобедимые тевтоны. И в городе происходят разные странные вещи: по ночам какие-то люди кричат по улицам, что немцам «капут», и патрули никак не могут их поймать…

25.06.43

Друзья из СД бывают у нас довольно часто… Павловск и Пушкин эвакуируются. Немцы вывозят все население до одного человека. Хотят ли этого или не хотят. Хотят вывозить, но теперь уже мало кого осталось. Разрушают железнодорожные пути. Снимают не только рельсы, но ровняют даже насыпь. Совершенно ясно, что война ими проиграна. Ходят неясные слухи, что они изобрели какое-то ужасное оружие и, как только оно будет изготовлено в достаточном количестве, немцы будут непобедимы. Чепуха, вероятно, пропагандистская. Немцы подлецы и дураки. Но и демократия не умнее. Кому они помогают?…

07.06.43

Коля спросил у Курта, что немцы делают со всем эвакуированным народом. Курт ответил, что они нам не могут сказать. Понимайте, мол, сами…

12.07.43

Идут бои на Мге….

22.07.43

Что будет дальше неизвестно… У нас все время острое ощущение ловушки… В пропаганде ребята даже перестали делать вид, что пишут статьи.

№ 168 (263) Четверг, 22 июля 1943 года Цена 50 коп.

ЗА РОДИНУ

ЧИТАЙТЕ СЕГОДНЯ:

Сталин — отъявленнейший циник

Воспитывать человека и гражданина

Европа — мощная боевая база

За кулисами „рая" трудящихся:

СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ — ТРУДОВЫЕ РАБЫНИ СТАЛИНА

Циничные признания

В СССР миллионы женщин изнывают под ярмом принудительного труда, но „Москва слезам не верит"

Снова уничтожены 562 советских танка

В Средиземном море потоплено вражеское грузовое судно в 10.000 брт.

ИЗ ГЛАВНОЙ СТАВКИ ФЮРЕРА

27.07.43

Часть отдела пропаганды уезжает в Двинск. (Коля остается на месте)… Ужасно только одно, что большевики приближаются…

17.08.43

Приезжали из Двинска двое наших. Уже совершенно определенные слухи привезли о Власове. Что-то есть и настоящее. Обещали приложить все усилия, если им удастся туда попасть, перетянуть и нас…

01.10.43

Приезжал какой-то тип из Гатчины и привез нам назначение… Говорил с Колей о книжке, какую он пишет. Называется «Новая Европа». Какие все же фашисты дураки. Ну, какая тут новая или старая Европа, когда… нет ни малейшего сомнения в конце….

05.10.43

Была сегодня в кино. В первый раз со времени войны. Видели чудесный фильм «Шведский соловей». Я получила истинное наслаждение от того, что это ничего общего не имеет с настоящим. Но было кое-что и ядовитое. В кинохронике показывали сбор урожая на Украине и (то), как теперь при немцах зажиточно живут русские крестьяне. И вдруг промелькнул на одну секунду немецкий солдат с записной книжкой, ведущий учет выхода зерна из-под молотилки. И идиллия сейчас же кончилась. Пахнуло милым и старым заготзерном и прочими советскими удовольствиями. Ну, какие же все-таки дураки…

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 1943

16.11.43

Мы в Риге. В настоящей заграницe… Привезли нас сначала на какую-то пустую дачу, и мы все устроились на полу. Теперь мы имеем маленькую комнатушку в соседней даче. Латыш, хозяин дачи, начал кричать на нас, что он нас не хочет. Мы сказали, что у нас нет намерения лезть к ним нахально и что мы не переселимся к ним. Но мы не имеем возможности выбирать для себя помещения и пусть уж они устраиваются с немцами, как хотят. Через два дня они пришли сами просить нас переехать к ним. Во дворе дачи живет латыш, полукрестьянин — полурыбак. Он, а особенно его жена, очень милые. Здесь я и Коля имеем настоящую работу в настоящей газете.

Газета «За Родину» пережила два этапа развития. Первый, когда в ней владычествовал Игорь Свободин, псевдоним немца, ни слова не знавшего по-русски. Газета было просто нацистским листком и наполнялась бредом Свободина. Она совершенно не читалась и даже немцам, наконец, стало ясно, что вести газету по-прежнему нельзя. Игоря Свободина убрали. Появился новый штат сотрудников, русских. Газета добилась относительной независимости и скоро приобрела влияние среди русского населения. Газета выходит ежедневно. Тираж 80000 экземпляров. Номер стоит 5 пфеннигов. Но в некоторых областях, как Минск, Витебск, она продается из-под полы по 5 марок номер. Расходы, включая и гонорары сотрудников, составляют 2–3 тыс. [2–2,5 тыс.] марок. Доход [остальное] забирают немцы. Приятно сознавать, что газета не только не издается на деньги немцев, но еще и платит им. Т. е. немцы грабят нас, нищих. Но этим оплачивается наша независимость. Редактор Стенросс. Из Советского Союза. **Он не профессионал…, но журналистская и редакторская хватка у него есть. Сотрудники люди разные. Основное разделение — люди с убеждениями и циники. Фашистов презирают и те и другие…** Большинство сотрудников — люди независимые. Немецкая указка чувствуется слабо. Но не все можно писать, что хочется. Нельзя, например, ничего писать о Власовской армии, которая все больше и больше начинает обозначаться на нашем мрачном горизонте. Нельзя писать о национальной России. Но можно не писать того, чего писать не хочешь. Немцы не заставляют кривить душой, если не считать кривизной умалчивание. Немцы виноваты в наших

умалчиваниях, но не в наших высказываниях.

01.12.43

Была в редакции и познакомилась со Стенроссом [Стенросом]. Мои статьи все печатаются.[5] И я очень довольна, что, наконец, имею возможность отвести душу. Все же нас не принуждают говорить то, чего мы не хотим. **Мы не можем сказать всего, что мы хотим.** Так, например, в статьях Лютова нет ни малейшего намека на антисемитизм или на преклонение перед немцами и Германией. Это не подвиг воздержания. Молчать никому не возбраняется. И если кто-либо из сотрудников позволяет себе антисемитские выпады (что случается очень редко), то не немцы в этом виноваты; если кто-либо низко кланяется перед немцами (тоже не часто), это дело его совести. **Конечно, немцам нужно говорить со страницы газеты свое…** Газета является боевым антибольшевистским органом. Немало места также посвящает(ся) вопросам русской культуры. В общем, газета настоящая, и редактор настоящий, и работа настоящая. Наконец-то мы до нее добрались! **Спасибо нашим друзьям из СД.**

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

„Плановая" советская эвакуация

Последние дни советского Пушкина. Немецкие снаряды уже рвутся в городе. Жители стремятся в Ленинград, но выезд строжайше запрещен и власти заявляют официально, что городу не грозит никакой опасности.

В ночь на 16 сентября 1941 года не менее 300 человек, преимущественно женщин и детей, находилось в подвалах Екатерининского дворца. Тусклые коптилки чуть освещали бесконечные коридоры. Господствовало жуткое подавленное настроение; разговор вполголоса сливался в неясный гул. Неожиданно в конце одного из коридоров появляется человек с фонарем, повидимому «начальство». Без всяких предисловий человек начинает читать какую-то бумажонку, слышат его только ближайшие к нему люди. Бумажонка эта будто-бы телеграмма с приказом: всем покинуть бомбоубежище и немедленно отправляться на вокзал, а там будто-бы ждут поезда для отправки беженцев в Ленинград. Прочитав свою бумажонку, человек немедленно ушел.

Толпу охватило волнение. Огромное большинство ничего не расслышало; все спрашивают друг друга, в чем дело.

Зашевелились в полутьме люди, задвигались узлы, где-то погасла коптилка; восклицания становятся взволнованные; раздается детский плач.

Люди начинают выходить на улицу. Но у выхода стоят вооруженные милиционеры. Они ничего не слышали о приказе, об эвакуации. Зато они знают о том, что ходить ночью по улицам нельзя. Они встретили толпу окриками и прикладами. Навстречу прикладам понеслись отчаянные вопли и женские рыдания. Дюжие милиционеры легко справились со стариками и женщинами и загнали их обратно в подвал.

А там нервы людей больше не выдержали. Люди метались и плакали. Кто кричал, что нужно итти на вокзал, кто советовал оставаться на месте до утра.

В это время раздались стуки молотка: одну из дверей стали заколачивать зачем-то досками. И вот раздался чей-то отчаянный истерический крик:

— Нас здесь замуровывают, граждане, чтобы взорвать! А потом скажут, что мы погибли от немецких зверств!

И тогда подлинное отношение всей этой массы людей к своему правительству стало ясным. Никому не пришло в голову усомниться. Всякий считал в высшей степени естественным для советского правительства — взрывать своих подданных за здоровожившешь.

Людской поток с визгом и воем ринулся к выходу. Милиционеры открыли стрельбу в воздух, но были опрокинуты. Сбивая с ног и топча друг друга, обезумевший люд вырвался из под темных сводов дворцовых коридоров и очутился на улице под великолепными царскосельскими липами, звездами теплой сентябрьской ночи и немецкими снарядами. Все стали разбегаться, кто теряя свои пожитки, кто прихватывая чужие.

Некоторые устремились на вокзал. Конечно, никаких поездов там не оказалось. Другие бросились на свои квартиры. Улицы наполнились потоком бегущих ног, криками и плачем. Через час люди забились в дома, подвалы и щели. Последние автомобили с бегущими коммунистами давно скрылись. На окраинах города появились первые немецкие солдаты.

Так кончилось одно из эвакуационных мероприятий советской власти, знаменитой «плановостью» своих действий.

О. Кравич.

18.12.43

Сегодня получили страшное известие о гатчинцах. Мальчик, сын врача, о котором говорили, что он комсомолец, оказался членом какой-то национальной русской организации. Она шла против немцев и против большевиков. Его немцы расстреляли перед уходом. По доносу. А батюшку Гатчинского, о. Федора, повесили большевики.

[20.12.43]

Завтра еду в больницу. Мое здоровье совсем расхлябалось. Вешу 36 кг.

ЖАКТ

Снимок с натуры

«ЖАКТ» (жилищно - арендное - кооперативное товарищество) звучит невинно и даже идиллически. Кооперировались люди для совместной аренды квартир у государства. А сколько уродства, страдания и даже преступлений скрыто за этим словом. Какое издевательство над человеческим стремлением к уюту и комфорту.

Представьте себе квартиру, рассчитанную на одну семью. Однако в ней ютится семей не меньше, чем комнат, — а часто и гораздо больше. Комнаты делятся на «углы» фанерными перегородками. Люди живут в комнатах, живут в чуланах, живут в перегороженных и отгороженных коридорах; живут в ваннах, под лестницами. Живут всюду, где есть хоть малейшая возможность жить. За каждый вершок, за каждую щель площади идет непрерывная и беспощадная война, то открытая, то выражающаяся в подвохах и тайных пакостях. Случится человеку тяжело заболеть — и смерти его уже ждут с циничным вожделением десятки претендентов на его жалкую площадь. Пока родственники провожают покойника на кладбище, в его комнату врывается новый наглый жилец. Попробуйте выжить его оттуда. Для этого понадобится долгая судебная канитель, почти всегда безуспешная. В жактовских делах советская юстиция придерживается принципа: блаженны обладающие...

Последним кругом жатковского ада является кухня. В ней имеется плита, которая почти никогда не топится по причине вечного дровяного голода. На этом унылом алтаре жактовского «уюта» гудит около десятка примусов. То и дело какой нибудь из них расчихается и начинает извергать клубы удушливого и едкого чада. Поднимаются возмущенные вопли.

«Всегда у Поляковых примус заливает!» «Все на кого то надеются!» «Лакеев теперь нет...» и т. п. в бесконечных вариациях.

Характерно то, что люди будут истошными голосами звать владельца виновного примуса, но почти никогда и никто не сделает простого и естественного жеста — повернуть одним движением пальца винтик примуса и погасить его.

По утрам обитатели жакта, обменявшись вялыми приветствиями и шпильками, толпятся у водопроводного крана. Происходит публичное умывание «в очередь». Задние не очень любезно просят передних поторопиться. К девяти часам большинство жильцов уходит на работу. В квартирах остаются какие нибудь старушки, а главным образом дети — «цветы жизни». Большая часть их предоставлена «воспитывающему» влиянию двора и улицы, меньшая — заперта по комнатам. Сколько этих безнадзорных детей попадает под автомобили и трамваи, сколько сожигается и увечится на кухнях, сгорает в запертых комнатах! Об этом советская печать скромно умалчивает.

Жакт это клубок ненависти, часто приводящей к преступлениям.

Плюнуть в чужой обед; насыпать мусора и химического карандаша в кипятящееся белье ненавистного соседа; снять жир с чужого супа — все это в жактах явления самые заурядные. Но не редки и настоящие преступления. В камерах суда рассматриваются дела о подкладывании битого стекла в пищу, об ошпаривании кипятком детей, о вывихнутых у них пальцах.

Кроме мучительной тесноты и борьбы из-за площади, самое страшное в жактах — разница вкусов, уровня развития и культурных потребностей и интересов в условиях принудительного сожительства. Вы, например, любите тишину. Ненавидите радио, патефон и прочую механику, заменяющую музыку. Ваш сосед, включив однажды радио, никогда его не выключает. И вот оно шипит и хрюкает от восьми утра до двенадцати ночи без перерыва. С другой стороны комнаты живет соседка, любящая уют и чистоту. А времени мало. И вот она ночами натирает полы, убирает комнату, стирает. У другой же соседки, над вами — танцуют.

Прибавьте ко всему этому доносы в жилуправление на незаконно ночевавшего приятеля из провинции, на развешанное в комнате белье. Правда, у доносчика белье тоже сушится в комнате, — потому что где его иначе сушить. На чердаке, если даже он и приспособлен, непременно украдут; во дворе «цветы жизни» устроят из него мишень для стрельбы в цель грязью или кликой, смотря по сезону.

А проклятая необходимость отстаивать собственные права, которым угрожает ежеминутное попрание? И махнуть рукой нельзя, — иначе рас оседлают и заездят. То вам приходится защищать свою территорию на плите для примуса; то убеждать, что помои и рыбьи кости бросали в ванну не вы; то доказывать, что печка «активиста» Семки топится вашими дровами, купленными вами у частника, поэтому сильно отличающимися от получаемых по ордерам. А Семка обычно и по ордерам дров не покупает, печка же у него топится и хорошо топится.

Предоставим воображению читателя нарисовать, что могут добавить к жактовской каторге усилия жактовской «общественности». А ее «творчество» неисчерпаемо...

О. Кравич

Продажа елок к наступающему Рождеству.

МАРТ–ИЮЛЬ 1944

26.03.44

Вчера выписалась из больницы. Дневника там не писала, но статьи и даже стихи писала. Зато много очень передумала. Наша дорога правильная и если бы пришлось еще раз начинать сначала, проделали бы то же самое и в том же порядке. Коля, бедняжка, ходил ко мне каждый день. Это только нужно себе представить. Вечер. Затемнение. Трамваи ходят плохо. Живем за городом в 3-х километрах от автобуса и трамвая. Голое поле. Печка в нашей комнате дымит невыносимо. Придет домой и топить не хочется — всё равно никакого тепла, а только дым и угар. Голодный. И вот — ходил. Не пропустил ни одного дня. В больнице врачи — латыши. Старого поколения. Русской культуры. Все говорят по-русски великолепно. Зато — молодежь не знает русского языка и совсем не хочет знать. Немцев ненавидят, но и русских теперь не меньше. После «освобождения» 39 года…

А старшее поколение ждет избавления от немцев. И никакими силами нельзя заставить их поверить, что они живут сейчас как в раю по сравнению с тем, что им принесут большевики. Что бы немцы ни делали с народами, как бы они ни были подлы, им далеко до большевиков. Никогда они не сумеют так зажать все духовные истоки народов, как эти. И мы будем с немцами до конца.

04.04.44

Опять волнующие слухи о генерале Власове. Армия-таки в самом деле организуется. Сегодня познакомились с пропагандистами из этой армии. Вот откуда веет свежим духом и свежим ветром. И мы приложим все усилия, чтобы попасть в эту армию. Но это не так-то просто делается. Ничего, как-нибудь перебьемся. Было бы только, для чего жить и стараться.

18.04.44

Пасха. Первая Пасха на полной воле. В смысле съедобного оформления она была более, чем скромной. Но какая приятная. Какая радостная. Был у нас сотрудник не редакции, а конторы,

Кирилл Александрович. Совсем молодой человек. Старый эмигрант. Россию помнит только смутно. Но как он ее любит. Он принес мне яйцо, расписанное им самим. Пробыл у нас целый день. Какая прекрасная молодежь здесь!

27.04.44

Наконец мы переехали, в самую Ригу. **И немедленно же зажили другой и полной жизнью. Масса знакомых. Живем в том самом гетто, из которого только недавно вывезли евреев. И это несколько омрачает [омрачняет] наше существование…**

[5.05.44]

Познакомились с бездной замечательных людей. Особенно хороша староэмигрантская молодежь: Кирилл Александрович познакомил меня со стайкой девушек. Ну, до чего милы! И до чего по-настоящему русские! Как нам становится жалко нашу несчастную советскую молодежь. Девочки рассказывали нам о пережитом ими разочаровании в советских людях во время «освобождения» Латвии. Они встречали всех русских, как своих дорогих и любимых, а в ответ получали грубость и недоверие. Одна рассказывала, как они с подругой протянули букет цветов танкисту и тот грубо сказал: мы пришли сюда не за вашими цветами. Они обе плакали из-за его грубости. И так было на каждом шагу. Они недоумевают и до сих пор. Некоторые, например, никак не хотят поверить ничему дурному о Советской России и на наши рассказы говорят, что все это «пропаганда». Не дай Бог им на деле узнать эту «пропаганду».

18.05.44

Около нас сплотилась группа очень стойкой молодежи. Особенно хороши две девушки и два паренька. Руководит ими, по-видимому, Кирилл Александрович, но он очень скромный. Какую работу они ведут, так просто диву даешься. Хорошо, что мы, наконец, переехали в город. Сейчас же и люди нашлись. Еще никогда не жили такой полной и такой насыщенной жизнью.

20.05.44

В редакции появилась новая сотрудница. То ли на правах секретаря редакции, то ли еще на каких-то. Очень молодая, умница, сухая и … настроенная явно пронацистски. Она пишет очень умные передовицы, но в них часто стали мелькать пронемецкие настроения и это возмущает наиболее идейную часть сотрудников. Влияние она имеет очень большое, поэтому я перестала печататься. Т. е. меня перестали печатать. Она живет в нашем же доме и приходит к нам часто по вечерам для разговоров. Так как я не скрываю своих власовских симпатий и демократизма, то результаты естественные…

15.06.44

Масса событий. Во-первых, мы были приглашены в русский клуб для молодежи, устроенный все тем же Кириллом, девочками и еще одним замечательным пареньком — Славой П. И откуда они только такие берется! Оказывается, все это русские скауты или «Российские разведчики», как они себя именуют. Их работа далеко переросла чисто скаутскую и стала национально-политической, хотя они этого не хотят и не подозревают. Во-вторых, Колю возили читать доклад в школу, которая готовит пропагандисток для Власовской армии. Руководит ею какая-то голландка. И делает чудеса. Коля приехал в восторге. Понемногу эта загадочная Власовская армия начинает принимать более конкретные формы: Колю приглашал для переговоров о чтении лекций в школе пропагандистов некий полковник П., ведающий набором кадров во Власовскую армию. Коля познакомился со стариком Аскольдовым, и в восторге от этого знакомства, а я — с одним офицером-пропагандистом. Я о нем очень много слышала. Методы, которые он применяет при работе, как раз те самые, о которых мы много говорили с Колей и которые считали только нашим изобретением. Оказывается, и у других людей работа мысли шла в том же направлении. Совершенно непередаваемое ощущение, что ты не кустарь-одиночка, и что где-то есть еще такие же, как и мы. В газете были опять попытки немцев заставить нас говорить о том, что русская культура многим обязана немцам. Ничего из этой попытки не вышло. Мы весьма высокого мнения о немецкой культуре и, когда будем обладать действительно свободной печатью, не преминем принести этой культуре дань уважения. Теперь — нет: несвоевременно. И немцы отступились. Такой же, а может и еще больший отпор получили они, когда пытались начать в газете разглагольствования о том, как русские угнетали подвластные им народы. Газета до сих пор

остается русской. Что будет дальше — неизвестно.

17.06.44

Одну мою статью редакция, вернее — эта барышня, забраковала. И дали мне почувствовать, что я могу больше вообще не беспокоиться писать. Я послала ее в Ревельскую газету. Там ее напечатали, а «Пресс Шпигель» перепечатала. Надо сказать, что это была одна из моих самых удачных антибольшевистских статей.

20.06.44

Появилась на горизонте М.Ф. Ее вывезли из Царского Села на мызу к латышскому крестьянину. Здесь же где-то и наш павловский городской голова и много еще других. Все это уже совершенно не интересно. Меня интересует теперь только Власовская армия.

22.06.44

Нам обещают работу во Власовской армии! Наконец-то работа без Куртов, Паулей, Фрицев и всех прочих симпатичных благодетелей! Большевики всё приближаются. Наши мальчики и девочки разработали подробнейший план переброски нас в Швецию на лодке или на плоту. Лодку предполагалось украсть у латышских рыбаков. И уже были намечены две для этой цели. Если бы не БоБе (немецкое учреждение по эвакуации — Гр.), то этот план был бы приведен в исполнение. Очень жалко расставаться со всеми ними. Они здесь остаются. Помоги им, господи.

25.06.44

Вчера Коля не ночевал дома. У меня ночевала одна из девочек. Старшая. Мы ни на минуту не сомкнули глаз и даже не ложились. Мы с нею очень много говорили на всякие, самые волнующие, темы. И, конечно, больше всего о большевиках и о борьбе с ними. С немцами, конечно, все уже кончено. А говорили мы под аккомпанемент выстрелов на еврейском кладбище. Мы

решили, что это немцы пристреливают оставшихся еще в живых евреев. Невозможно передать наше состояние от такого предположения. И, вероятно, я никогда не буду уже в состоянии так говорить о демократии, о гуманизме, о непременном торжестве добра, как говорила тогда. И я видела, что она уехала на работу с глазами не такими безнадежными, какие у нее были, когда началось дьявольское действо на кладбище. Может быть, все это было и наивно и кустарно, но для молодой души это было то, что надо. И такие слова, которые мы теперь стесняемся произносить, вроде Мирового Добра и Милости Божией, они были на месте. И мне не стыдно.

28.06.44

Еще один решающий отъезд в нашей жизни намечен на 5-е июля. Молодежь почти не выходит из нашего дома. Немцы все тянут и тянут с оформлением армии Власова. Да, драться эта армия будет, как никакая другая в мире. Несмотря на всю свою паршивую интеллигентскую закваску — я своими руками повесила бы Розенберга и весь его штаб.

03.07.44

Сидим на узлах. Публика, не наши, а обыватели, паникерствуют страшно. Мы же совершенно спокойны. На фронте дела совершенно безнадежные. И все господа, которые работали на немцев не за страх, а за совесть, первые вопят о том, что на немцев положиться нельзя. И надо спасаться самим.

04.07.44

Слухи все тревожнее и тревожнее. Большевики приближаются, но я уверена, что и на этот раз выскочим.

05.07.44

Приехала подвода за нами. Следующая запись будет уже в Германии. Прощай, милая Рига!

notes

Примечания

1

В 1918 году город Павловск был переименован в Слуцк в честь революционерки Веры Слуцкой, погибшей в 1917 году. В 1944 году городу было возвращено первоначальное название.

2

«Голубая дивизия» (*División Azul*) — 250-я пехотная дивизия вермахта, состоявшая из испанских добровольцев (антикоммунистов, желающих отомстить СССР за участие в Гражданской войне в Испании, а также людей, прельщенных двойным (испанским и немецким) жалованьем, особенно привлекательным в условиях испанской безработицы). Название дано по цвету униформы, заимствованной у фалангистов, членов испанской правящей партии (Фаланги), — синим рубашкам. Штатная численность дивизии ок. 17 тысяч человек, за все время существования дивизии в ее составе воевали 40–50 тысяч человек. «Голубая дивизия» находилась на территории Ленинградской и Новгородской областей с октября 1941-го по октябрь 1943 года, когда была расформирована по приказу Фр. Франко, но часть солдат осталась в рядах немецкой армии (перешли в Германский иностранный легион).

3

Александр Рудольфович Трушнович (1893–1954) — видный деятель русской эмиграции, один из руководителей Народно-трудового союза (НТС). Словенец, родился на территории Австро-Венгерской империи. В Первую мировую войну воевал, перешел на сторону России, в Гражданскую — воевал в Белой гвардии, попал в плен к красным, бежал, скрывался, потом жил под другой фамилией. В 1934 году как бывший подданный Австро-Венгрии добился выезда в Югославию, в 1944-м перебрался в Германию. Работал врачом и занимался общественной деятельностью в рамках НТС. В 1954 году был похищен и убит советскими агентами.

Noble señora — «благородная госпожа».

5

Статьи выходили под одним из псевдонимов Поляковой — О. Кравич. (*Namenlos*)